Издательский Центр
«Гуманитарная Академия»
Г
А

Н. Б. Вахтин
Е. В. Головко

Социолингвистика и социология языка

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»
Европейский университет в Санкт-Петербурге
2004

УДК 316.33
ББК 60.56
В22

Рецензенты:
П. А. КЛУБКОВ, И. В. УТЕХИН

Вахтин Н. Б., Головко Е. В.

В22 Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. — 336 с.

ISBN 5-93762-044-5
ISBN 5-94380-036-0

Предлагаемое вниманию читателя учебное пособие основано на курсе социолингвистики, который авторы с 1996 года читают на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, а также — в течение ряда лет — на филологическом факультете Петербургского государственного университета. В книге рассматриваются темы и проблемы, входящие в стандартные курсы социолингвистики, читаемые в университетах США, Великобритании и других стран; дается необходимый набор терминов, понятий, определений, цифровых и справочных данных; приводится обширная библиография.

Данное пособие адресовано прежде всего студентам и аспирантам филологических факультетов и факультетов социологии, а также всем интересующимся социальными проблемами языка и лингвистическими проблемами общества.

ISBN 5-93762-044-5
ISBN 5-94380-036-0

© Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко, 2004
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004
© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателя учебное пособие основано на курсе лекций по социолингвистике, который читается на факультете этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге с 1996 года по настоящее время. В ходе подготовки курса и чтения лекций мы убедились в практически полном отсутствии такого рода пособий вузовского уровня на русском языке, отражающих *современное* состояние социолингвистики[1], притом что учебники, хрестоматии, различные пособия, изданные на английском, исчисляются десятками. Поскольку в силу ряда причин мы отдаем предпочтение именно англо-американской, а не, скажем, французской или немецкой традиции в социолингвистических исследованиях, читаемый курс базируется преимущественно на англоязычной литературе.

В основу данного издания положены несколько книг, широко используемых в американских и западноевропейских университетах при преподавании курса социолингвистики[2]. Многие теоретические положения, определения, а также конкретные примеры заимствованы в большей или меньшей степени из этих работ; впрочем, такого рода материал составляет не более половины текста настоящего пособия. Все остальное — наши добавления, взятые из других источников или из собственного опыта социолингвистических исследований. Ссылки на книги, указанные в сн. 2, в тексте не даются; вместо этого в конце каждого раздела в списке рекомендуемой литературы приведены соответствующие разделы и страницы этих книг. Источники материала, взятого из других изданий, специально оговариваются.

---

[1] Единственным исключением может считаться недавно вышедший учебник, написанный В. И. Беликовым и Л. П. Крысиным (Беликов, Крысин 2001).

[2] Appel, Muysken 1987; Hudson 1990; Fasold 1995; Fasold 1996; Trudgill 1995; Foley 1997.

Учебное пособие включает следующие разделы: Введение (*Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко*); Глава 1. Язык и общество (*Н. Б. Вахтин*); Глава 2. Социальные диалекты (*Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко*); Глава 3. Отношение к языку. Индивидуальный выбор языка (*Н. Б. Вахтин*); Глава 4. Коллективный выбор языка: языковой сдвиг и сохранение языка (*Н. Б. Вахтин*); Глава 5. Коллективный выбор языка: новые языки и конструирование новых идентичностей (*Е. В. Головко*); Глава 6. Языковая политика. Языковые меньшинства. Двуязычное образование (*Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко*); Глава 7. Язык и власть (*Е. В. Головко*); Глава 8. Межличностная коммуникация. Межкультурная коммуникация (*Е. В. Головко*); Глава 9. Дискурс и дискурсный анализ (*Е. В. Головко*); Вместо заключения (*Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко*).

Авторство разделов предлагаемого пособия отражает разделение тем, читаемых в разные семестры. Соавторство в ряде разделов означает, что, в зависимости от изменений в программе, темы переходили от одного автора к другому, а лекции неоднократно перерабатывались.

Основной проблемой для любого изучающего социолингвистику в России является дефицит литературы. В настоящем учебном пособии приводятся библиографические сведения нескольких типов.

Во-первых, мы сочли необходимым дать список основных публикаций по социолингвистике на русском языке (см. раздел «Основные публикации...»). Этот список, несомненно, неполон, однако нужно учитывать, что он является отражением не столько эрудиции, сколько вкусов авторов учебника.

Во-вторых, каждая глава заканчивается списком рекомендуемой литературы (основной и дополнительной), и, хотя эта литература в большей или меньшей степени рассматривается, а иногда и пересказывается в соответствующей главе, знакомство как минимум с первой частью списка необходимо для того, чтобы получить достаточное представление об излагаемой теме.

Наконец, в-третьих, в конце книги, в разделе «Литература», приведены все работы, которые так или иначе упомянуты в тексте учебного пособия.

Кроме того, в учебном пособии имеются три указателя: указатель имен, в который включены все фамилии, встречающиеся в тексте и в библиографических списках к главам, указатель географических названий, народов и языков и указатель основных терминов и понятий.

Мы хотели бы выразить особую благодарность всем аспирантам факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, которые в период с 1996 по 2003 год слушали лекции по социолингвистике и социологии языка и участвовали в семинарах. Они постоянно и успешно разрушали монологичность лекционного жанра, не давая нам расслабиться и закостенеть и превращая занятия в увлекательный диалог, исключительно полезный, как оказалось, и для авторов настоящей книги.

Мы будем признательны всем читателям за замечания и предложения по структуре и содержанию данного учебного пособия.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Список публикаций дан по разделам. В первый раздел — *Публикации 1920–1930-х годов* — вошли основные работы русских ученых, опубликованные после революции 1917 года и до начала 1930-х годов, когда социолингвистическая работа в нашей стране фактически прекратилась. Во второй раздел — *Публикации 1960–1980-х годов* — мы сочли возможным включить те немногие исследования, содержащие конкретные данные по языковым ситуациям, социальным диалектам, языковым контактам, которым удалось «пробиться» через цензурные «рогатки». Раздел *Публикации после 1990 года* включает работы постсоветского периода; этот раздел, к сожалению, неполон, поскольку далеко не все публикации 1990-х годов оказались нам доступны. Наконец, последний раздел учитывает основные *переводные публикации* — статьи и книги западных ученых, изданные на русском языке. Литература, включенная в два последних раздела, постоянно пополняется новыми публикациями.

Публикации 1920–1930-х годов

Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. (См. переиздание в кн.: Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 216–380; там же см. автореф. этой кн.: Новейшие течения лингвистической мысли на Западе. С. 190–215.)

Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин, 1923. (См. переиздание в кн.: *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 215–266.)

Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. (См. переиздание в кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977).

Ларин Б. А. Об изучении языка города // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. (См. переиздание в кн.: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977.)

Поливанов Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.

Поливанов Е. Д. Стук по блату // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.

Поливанов Е. Д. Круг очередных проблем современной лингвистики // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов... // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Поливанов Е. Д Фонетика интеллигентского языка // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. М., 1928.

Шор Р. О. Язык и общество. М., 1926.

Шпильрейн И. Н., Рейтынбарг Д. И., Нецкий Г. О. Язык красноармейца: опыт исследования словаря красноармейца московского гарнизона. М.; Л., 1928.

Публикации 1960–1980-х годов

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.

Алпатов В. М. Япония. Язык и общество. М., 1988.

Виноградов В. А., Ковалъ А. И., Порхомовский А. И. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М., 1984.

Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987.

Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Городское просторечие: Проблемы изучения / Ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. М., 1984.

Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1987.
Зарубежный восток: Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М., 1977.
Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л., 1972.
Русский язык и советское общество: В 4 кн. М., 1968.
Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.
Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.
Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
Функциональная стратификация языка. М., 1985.
Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.
Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, методы, проблемы. М., 1976.
Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.
Язык и личность. М., 1989.
Язык и общество. Л., 1968.

Публикации после 1990 года

Алпатов В. М. 150 языков и политика. М., 1997.
Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. (Гл. 5).
Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк. М., 1998.
Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.
Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.
Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.
Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». М., 1995.
Диахроническая социолингвистика / Ред. В. К. Журавлёв. М., 1993.

Дьячков М. В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. Проблемы языковой интерференции. Л., 1990.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.

Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1. Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком / Ред. В. М. Панькин. М., 1994.

Культурно-речевая ситуация в современной России / Ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000.

Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Методы социолингвистических исследований. М., 1995.

Рабинович Е. Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2001. (Разд. 1).

Развитие языков в странах зарубежного востока (послевоенный период). М., 1983.

Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Ред. Е. А. Земская. М., 1996. Ч. 2.

Русский язык сегодня. [Вып.] 1. М., 2000. (Разделы «Социокультурные аспекты функционирования языка», «Речевое общение».)

Тишков В. А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124).

Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы междунар. конф. М., 1996.

Язык, культура, этнос. М., 1994.

Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова. М., 1990. (Разд. 5.)

Языки народов России: Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.

Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.

Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. Т. 1.

Переводные публикации

Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980.

Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979. (См. также повторное издание: Благовещенск, 2000.)

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. (См. также повторное издание: Благовещенск, 2000.)

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Клемперер В. LTI: Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998.

Кристал Д. Английский язык как глобальный. М., 2001.

Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Сигуан М., Макки У. Ф. Образование и двуязычие. М., 1990.

Язык и моделирование социального взаимодействия / Ред. В. В. Петров. М., 1987.

ВВЕДЕНИЕ

Социолингвистика сформировалась в пределах «материнской» науки — лингвистики — через взаимодействие со смежными областями. Форма этого взаимодействия была различной в разных странах. Так, в США и Англии социолингвистика сложилась как результат взаимопроникновения лингвистики, социальной психологии и культурной антропологии; в Европе (в частности, во Франции) — как результат взаимодействия лингвистики, социологии и философии. Она возникла тогда, когда стали накапливаться факты, которые все хуже и хуже поддавались объяснению через существующие теории языка, и в поисках новых подходов исследователи-лингвисты обратились к смежным наукам. Кроме того, социолингвистика появилась и как ответ на «общественную потребность», прежде всего на процесс деколонизации, повлекший возникновение многочисленных независимых государств, перед которыми встал вопрос о государственном языке, стандартизации языка, соотносительном престиже разных племенных языков и т. п. Эта научная дисциплина существует с того момента, когда лингвисты столкнулись с непримиримым противоречием между постулатами структурной лингвистики («в структурном отношении все языки равны», «все говорящие в равной степени владеют языком» (competence)) и социальной реальностью, в которой ни языки, ни говорящие на них не равны, что ведет к конфликтам и столкновениям. Заметный импульс развитию и распространению социолингвистики в США дало пробуждение в конце 1950-х годов черных гетто и городских окраин.

В разных источниках приводятся разные даты «дня рождения» английского термина «sociolinguistics»: по-видимому, впервые он был употреблен в 1952 году Х. Карри (см.: Coulmas 1997: 1); существуют, впрочем, и другие точки зре-

ния (см.: Le Page 1997: 19). В 1963 году в США был сформирован «Комитет по социолингвистике», который с тех пор провел более десятка конференций и издал множество книг и сборников. Особенно бурно социолингвистика стала развиваться начиная с 1970-х годов; во многих американских и западноевропейских университетах стали с этого времени регулярно читаться соответствующие курсы лекций.

КРАТКИЙ ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Самые известные из журналов по социолингвистике, издаваемых на английском языке, — «Language in Society» (Cambridge University Press, выходит с 1962 года) и «International Journal of the Sociology of Language» (Mouton de Gruyter, выходит с 1974 года). Среди других журналов, ориентирующихся исключительно на социолингвистическую проблематику, следует назвать «Journal of Multilingual and Multicultural Development» (Multilingual Matters), «Multilingua» (Mouton de Gruyter), «Language Variation and Change» (Cambridge University Press), «Current Issues in Language and Society» (Multilingual Matters), «Journal of Sociolinguistics» (Blackwell).

В 1963 году конференция Американской антропологической ассоциации приняла решение считать сферой своих регулярных интересов область, называемую *этнографией коммуникации*. В выпускаемом этой ассоциацией журнале «Journal of Linguistic Anthropology» социолингвистическая проблематика занимает важное место. Публикации, посвященные различным аспектам социолингвистики, постоянно появляются и в других международных научных журналах: «Anthropological Linguistics» (Indiana University), «Language and Communication» (Pergamon/Elsevier), «Journal of Language and Social Psychology» (Sage), «Journal of Pidgin and Creole Languages» (John Benjamins), «Discourse and Society» (Sage), «Discourse Studies» (Sage), «Language Awareness» (Multilin-

gual Matters), «Research on Language and Social Interaction» (Erlbaum), «Text» (Mouton de Gruyter), «Discourse Processes» (Ablex), «International Journal of Applied Linguistics» (Novus), «Applied Linguistics» (Oxford University Press). Статьи на русском языке (в том числе переводные работы), посвященные социолингвистическим проблемам, время от времени публикуются в российских журналах «Вопросы языкознания», «Этнографическое обозрение» и других.

Учебная литература по социолингвистике на английском языке обширна. В Предисловии в сн. 2 перечислены основные учебные пособия. Существует также целый ряд других популярных университетских учебников (см.: Fishman 1971; Bell 1976; Downes 1984; Montgomery 1986; Holmes 1992; Wardhaugh 1992; Romaine 1994; Mesthrie et al. 2000; см. также «The Handbook of Sociolinguistics» (Sociolinguistics Handbook 1997)). Разумеется, есть множество публикаций, посвященных отдельным областям социолингвистики (двуязычие, языковое планирование, язык и идеология и т. д.), которые также могут быть использованы в процессе обучения; на некоторые из них можно найти ссылки в соответствующих главах.

Необходимо указать и несколько хрестоматий, изданных на английском языке, в которых собраны основополагающие, ставшие классическими, работы (или отрывки из работ) таких авторов, как У. Лабов, Д. Хаймс, Ч. Фергюсон, Дж. Фишман, Дж. Гамперц и др. (см.: Language and Social Context 1972; Sociolinguistics 1972; Sociolinguistics 1997; Sociolinguistics Reader 1998; Discourse Reader 1999; Bilingualism Reader 2000).

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Общепринятого определения социолингвистики нет, не в последнюю очередь из-за относительной молодости этой науки. Обычно ее определяют как

область взаимопроникновения социологии и лингвистики, охватывающую все многообразие влияния социальных факторов на язык и языковых факторов на общество.

У. Лабов трактует это понятие несколько у́же:

область знаний, изучающая структуру языка и языковые изменения на основании данных, получаемых при исследовании повседневного употребления языка.

Более «социологическое» определение предлагает Р. Хадсон:

Социолингвистика — это изучение языка в его отношении к обществу. *Социология языка* — это изучение общества в его отношении к языку. Если задача первой — пролить свет на некоторые языковые факты, универсальные или специфические, то задача второй — наоборот: узнать нечто новое об обществе, воспользовавшись языковыми данными. Разница здесь скорее в акцентах, в интересе, чем в предмете изучения.

В предисловии к книге «Социолингвистика» У. Брайт (Bright 1966) указывает, что эта область знания призвана

продемонстрировать систематический характер взаимозависимости между языковыми и общественными структурами и, по возможности, установить причинно-следственные отношения.

В предисловии к сборнику (Advances 1972) Дж. Фишман определяет социолингвистику как

изучение признаков языковых вариантов, их функций и самих говорящих, с учетом того, что все эти три характеристики (при́знаки, функции и говорящие) взаимодействуют, меняются и влияют друг на друга в пределах языковой общности... исследование законов или социальных норм, определяющих различные формы поведения в языковых коллективах, которые сами определены через язык.

Этот же автор в другой работе говорит о *социолингвистике* как об *описательной* науке, которая изучает нормы пользования языком в данной группе, а *социологию языка* относит к *динамическим* наукам; цель социолингвистики, по Фишману, — поиски ответа на вопрос «Что является

причиной существенных изменений социальной организации функционирования языка и поведения людей по отношению к языку?» (Fishman 1971).

В любом случае, и та и другая область занимается проблематикой, лежащей на стыке лингвистики и социологии, между «языком» и «обществом».

В разные периоды за право стать названием новой области конкурировали разные термины, такие как этнолингвистика, этнометодология[1], лингвогеография, социальная диалектология, социальная лингвистика, этнография коммуникации, социосемиотика, социология языка и, наконец, социолингвистика.

Два последних термина сейчас наиболее распространены (ряд других остались в употреблении, но теперь применяются в более узком значении). Обычно считается, что социология языка — это подход, который использует языковые данные, чтобы лучше понять такие социальные и политические явления, как языковое планирование, языковое строительство и т. п. На долю социолингвистики в этом случае остается роль инструмента, существенно расширяющего горизонты собственно лингвистики, включающего изучение языка в социальный контекст.

ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

М. Халлидей (Halliday 1972) выделил следующие подразделы социолингвистики: макросоциология языка и лингвистическая демография, диглоссия, многоязычие,

[1] Этот термин был предложен социологом Г. Гарфинкелем (Garfinkel 1967; Garfinkel 1974), понимающим под этнометодологией основанную им отрасль социологии. Один из вариантов этнометодологического исследования в его трактовке представлен исследованием социальной организации разговорного общения между людьми. Этот термин первоначально использовался социолингвистами как название для только что возникшей области знания.

многодиалектность; языковое планирование, языковое строительство и стандартизация; явления пиджинизации и креолизации; социальная диалектология и описание нестандартных вариантов; социолингвистика и образование; этнография речи; языковые регистры и репертуары, переключение кодов; социальные факторы грамматических и фонологических изменений; язык, социализация и передача культуры; социолингвистический подход к языковому развитию детей; лингвистическая относительность; функциональные теории лингвистических систем; этнометодологическая лингвистика; теория текста.

У. Лабов дает несколько иную, хотя и близкую, классификацию тематики социолингвистических исследований: стандартизация языка и языковое планирование; двуязычное и многоязычное поведение; пиджинизация и креолизация; этнография общения; анализ речи; социальное расслоение языка; отношение к языку; стилистика; языковая вариативность; развивающиеся языковые изменения; коммуникативные системы.

В пределах социолингвистики и социологии языка обычно выделяют два больших уровня: *микросоциолингвистику* и *макросоциолингвистику*. Микросоциолингвистика занимается исследованием таких проблем, как:

а) *пути достижения требуемого результата в речевом взаимодействии*: какими средствами привлекается и удерживается внимание слушающего; как в данном социуме принято начинать и кончать разговор; речевые (и иные) средства, которые для этого используются;

б) *приобретение и изменение коммуникативных навыков* (competence): подразумевается умение эффективно порождать и воспринимать сигналы в процессе коммуникации и знание правил «подобающей» коммуникации;

в) *изучение отношения к языку*: люди «любят» свой язык или «стесняются» его, считают его выше или ниже по статусу, чем какой-либо иной; оценивают собеседников по тому, как они говорят, причем делают это интуи-

тивно; задача состоит в том, чтобы выявить, объяснить и доказать эту интуицию;

г) *правила выбора языков и языковых вариантов в разных ситуациях и в динамике.*

В области макросоциолингвистики обычно располагаются

а) *языковые обследования*, в том числе изучение языковых ситуаций в группах, в регионах, в странах, изучение соотношения языков в двуязычных коллективах;

б) *языковые контакты*: изучение последствий, которые имеет столкновение с другим языком — и отчасти с другой культурой — для языков, а также для говорящих на них индивидов и групп;

в) *языковые конфликты и их разрешение*: язык и государство, языковое планирование, языковое строительство;

г) *языковые изменения в связи с общественными изменениями.*

Таким образом, микросоциолингвистика занимается скорее индивидуальной речью в социальном контексте, а макросоциолингвистика — группой и ее языком в социальном контексте.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В РОССИИ

В России заметное оживление интереса лингвистов к социальным аспектам изучения языка началось в 1910–1920-е годы. Появились блестящие работы, многие из которых в каком-то смысле опередили свое время; формировалось новое направление — изучение социальной стороны языка. Социолингвистические исследования были пред-

ставлены как теоретическими работами, так и работами по прикладным аспектам науки; публиковались результаты дескриптивных исследований и популярные обзоры. Наиболее заметный вклад в развитие этой зарождавшейся области знания внесли С. И. Карцевский, Р. О. Шор, А. М. Селищев, В. Н. Волошинов, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский и ряд других ученых.

Сергей Иосифович Карцевский. Формально основной его работой социолингвистического плана является брошюра «Язык, война и революция» (Карцевский 1923), в которой автор анализирует прежде всего словарные изменения, произошедшие в русском языке с 1914 по 1920 год. Однако значительное число социолингвистических наблюдений можно найти и в других его работах, зачастую далеких от социолингвистики по своей основной теме. Так, в предисловии к книге «Повторительный курс русского языка» (1928 г.) С. И. Карцевский отмечает, что язык есть «социальное установление»: «Здесь открывается широчайшее поле для наблюдений над тем, как говорят различные социальные группы, каков их словарь, произношение, грамматика, над тем, как одна социальная группа заимствует у другой выражения, произношение, даже грамматику...» (цит. по: Карцевский 2000: 101). В другом месте той же книги он пишет: «...внутри одного и того же народа существуют значительные языковые различия, главным образом в словаре, между классами населения» (Там же: 109). По страницам статей и книг С. И. Карцевского разбросаны тонкие замечания об эмоциональной составляющей речи, о метафорах как средстве воздействия на собеседника, о стирании в «советском» языке социальных различий между говорящими, о речевых установках говорящего и речевых стилях.

Розалия Осиповна Шор. В своей книге «Язык и общество», вышедшей в 1926 году, Р. О. Шор в популярной форме излагает новые для того времени достижения западноевропейской научной мысли в области социологии языка. Эта написанная для неспециалистов книга интересна се-

годня прежде всего тем, что она демонстрирует общий вектор развития лингвистики в 1920-е годы, характеризует умонастроения ученых, не мысливших себе в те годы иной лингвистики, кроме социальной. Один из главных выводов сформулирован автором так: «...всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, всякое языковое изменение должно выражать социальные... изменения в жизни того коллектива, достоянием которого язык этот является» (Шор 1926: 100).

Афанасий Матвеевич Селищев. В 1928 году А. М. Селищев опубликовал работу под названием «Язык революционной эпохи» (Селищев 1928). Сама постановка вопроса («язык определенной эпохи», «язык на фоне революции») свидетельствует о том, что автор вполне осознает связь языковых и общественных процессов. Книга — чисто описательная: автор приводит новые слова, новые значения старых слов и возникшие в 1917–1926 годах средства выражения, распределяет их по семантическим группам и комментирует. Эта работа оказала заметное влияние на современников и не потеряла своего значения до сих пор.

Валентин Николаевич Волошинов. Одна из наиболее известных его работ — «Марксизм и философия языка» (Волошинов 1929)[2] — содержит многие идеи, которые будут позднее вновь «изобретены» и продолжены в социолингвистике. Направленность книги — философская; в ней развиваются многие положения, которые автор, ученик М. М. Бахтина, обсуждал со своим учителем. Приведем три цитаты из этой книги, в которых автор формулирует свое представление о связях между языком и обществом.

> В слове реализованы бесчисленные идеологические нити, пронизывающие собой все области социального общения. Вполне понятно, что слово будет наиболее чутким показателем социальных изменений, притом там, где они еще только назрева-

[2] См. также краткий автореферат этой книги, озаглавленный «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе» (Волошинов 1995: 190–215).

ют, где они еще не сложились... Слово — это та среда, в которой происходят медленные количественные накопления тех изменений, которые еще не успели перейти в новое идеологическое качество, не успели породить новой и законченной идеологической формы (с. 26).

Всякий знак... строится между социально организованными людьми в процессе их взаимодействия. Поэтому формы знака обусловлены прежде всего как социальной организацией данных людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия. Изменяются эти формы — изменяется и знак (с. 31).

Чтобы наблюдать процесс горения, нужно поместить тело в воздушную среду. Чтобы наблюдать явление языка, нужно поместить производящего и слушающего звук субъектов, равно как и самый звук, в социальную атмосферу (с. 56).

Евгений Дмитриевич Поливанов. Крупнейшая фигура, яркий и поразительно эрудированный человек, опубликовавший около 150 работ (несколько десятков остались ненапечатанными). В социолингвистике Поливанов известен прежде всего как ученый-практик, применявший свои обширные знания в области языкового строительства. Он — создатель стандартного алфавита для якутского (1917), узбекского (1922) и азербайджанского (1922) языков. Наиболее значимые работы по социолингвистике — статьи «Фонетика интеллигентского языка» (1931), «О фонетических признаках социально-групповых диалектов...» (1931), «Стук по блату» (1931) и некоторые другие (см.: Поливанов 1968).

Лев Петрович Якубинский. К нашей теме имеет отношение прежде всего его статья «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» (1931) (см.: Якубинский 1986). Она несет на себе отпечаток времени, однако разбор Л. П. Якубинским утверждения Соссюра о недосягаемости языка для говорящих, о невозможности сознательного изменения языка говорящими, вытекающей из произвольности языкового знака, не лишен интереса и сегодня. Автор пытается примирить логически безупречный вывод Соссюра с широко распространенными в послереволюционные годы, общеизвестными и часто успешными действиями, направленными на

развитие «малых» языков, на повышение «культуры речи», на обсуждение различных социальных вариантов языка и сознательный выбор «наилучшего» варианта.

Относительно благополучная для развития социолингвистики эпоха быстро закончилась. Постепенно, особенно после 1926 года, в языкознании стало одерживать верх так называемое *новое учение о языке* (Н. Я. Марр), активно поддержанное властью и провозглашенное «единственным марксистским подходом к языку». Марр выводил любые языковые факты непосредственно из стадий общественно-экономического развития; любые иные идеи он объявлял идеализмом, формализмом, обвиняя их авторов в антисоциальном подходе и даже расизме — это касалось и тех работ, которые напрямую были связаны с проблемой отношения языка и общества. Господство этой теории длилось более двадцати лет — до тех пор, пока ее бессмысленность и неплодотворность не стали ясны даже властям. Как справедливо пишет В. М. Алпатов, эти годы «...были очень неблагоприятны для развития социолингвистики. Если чисто лингвистические описания языков народов СССР публиковались в немалом количестве, и среди них многие отличались высоким качеством... то сколько-нибудь объективно писать об общественном функционировании языков в СССР было невозможно. <...> Научные исследования заменялись общими декларациями о "расцвете языков под сталинским солнцем"» (Алпатов 2000: 96).

С середины 1950-х годов развитие серьезной лингвистической науки в нашей стране пошло в сторону структурного изучения языка, прежде всего фонологии, морфологии и синтаксиса, позднее — семантики и типологии. На этом пути были достигнуты интересные результаты, однако социальная сторона проблемы оставалась за пределами внимания, а немногие социолингвистические публикации сводились либо к выборочному пересказу западных работ, либо к критике буржуазных теорий, а чаще соединяли и то и другое. Многие книги и сборники 1960–80-х годов начи-

нались словами: «Язык представляет собой общественное явление; этот его характер обусловливает строение языковой системы, ее функционирование и развитие...» и т. п. Однако дальше констатации дело не шло: как именно обусловливает — оставалось неясно. Противоположный подход — взгляд на общество через язык, язык как «диагностическое» средство изучения социальных явлений — вообще не рассматривался. Пожалуй, только в 1974 году была издана книга (под редакцией Л. П. Крысина), выделяющаяся из общего ряда (насколько это было возможно в то время), — «Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения» (см.: Русский язык 1974).

В итоге в «стране победившего марксизма» реальное изучение отражения конкретных общественных процессов в языке не одобрялось; вместо этого власть требовала от ученых, так сказать, «соцреализма в науке» — т. е. изучения не того общества, которое реально существует, а того, которое должно существовать исходя из «теории научного коммунизма».

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В США

В 1920–1930-е годы в США в недрах дескриптивной языковедческой традиции начал формироваться «этнолингвистический» подход к языковым проблемам, наиболее ярким проявлением которого стала так называемая *гипотеза лингвистической относительности*, или *гипотеза Сепира–Уорфа*. Э. Сепир сформулировал положение о влиянии языка на жизнь общества, о невозможности осознания действительности без помощи языка. Его ученик Б. Уорф развил это положение и утверждал, что формы человеческого мышления, а следовательно — и формы человеческого поведения складываются под влиянием того конкретного языка, который является для человека родным: «Люди действуют в конкретных ситуациях так же, как говорят о них» (цит. по: Muггау 1998: 20; см. также: Кронгауз 2001: 107 и сл.). При

всей спорности этих положений они оказали существенное влияние на развитие американской лингвистики в целом и социолингвистики в частности.

1950-е годы ознаменовались в США, как и в России, ростом интереса лингвистов к формальным задачам. С выходом в свет книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» в 1957 году (Chomsky 1957) началась так называемая *хомскианская революция* в лингвистике, в основе которой лежал принцип формализации описания. Однако поскольку объект изучения лингвистики чрезвычайно сложен, для создания формальных правил описания языка лингвистам пришлось пойти на жертвы: реальный язык был «очищен» от конкретных коммуникантов, рассматривались лишь идеальные говорящий и слушающий; не учитывались никакие функции языка, кроме коммуникативной; лингвисты ограничились анализом языковых единиц не больше предложения; наконец, были введены понятия *competence* и *performance*[3].

Основоположник современной американской формальной лингвистики Н. Хомский отделил изучение системы языковых правил (competence) от изучения индивидуальных и социальных правил, определяющих контекстное использование языковых структур (performance) (Chomsky 1965). *Competence* относится к идеальному говорящему, идеальному единому языку, абстрагированному от контекстных ограничений; *performance* — к человеку во власти контекстных ограничений, т. е. всего того, что определяет конкретную форму его речи. *Competence*, по Хомскому, лежит в биологической сущности человека; в этом отношении люди не различаются. *Performance*, напротив, специфично для конкретной культуры, контролируется общественными и культурными ограничениями.

---

[3] Существует несколько вариантов перевода терминов *competence* и *performance* на русский язык: **performance**: *исполнение*; либо *речевая деятельность*; либо *языкоупотребление*; **competence**: вообще не переводят, пользуясь словом *компетенция* (хотя это не совсем точно).

Этот подход, т. е. господствующее в тот период понимание природы языкового *competence*, получил название, с легкой руки Хомского (Chomsky 1966), «картезианская лингвистика» (по имени Рене Декарта, 1596–1650) как индикатор того, что данная теория якобы опирается на Декарта — с его акцентом важности для сознания врожденных идей, с его аналитической, универсалистской, «механической» методологией.

Если формально-грамматическое направление лингвистики иногда называют картезианским, то параллельную ему интеллектуальную традицию, которая лежит в фундаменте социального подхода к языку, Д. Хаймс предлагает называть *гердерианской лингвистикой* — как признание того импульса, который получила лингвистическая мысль от И. Гердера (1744–1801), с его акцентом на язык как определяющий фактор культурной самобытности (cultural identity), на первичность языка по отношению к разуму и на методологию анализа культурных различий.

Говоря об американской социолингвистике, не следует искать в ней принципиально новых идей и новаторских подходов. Многие важные вещи были известны достаточно давно: и раньше знали, что взгляд на язык с точки зрения общества может пролить свет на многие языковые проблемы и, наоборот, что изучение языка может многое рассказать об обществе. То новое, что возникло в 1960-е годы, — это масштаб, широта распространения новых идей. При этом социолингвистика так бурно развивалась в последнюю четверть XX века и развивается до сих пор не вследствие кабинетных рассуждений, а благодаря эмпирическим открытиям, сделанным иногда на весьма экзотическом материале. Даже первые, ставшие классическими, работы опирались на данные, собранные «в поле»: статья Д. Хаймса «Этнография речи» 1962 года «ориентирована на предстоящую полевую работу» (цитируется русский перевод: Хаймс 1975: 46); книга Дж. Фишмана «Социология языка» (см.: Fishman 1972b) — на данных по функционированию английского языка в Пуэрто-Рико, Танзании, Индии, Малайзии и на Филиппинах.

Основные идеи, легшие в основу современной социолингвистики, четко сформулированы уже в классических работах начала 1960-х годов. В качестве иллюстрации можно привести три наиболее показательные и интересные работы: Ч. Фергюсона, Дж. Гамперца и Дж. Фишмана.

Чарльз Фергюсон (Ch. Ferguson). В своей работе «Diglossia» (Ferguson 1959) Ч. Фергюсон показал, что во многих языковых общностях наблюдается ситуация, когда люди используют один вариант языка дома (чаще это местный диалект), а другой — в общественных местах (чаще это стандартный язык). Такую ситуацию он предложил называть *диглоссия*. Это понятие Ч. Фергюсон исследовал на четырех примерах: арабский, новогреческий, швейцарско-немецкий и гаитянский креольский языки. Он ввел два термина: стандартный вариант — *H* (high) и местный вариант — *L* (low). Основной признак диглоссии — специализация функций *H* и *L*. В одном наборе коммуникативных ситуаций подходит только *H*, в другом — только *L*.

Во всех случаях говорящие относятся к *H* как к более престижному варианту. Иногда это отношение настолько ярко выражено, что люди могут вообще отрицать наличие *L*. Так, говорящие по-арабски могут сказать о ком-то (на *L*), что он «не знает арабского», что может означать, что он не умеет говорить на *H*. Образованные арабы будут утверждать, что вообще не говорят на *L*, хотя прямое наблюдение за их языковым поведением покажет иное. Образованные гаитянцы также скажут, что всегда говорят только по-французски, хотя это не так.

Варианты *H* и *L* по-разному *осваиваются*. *L* осваивается детьми: это язык, на котором взрослые говорят с детьми и дети говорят друг с другом. Он усваивается естественно; это — родной язык. Дети, конечно, иногда слышат *H*, но начинают учить его только в школе. Это различие важно: все осваивают *L* естественным путем, без изучения грамматики и без усилий; соответственно и отношение к нему —

как к родному, естественному, удобному; знание *H* зависит от длительности и качества образования.

Таким образом, *диглоссия* — это

> относительно устойчивая ситуация, в которой, помимо диалектов языка... существует очень непохожий на них стандартный, часто грамматически более сложный вариант, язык литературы, который усваивается в основном в школе и используется для большинства письменных и формальных целей, но никогда не используется для обычного разговора.

Диглоссия отличается от более обычной ситуации со стандартным языком и местными диалектами. В последней стандартный язык может употребляться в повседневной речи. В случае диглоссии этого никогда не происходит: это считается искусственным, педантичным (арабский, греческий) или нелояльным по отношению к своей группе (Швейцария, Гаити).

Понятие диглоссии и анализ диглоссных ситуаций оказались чрезвычайно продуктивным и мощным инструментом анализа, в том числе и политического. Часто исследователь, хорошо усвоивший этот аппарат, способен давать точные политические прогнозы развития языковой ситуации, результатов дискуссий о языке и т. п.

Джон Гамперц (J. Gumperz). Статью «The Speech Community» (Gumperz 1968) Гамперц начинает с того, что языковые явления могут изучаться как в пределах самого языка, так и в социологическом контексте. В последнем случае изучается использование языка в той степени, в какой оно отражает более общие поведенческие нормы в пределах некой области, которая определяется социально. Эта область и есть *языковая общность*, т. е.

> любое объединение людей, которое характеризуется частым и регулярным общением с помощью общего набора словесных знаков, отличающееся от аналогичных объединений значимыми различиями в использовании языка.

Очень существенно, что под это определение подпадают не только два коллектива, говорящих на *разных языках*, но и два коллектива, говорящих на *вариантах одного языка*.

Далее, Гамперц выделяет два типа различий: диалектные и «наложенные» (superposed). Что касается *наложенных* вариантов, то к ним относятся те, которые определяются разными видами деятельности в пределах одной языковой общности: например, язык формальных выступлений, технических обсуждений, религиозных ритуалов никогда не совпадает с языком обыденного разговора с друзьями. *Выбор языка* определяется границами, существующими в обществе.

Другое важное понятие социолингвистики, которое вводит Гамперц, — *отношение к языковому выбору*. Разные варианты, которые существуют и взаимодействуют в данной языковой общности, имеют функции установки границ группы по принципу «свой—чужой». Когда какой-либо вариант становится для группы престижным как символ ее единства, мы говорим о *языковой лояльности* (термин Дж. Фишмана). Языковая лояльность объединяет различные социальные группы и классы, члены которых могут дома, в семье сохранять свои говоры, т. е. говорить иначе; она может получить политическое значение, мобилизовав политическую активность какой-либо группы.

В конце статьи Гамперц вводит еще одно важное понятие социолингвистики — *языковой репертуар*, т. е. совокупность диалектных и наложенных вариантов в пределах одной языковой общности. Как аналитическое понятие, языковой репертуар помогает установить прямые соответствия между его составными частями и социально-экономической структурой общества.

Джошуа Фишман (J. Fishman). В классической статье Дж. Фишмана «The Sociology of Language» (Fishman 1972a) содержится ряд идей, многие из которых впоследствии послужили основой для формирования целых направлений социолингвистики. Она начинается с описания предмета со-

циологии языка: эта область знания исследует взаимодействие между двумя аспектами человеческого поведения (использованием языка и социальной организацией поведения) и занимается всеми аспектами и темами, связанными с социальной организацией языкового поведения, включая не только сам язык, но и отношение к языку и к тем, кто этим языком пользуется.

Согласно Дж. Фишману, в социологии языка можно выделить три части:

1) *описательную социолингвистику* — изучает принятую в данной языковой общности форму социальной организации использования языка — т. е. отвечает на вопрос «Кто говорит на каком языке с кем, когда и с какой целью?»;

2) *динамическую социологию языка* — отвечает на вопрос «Чем вызываются значимые изменения в социальной организации языкового функционирования и языкового поведения?»;

3) *прикладную социологию языка* — связана с языковым планированием и языковыми конфликтами.

Описательная социолингвистика занимается описанием *языковых ситуаций*. В работе Дж. Фишман вводит (почти одновременно с Дж. Гамперцем) два важных для этой науки понятия. Первое — *выбор языка* из *языкового репертуара*. Задача описательной социолингвистики, по Фишману, — описать общие и нормативные модели использования вариантов языка или разных языков в пределах языковой общности так, чтобы показать систематический характер переключений с языка на язык (с варианта на вариант) в пределах группы индивидов, имеющих общий репертуар.

Второе — понятие *речевой ситуации*: два собеседника, соотносящиеся друг с другом определенным образом, общающиеся на определенную тему в определенной обстановке. Эти параметры — собеседники, их отношения, тема разговора и обстановка — не зависят один от другого. Из-

менение ситуации может потребовать *речевого сдвига*; в свою очередь, речевой сдвиг может быть сигналом изменения ситуации:

> ...что является, а что не является различными ситуациями в отношении использования языковых вариантов — зависит от внутренней социальной организации данной языковой общности.

Дети (члены общности) постепенно и неосознанно осваивают социолингвистические коммуникативные знания (sociolinguistic communicative competence) — правила языкового поведения. Одна из главных задач описательной социолингвистики — определить, где именно в данной общности проходят границы, разделяющие класс ситуаций, для которых принят один языковой вариант, и класс ситуаций, для которых принят другой вариант. Такие классы ситуаций Дж. Фишман называет *domains*[4] (области, сферы доминирования вариантов языка). Установить эти «области», релевантные для данного общества, путем наблюдения над разными ситуациями и экспериментов с разными вариантами, сгруппировать эти ситуации в «области» — вот задача описательной социолингвистики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. М., 1998. С. 244–252 (Разд. «Е. Д. Поливанов»), 267–272 (Разд. «Лингвистические идеи книги "Марксизм и философия языка"»).

Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980. С. 26–29 (Введение), 30–52 (Разд. 1. Проблемы и принципы изучения вариативности), 154–191 (Гл. 5. Переключение кодов: билингвизм и диглоссия).

Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 34–41.

[4] В современных публикациях на русском языке в качестве перевода этого термина встречается слово *домейн* или *домен*.

Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 182–198.

Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931.

Поливанов Е. Д. Стук по блату // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 152–160.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968а.

Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов... // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968б. С. 206–224.

Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Там же. 1968в. С. 225–234.

Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 42–95.

Fasold R. The Sociolinguistics of Society: Introduction to Sociolinguistics. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995 [1984][5]. Vol. 1. P. 34–57 (Ch. «Diglossia»).

Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. P. 1–12.

Дополнительная литература

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

[Введение] // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974. С. 5–28.

Карцевский С. И. Халтура // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 210–214.

Леонтьев А. А. и др. [Предисловие]. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 7–30.

Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. М., 2001. С. 425–558 (Разд. 6. Как это было: воспоминания [О. М. Фрейденберг, И. Е. Аничков, А. С. Чикобава, С. Б. Бернштейн и др.]).

[5] Здесь и далее в аналогичных случаях в квадратных скобках указан год первой публикации работы.

Глава 1
ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

В этой главе рассматривается вопрос о соотношении языка и общества, о том, какова роль языка для членов коллектива, которые говорят на нем. Очевидно, что механическая схема, которая выстраивает одно-однозначное соответствие между неким коллективом людей (группой любого размера — от нескольких сотен человек до большого государства), одним языком, одной территорией и одной национальностью, не соответствует реальности. Ключевыми здесь являются понятия этничности (национальности), этнического самосознания (идентичности) и многоязычия.

ПОНЯТИЕ ЭТНИЧНОСТИ. ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Значения терминов *рус.* 'национальность', *англ.* 'ethnicity', 'nationality', *нем.* 'Volk' перекрывают друг друга и плохо поддаются переводу. Греческое слово 'ethnoi' (множеств. число) обозначало племена и народы Древнего мира, не относящиеся к эллинам. *Англ.* 'ethnos' — группа, живущая на определенной территории, члены которой объединены языком и культурой. Американские исследователи часто пишут о большей или меньшей *степени этничности*, имея в виду большее или меньшее отклонение этнических проявлений (поведения, привычек, традиций) от некоего условного «среднеамериканского стандарта».

Термин «этничность» использовался в прошлом для обозначения коллектива, членство в котором определяет-

ся в терминах происхождения: считалось, что этничность получают от родителей. Этот взгляд в значительной степени устарел и не соответствует уровню современных знаний. «Прорыв» в этой области связан с именем Ф. Барта (см.: Barth 1996); его концепция обсуждается в многочисленных работах (см., например: Jenkins 1994; Jenkins 1997; см. также: Anthropology of Ethnicity 1994).

Прежде всего *этничность*, по Барту, — не неизменный набор культурных черт, которые нужно лишь перечислить для того, чтобы отнести того или иного человека к этнической категории *X* или *Y* или чтобы выявить границу между этническими группами. Барт подчеркивает обменную, конвенциональную, договорную природу этничности: этничность определяется ситуативно, порождается в процессе социального обмена (transaction), происходящего на этнической границе и через нее, и по ходу дела создающего эту границу. Этнические границы, следовательно, подвижны.

«Обмен» на этнической границе может быть двух видов. Во-первых, существуют процессы *внутреннего определения* (internal definition): акторы сообщают членам как своей группы, так и внешних групп самоопределение своей этнической идентичности. Этот процесс может быть как индивидуальным, так и коллективным. Кроме того, существуют процессы *внешнего определения*, когда человек или группа людей определяет другого (других) этнически как *X* или *Y*. Этничность, следовательно, может определяться по-разному изнутри группы и извне. Различение внешнего и внутреннего определения — не более чем аналитический прием: одно постоянно предполагает другое. Этничность, по Барту, — это двусторонний процесс, который происходит на границе между «нами» и «ими». Если воспользоваться английским термином, то можно сказать, что этничность по сути своей является «предметом договора» (negotiable), т. е. она обсуждается и определяется в диалоге между группой и ее окружением: самоопределение группы зависит не только от внутренних причин в пределах группы, но и от ее взаимоотношений с окружением.

Критерии *приписывания* (ascription) этничности какой-либо общности и *самоприписывания* (subscription) этничности этой общностью различаются по своей природе. Барт вводит понятия *категории* и *группы*. *Категория* — это класс, природа и состав которого определяется теми, кто определяет категорию, т. е. извне; она противопоставлена *группе*, определяемой исходя из природы отношений между ее членами, т. е. изнутри. Социальная группа определяет себя сама, определяет свое название, природу и границы; социальная категория устанавливается, определяется и отграничивается другими. Обе стороны оппозиции подразумевают друг друга; социальная идентичность есть результат соединения этих процессов внутреннего и внешнего определения.

Идея «самоопределения» этнической группы не новая. В вышедшей в 1859 году статье два немецких ученых — психолог Лазарус и лингвист Штейнталь — писали:

> ...то, что делает народ именно этим народом, лежит... не в известных объективных отношениях, как происхождение, язык и т. д... а исключительно в субъективном усмотрении членов народа, которые все вместе смотрят на себя как на один народ. Понятие «народ» покоится на субъективном мнении самих членов народа о самих себе, о своем сходстве и сопринадлежности. <...> Народ есть некоторая совокупность людей, которые смотрят на себя как на один народ, причисляют себя к одному народу. (Staintahl, Lazarus. Вводная статья к первому номеру журнала Zeitschrift fuer Voelkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1859, — цит. по: Шпет 1996: 35).

Эта мысль для своего времени была революционной. Она опровергала идею, что национальность («народ» в старых терминах, «этничность» в новых) можно определить извне, по объективным признакам, и провозглашала новый подход: этничность определяется самой группой, изнутри. Теория Барта делает следующий шаг: постулирует *диалогичность* определения этничности, интерактивность этого акта, в котором двумя сторонами выступает группа и ее окружение.

В современной науке существует три принципиально разных подхода к объяснению феномена этничности: *примордиализм* — этничность базируется на природном, исконном чувстве духовной близости людей (E. Shils); *ситуационизм* — индивид самоприписывается и одновременно его приписывают к определенной этнической группе в определенной ситуации; группа возникает через создание границ (F. Barth); *конструктивизм* — этничность создается (конструируется) в результате новаторского акта творческого воображения, создается элитой в своих интересах на основе изобретенных (сконструированных) традиций, якобы имевших место (B. Anderson) (см.: Винер 1998: 3–26).

Упомянутые подходы к этничности базируются на двух основных идеях. Согласно идее «*изначальной этничности*» (primordial ethnicity, 'этничность в сердце'), этничность — врожденное свойство человеческой личности, фундаментальный, безусловный и неизменный аспект. Этничность не вытекает из социальных, экономических или иных отношений, а коренится в очень древних ощущениях родства.

Согласно идее «*инструментальной этничности*» ('этничность в голове': «ситуационизм» и «конструктивизм»), этническое самосознание — это артефакт, создаваемый индивидами или группами с целью объединения и/или для выполнения каких-то иных задач. Этничность в этом случае оказывается зависимой от социальных обстоятельств — внешних и внутренних, в которых оказался индивид. Этничность — это средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу, репертуарная роль, сознательно или неосознанно выбранная индивидом или группой.

Сторонники различных подходов упрекают оппонентов в недостаточной объяснительной силе их теории. Инструменталисты говорят, что теория примордиалистов, объясняя устойчивость этничности, не способна объяснить ее изменчивость. И наоборот: примордиалисты утверждают, что инструментализм способен объяснить изменения этничности, но не умеет объяснить ее устойчивость. (Бо-

лее подробный разбор этой проблематики можно найти в специальных работах; см., например, библиографию в работе Н. Г. Скворцова (Скворцов 1996).)

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАНТЫ

Этническая группа может быть включена в большую социальную единицу разными способами: этнической группой могут быть иммигранты; это может быть часть населения, которая оказалась в пределах какого-либо государства в результате изменения границ и т. п. Бурные исторические события — войны, захваты, создание и крушение государств, миграции населения, образование и распад империй — привели к тому, что практически все государства мира сегодня этнически разнообразны.

Границы этнической и языковой группы, как правило, не совпадают. В пределах одной этничности могут существовать разные языковые варианты, и, наоборот, на одном языке могут говорить разные этнические группы. При этом этничность — это только один из аспектов, одно из измерений более сложного понятия *социальная идентичность* (social identity), или *самосознание*, или *самоотождествление*. Социальная идентичность — это то, кем человек себя осознает (и то, кем его осознают другие), с кем он себя отождествляет и от кого отделяет в социальном плане. Кроме этничности, она включает и другие аспекты, такие как пол, возраст, поколение, социальный класс, место жительства, профессия, уровень образования и т. п.

В любом коллективе, даже небольшом, существует несколько языковых вариантов. В некоторых коллективах есть чистые случаи двуязычия: два разных языка, между которыми говорящие выбирают в зависимости от ситуации (ср. понятие диглоссии). Однако такие чистые примеры — это просто более явные, но тем не менее частные случаи

более общего явления переключения с варианта на вариант (с языка на язык) и выбора того или иного языка или варианта. Ни один нормальный человек и ни одно нормальное общество не ограничиваются одним языковым вариантом[1].

> Во многих многоязычных обществах выбор между языками имеет ту же функцию, что и выбор между разными лексическими вариантами одного языка в одноязычных обществах (Gumperz 1968).

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И НАЦИЯ. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МНОГОЭТНИЧНЫЕ НАЦИИ

Для прояснения соотношения между языками, языковыми вариантами и этническими группами существенно понятие национальности и нации. Этот вопрос применительно к социолингвистике разработан в трудах Дж. Фишмана (в частности, в книге «Language and Nationalism», 1972). Автор определяет *нацию* как

> социокультурную единицу, которая развилась и вышла за пределы первоначальных локальных самоопределившихся единиц, за пределы локальных проблем и внутренних связей. ...[это] любая политико-территориальная единица, которая находится в заметной или возрастающей степени под контролем одной конкретной национальности (Fishman 1972c: 5).

Следуя традициям американской социолингвистики, Дж. Фишман использует термины «национальность» и «этничность» не как противопоставленные друг другу понятия, а скорее как крайние точки шкалы: во многих случаях нельзя сказать, национальность перед нами или этническая группа, но часто можно сказать, что какая-то группа «в большей степени национальность», а другая — «в боль-

[1] См. обзор работ по двуязычию: Wald 1974.

шей степени этническая группа». Этничность, по Фишману, — принципиально то же, что и национальность, но на более простом, низком, локальном, практическом уровне.

Терминология Фишмана позволяет, таким образом, говорить о многонациональных государствах и о многоэтничных нациях. Многонациональные государства менее стабильны, чем многоэтничные нации. Многонациональное государство нестабильно, если в пределах его оказываются социокультурные группы, которые ощущают себя национальностями, оказавшимися под чужим контролем. Если же члены социокультурных групп чувствуют, что они одновременно и граждане нации, к которой принадлежат, и члены своей этнической группы, — тогда страна близка к многоэтничной нации и, следовательно, более стабильна.

НАЦИОНАЛИЗМ. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ. ЯЗЫК

Дж. Фишман выделяет два понятия: *национализм* (nationalism) — чувство, которое развивается из национальности и поддерживает ее, «чувство своей национальности», и *государственность* (nationism) — т. е. практические проблемы государственного управления. Потребности, диктуемые национализмом и государственными интересами, могут входить в противоречие друг с другом в том, что касается языка.

Есть две области, где язык становится государственной проблемой: государственное управление и образование. Процесс управления требует, чтобы была возможна коммуникация между правительственными учреждениями и между правительством и населением. Для этого должен быть выбран какой-либо язык. С точки зрения государственных интересов, наилучшим является тот язык, который наилучшим образом выполняет эти функции. Точно так же образование требует такого языка, на котором

знания могут быть наилучшим образом переданы детям. Для «государственности» свойственно выбирать тот язык, который лучше и дешевле выполняет эти функции.

Для национализма же язык, наряду с религией, культурой и историей, является его главным основанием. Язык — это связующее звено между национальностью и ее «аутентичностью». Это понятие абстрактное и эмоциональное; как пишет Фишман, материнский язык — это часть души, сущность национальности. Другая, не менее важная функция языка для национальности — быть средством «контрастивного самосознания» (contrastive identity). Люди, говорящие на одном языке, чувствуют свое единство и одновременно свое отличие от других людей.

Важным индикатором состояния группы является то, в какой мере она поддерживает и сознательно пропагандирует свой язык — или, напротив, в какой мере она готова от него отказаться. Это понятие *языковой лояльности* (language loyalty); на русский язык его можно перевести еще и как «приверженность языку».

МНОГОЯЗЫЧИЕ

Очевидно, что государства/нации, в которых существует не один язык, стоят перед куда более сложными проблемами, чем одноязычные нации. Многоязычные государства нуждаются в объединяющей идее, в общей *identity* (самосознание; идентичность). Они могут попытаться создать эту идентичность не на языковой основе (а, например, на основе религии), однако без участия языка это часто бывает сложно. Это приводит к проблеме выбора общенационального языка — ведь ни один язык не является родным для всего населения. И если для «государственности» проблема выбора — чисто прагматическая, то для национализма она часто эмоциональна и болезненна. Например, с прагматической точки зрения, для недавно образовавшегося

бывшего колониального государства наилучшим может оказаться язык бывшей метрополии, язык колонизаторов. Но для национализма выбор старого колониального языка как языка новой нации неприемлем.

В области образования также существуют проблемы. В идеале школа должна использовать в преподавании языки разных этнических групп. Эти языки дети уже знают как родные, и можно начинать обучение, не дожидаясь, пока они освоят другой (национальный) язык. Однако эта стратегия опасна с точки зрения национализма: роль этнических языков, если их использовать в образовании, может возрасти, и они могут стать символами более мелких «национализмов».

Впрочем, рассматривать многоязычие только как проблему было бы неправомерно. Здесь существует и другой аспект: многоязычие — это еще и культурный ресурс. На индивидуальном уровне многоязычие — это мощный ресурс, позволяющий людям более эффективно взаимодействовать. Двуязычные индивиды в двуязычной среде получают в свое распоряжение (по крайней мере, потенциально) более выразительные и богатые средства общения, чем одноязычные.

Многоязычные нации составляют подавляющее большинство государств мира; трудности возникают, когда нужно найти пример одноязычной нации:

Число языков в стране	Число таких стран	Отношение к общему числу стран, %
1	6	4
2	22	14
3–5	27	18
6–10	24	16
11–50	46	30
Более 50	28	18

Практически во всех европейских странах имеются *лингвистические меньшинства*. П. Традгил (Trudgill 1995: 123–124) приводит список европейских языков с указанием стран (помимо основной), в которых есть говорящие на этом языке. Например:

немецкий язык — Дания, Бельгия, Франция, Италия, Словения, Сербия, Румыния, Россия, Украина, Казахстан, Венгрия, Чехия, Польша;

турецкий язык — Греция, Македония, Болгария, Румыния, Молдова, Украина;

греческий язык — Италия, Македония, Албания, Болгария, Румыния, Украина, Турция.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ОФИЦИАЛЬНЫЙ, ТИТУЛЬНЫЙ ЯЗЫКИ. СТАТУС ЯЗЫКА

Для многоязычных государств существенны понятия государственного и официального языка. Эти понятия часто смешивают, хотя терминологически они строго разделены. Определений этих понятий существует несколько; для примера можно взять определения, предложенные еще в 1953 году экспертами ЮНЕСКО.

Государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства.

Официальный язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства.

Титульный язык — язык, название которого совпадает (соотносится) с именем этноса, по которому названо национально-государственное или национально-территориальное образование.

Статус языка — его правовое положение в социальной системе, определяемое и закрепляемое законом, а также его социальное положение, определяемое функциональными характеристиками.

В Конституции РФ (ст. 68, п. 1) записано: «Государственным языком Российской Федерации на всей территории является русский язык»; в п. 2 той же статьи подтверждается право республик в составе РФ наделять свои титульные языки статусом государственных.

Говоря о проблеме государственного, официального, национального языка, обычно приводят пример Швейцарии. Здесь четыре государственных, юридически равноправных языка: немецкий (64 % говорящих на нем), французский (18), итальянский (10) и ретороманский (0.8). Все четыре языка в равной степени используются в государственном управлении, в армии, в суде, в учебных заведениях, в средствах массовой информации.

Признать существование какого-либо языка — для государства часто означает признать и существование соответствующей национальности. Это не всегда желательно по политическим и экономическим соображениям.

ЯЗЫК И ДИАЛЕКТ

Существует классическое шутливое определение У. Вайнрайха: «Язык — это диалект, у которого есть армия и флот» (и который может, следовательно, заставить других считать себя языком).

Для обыденного сознания различие между *языком* и *диалектом* двояко. С одной стороны, они с очевидностью отличаются друг от друга размером: язык больше диалекта. Это не обязательно так: например, английский — это язык, в который входит вся совокупность всех слов, признаков и особенностей его диалектов, при этом стандартный английский наряду со многими другими (йоркширский английский, английский Индии и др.) окажется диалектом. С другой стороны, в обыденном употреблении обычно противопоставляют язык и диалект с точки зрения престижа: язык более престижен, чем диалект. Если воспользоваться этим критерием, то стандартный английский окажется языком, а остальные варианты, которые не отражаются в письменной форме, — диалектами.

При различении языка и диалекта часто используют критерий взаимопонятности. Однако обилие контрприме-

ров делает этот критерий ненадежным. Кроме того, понимание или непонимание — это не абсолютные понятия, а относительные: всегда существует *степень* понимания. В какой точке шкалы между полным пониманием и полным непониманием должны находиться два варианта, чтобы их признали языками? Далее, варианты могут располагаться в диалектной цепи: смежные варианты взаимопонятны в высокой степени, крайние — непонятны. Наконец, взаимопонятность характеризует не отношения между вариантами, а отношения между людьми. Степень взаимопонятности зависит не столько от реальной близости вариантов, сколько от желания говорящих понять друг друга, т. е. от мотивации. Мотивация, в свою очередь, зависит от множества субъективных факторов.

Таким образом, можно сделать вывод, что граница между языком и диалектом является в значительной степени условной и существует только с социолингвистической, но не с чисто лингвистической точки зрения.

СТАНДАРТНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Как правило, *стандартный литературный язык*, как самый престижный, всегда признается языком, а не диалектом. Для типичного стандартного языка характерны следующие этапы становления.

а) **Отбор.** Один из вариантов по тем или иным причинам выбирается в качестве стандартного. Выбор такого языка — дело большой политической важности: этот вариант немедленно становится престижным, а вместе с ним вырастает и престиж тех, кто говорит на нем от рождения.

б) **Кодификация.** Некий институт, например Академия, должен составить словари и грамматики, зафиксировать язык, с тем чтобы все могли свериться с этими кодифицированными изданиями и установить, что правильно, «стандартно», а что нет. Как только кодификация состоялась, люди,

претендующие на высокий социальный статус, вынуждены учить этот вариант, чтобы писать и говорить «правильно».

в) **Развитие функций.** Кодифицированный вариант должен обслуживать все функции государства — управление, законодательство, бюрократию, науку, образование. Это предполагает создание (и кодификацию в словарях) множества новых терминов.

г) **Признание.** Вариант должен быть признан достаточной частью населения как стандартный вариант — обычно как национальный язык.

ДИАЛЕКТ И РЕГИСТР

Понятие «регистр» широко используется в социолингвистике. В отличие от *диалекта* — «варианта по пользователю» под *регистром* понимается «вариант по использованию». Вариант по использованию — это вариант, который используется в данной коммуникативной ситуации. Вариант по пользователю — это тот вариант, который наиболее естественно использовать данному говорящему. Каждый раз, говоря что-либо, человек помещает себя, сознательно или бессознательно, в определенную точку сложнейшей многомерной социальной матрицы — в соответствии с той картиной общества, которая сложилась в сознании человека. Слегка упрощая, можно сказать, что ваш диалект показывает, кто вы есть, а ваш регистр — в какой роли вы выступаете или хотите выступать.

М. Халлидей (Halliday 1978) различает три измерения, в пределах которых происходит коммуникация и выбор регистра:

область (field)	модус (mode)	настрой (tenor)
«почему и о чем»	«как»	«кому»

Область — это цель и предмет коммуникации; *модус* — средства коммуникации (устная или письменная речь); *на-*

строй — отношения между участниками коммуникации. Данный набор параметров, влияющих на выбор регистра, достаточно приблизителен и не является ни окончательным, ни единственным. Так, например, в работе Д. Хаймса (Hymes 1972c) предложена другая схема, которая включает 13 переменных, характеризующих выбор регистра.

МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК. РОДНОЙ ЯЗЫК. ПЕРВЫЙ ЯЗЫК

Очевидность и прозрачность этих понятий обманчива: необходимо помнить, что языки, обозначаемые этими терминами, не всегда совпадают: материнский язык — не обязательно родной, родной язык — не обязательно первый.

Материнский язык — это язык матери, который ребенок осваивает незаметно с младенческого возраста и до 5–6 лет благодаря тому, что он постоянно находится на руках у матери или рядом с ней. *Родной язык*, как правило, совпадает с материнским, однако в ряде случаев люди могут называть родным язык, который они знают плохо или даже вообще не знают[2]. *Первый язык* — это язык, который ребенок выучивает первым; он, как правило, совпадает с материнским, однако и здесь существуют случаи, когда родным языком человека становится не тот, который он выучил первым.

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Это — одно из главных понятий социолингвистики, которое также зачастую используется неточно. Языковая ситуация всегда привязана к определенной территории и может быть определена как

[2] См. статью (Тишков 2003), в которой обсуждается применимость понятия «родной язык» в переписях населения; см. также: Беликов, Крысин 2001: 236–238.

совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований.

При описании языковых ситуаций используют три ряда признаков: количественные, качественные и оценочные. *Количественные* признаки включают: число идиомов (языков, диалектов, говоров, вариантов) на данной территории, число говорящих на каждом из них, число коммуникативных областей, обслуживаемых каждым идиомом. *Качественные* признаки языковой ситуации характеризуют соотношение идиомов (родственные или неродственные, разновидности одного языка или разные языки и т. п.), функциональную равнозначность или неравнозначность идиомов, характер доминирующего идиома. *Оценочные* признаки — это внешние и внутренние оценки идиомов по разным параметрам: коммуникативная пригодность, престижность, эстетическая ценность и т. п. Совокупность оценок языковым коллективом своего идиома составляет уже упоминавшуюся *language loyalty* — языковую приверженность коллектива. На основе этих признаков можно строить типологии языковых ситуаций.

По количественным признакам различаются одно- и многокомпонентные языковые ситуации; определяются демографическая и коммуникативная мощность каждого идиома. Демографическая и коммуникативная мощности часто не совпадают. По этому признаку выделяют *равновесные* (коммуникативная и демографическая мощности совпадают) и *неравновесные* (мощности не совпадают) языковые ситуации. В неравновесных ситуациях отдельные языки могут быть доминирующими, и по этому признаку их классифицируют как *однополюсные* и *многополюсные*.

По качественным признакам выделяются одноязычные или многоязычные ситуации; ситуации, включающие родственные и типологически сходные или не родственные и типологически не сходные идиомы; гармонические и дисгармоничные; эндоглоссные и экзоглоссные ситуации.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968. С. 124–138.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.

Табуре-Келлер А. К изучению двуязычия в социологическом плане // Там же. С. 170–182.

Fasold R. The Sociolinguistics of Society. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995. P. 2–12.

Le Page R. B., Tabouret-Keller A. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 1–15 (Introduction).

Дополнительная литература

Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 62–69.

Серио П. Этнос и демос: дискурсивное построение коллективной идентичности // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995. С. 51–59.

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference [1969] // Theories of Ethnicity: A classical reader / Ed. by W. Sollors. London, etc.: MacMillan Press, 1996.

Fishman J. Varieties of Ethnicity and Varieties of Language Consciousness // Georgetown University Round Table. Selected Papers on Linguistics, 1961–1965. Washington DC: Georgetown Univ. Press, 1968. P. 91–101.

Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17, N 2. P. 197–223.

Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris: Mouton de Gruyter, 1968. P. 531–545.

Глава 2
СОЦИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ

Одним из ключевых направлений в социолингвистике является изучение языковой вариативности, обусловленной структурой общества, т. е. изучение социальных вариантов речи — того, как говорят разные по социальному положению, образованию, полу, возрасту люди в одной и той же ситуации[1].

СОЦИАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Известно, что в пределах национального языка существуют *территориальные диалекты*: так, люди, родившиеся в южной России, говорят не так, как в северных областях;

[1] Здесь пойдет речь именно о социальных диалектах, а не о собственно языковых средствах выражения социальных отношений. Известно, что в любом языке существуют специальные средства, которые характеризуют социальные признаки одного из участников — говорящего или слушающего, а также отношения между ними. Этой стороной проблемы занимается *этнография коммуникации* (см. прежде всего: Хаймс 1975; см. также обзор: Bauman, Sherzer 1975). Так, язык индейцев коасати (Луизиана) имеет специальные регулярные глагольные формы для говорящих-мужчин и говорящих-женщин (подробнее см.: Haas 1964). Ср. также известный пример Э. Сепира: в языке индейцев нутка (остров Ванкувер) есть формы, которые используются, когда говорят о людях (или с людьми), имеющих какой-либо дефект или ненормальность, например о детях, об очень полных людях, о взрослых необычно высокого или маленького роста, о людях с ущербным зрением, слухом, хромых, левшах, кастратах (см.: Сепир 1993а).

очень большое диалектное разнообразие можно встретить и в других странах — например в Германии или Англии. Однако географическое положение — не единственный фактор диалектного варьирования: речь людей различается и в зависимости от их принадлежности к разным социальным группам. Разные социальные группы используют разные варианты, и мы, как опытные члены этой речевой общности, умеем классифицировать людей по их речи. Эти варианты носят название социальных диалектов.

Социальный диалект, или социолект, как его определяет Р. И. Макдэвид, — это

> принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидов с определенным уровнем и типом образования (Макдэвид 1975: 365).

Под это определение подпадают диалекты не только социальных, но и этнических, религиозных и иных групп. Многие исследователи пользуются более узким термином — social-class dialects (*букв.* 'диалекты общественных классов').

Диалектологи давно заметили, что для описания диалектов существенны два параметра: 1) барьеры, или границы; 2) расстояние, или дистанция. Региональные границы часто совпадают с географическими — горные цепи, болота, реки. Чем резче граница и чем больше географическое расстояние между двумя диалектами, тем они дальше с лингвистической точки зрения.

Различие социальных диалектов можно объяснить с помощью сходных понятий: *социальные границы* и *социальное расстояние* (дистанция). Распространение в языке какого-либо изменения (нового слова, изменения какого-либо фрагмента грамматики, фонетическая инновация и т. п.) может тормозиться наличием границ между социальными классами, поколениями, расами, религиозными группами и т. п. Какая-либо языковая инновация, зародившаяся среди верхних классов общества, достигнет самых

нижних групп нескоро, если вообще достигнет. И наоборот: нечто, зародившееся «внизу», может вообще не достигнуть верхних классов. Это и есть социальное расстояние.

Социальная стратификация присуща любому обществу. В развитых государствах Запада она приняла форму социальных групп. Не вдаваясь пока в проблему определения социальной группы или социального класса, скажем лишь, что *социальный класс* — это совокупность людей, имеющих сходные социальные и/или экономические характеристики. Социальная стратификация различна в разных обществах. Простой пример — фиксированные, раз и навсегда заданные общественные группы, например индийские касты; для социолингвиста значительно легче изучать кастовые диалекты, чем классовые, так как касты более строго определены, стабильны, четче отделены одна от другой[2]. В работе П. Традгила (Trudgill 1995: 25) приведен пример кастовых различий в языке; интересно, что воздействие географических факторов на язык и в том и в другом случаях оказывается слабее, чем социальное воздействие.

Каста и провинция	Показатель инфинитива	Показатель причастия	Глагол «сидеть»
Брахманы			
Дхарвар	-likke	-o	kut-
Бангалор	-ok	-o	kut-
Не-брахманы			
Дхарвар	-ak	-a	kunt-
Бангалор	-ak	-a	kunt-

В странах, где говорят по-английски, по-испански, по-русски, социальная стратификация более подвижна и менее определенна, чем в Индии. Границы между социальными классами неотчетливы и проницаемы: существует так

[2] Это, конечно, упрощение: в реальности ситуация сложнее (см., например, обзор: Irvine 1985: 563–566).

называемая вертикальная мобильность — возможность подняться или опуститься по социальной лестнице. Это делает задачу лингвистов достаточно сложной, так как чем разнообразнее общество, тем разнообразнее его языковые варианты.

Степень варьирования языка и его социальный статус находятся в обратно пропорциональных отношениях: чем выше статус, тем меньше вариантов. Чем более «сельские», «местные» и низкие варианты используются, тем больше число лексических и грамматических вариантов. Лексический пример: в стандартном английском языке есть слово scarecrow ('огородное пугало'). Ему соответствует в диалектах bogle, flay-crow, mawpin, mawkin, bird-scarer, moggy, shay, guy, bogeyman, shuft, rook-scarer (см.: Trudgill 1995: 29).

Описывать социальные диалекты сложно: методы традиционной *сельской диалектологии* здесь не подходят. *Диалектология города* выработала собственные методы; начиная с 1950–1960-х годов эта область стала быстро развиваться, прежде всего благодаря трудам У. Лабова (США) и П. Традгила (Великобритания).

> Мы давно знаем об этих социальных и региональных вариантах, и мы имеем точное описание стандартного произношения. Однако мы не знаем, как именно стандартное произношение и локальные акценты связаны с социальным классом; как далеко простирается стандартное произношение вниз по социальной лестнице в разных регионах; какие говорящие употребляют произношение, стандартное для данного региона; и как, собственно, выглядят эти промежуточные и местные акценты (Trudgill 1995: 31).

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Здесь речь пойдет о том, как именно работает диалектология города, или социальная диалектология. За сорок

лет ее существования[3] были выработаны и проверены на практике различные методы сбора и обработки данных. Однако прежде необходимо коротко упомянуть о другом очень важном аспекте этой работы, который имеет отношение не только к городской диалектологии, но и к любой полевой работе, к любому сбору данных, как социально-антропологических, лингвистических, так и социолингвистических, — об этическом аспекте сбора информации.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ

Этическая сторона полевых исследований в последнее время широко обсуждается, прежде всего потому, что некоторые исследователи в прошлом вольно или невольно настроили многие общности против себя, публикуя то, что публиковать не следует, или добывая данные сомнительными методами (например, с помощью скрытой записи на магнитофон доверительных разговоров).

Существует много вопросов, с которыми так или иначе сталкивается исследователь «в поле». В какой «роли» исследователь имеет право выступать в исследуемой общности? Может ли он сочинить себе «легенду», т. е. притвориться кем-то для получения нужных ему данных? Должен ли исследователь полностью информировать индивидов, с которыми он работает, и группу в целом о целях и методах своего исследования? Всегда ли обязательно говорить информанту, что его речь записывается? Следует ли всегда упоминать имя того, от кого получены те или иные сведения, или, напротив, сохранять анонимность ис-

[3] Мы ведем отсчет с первых публикаций У. Лабова, который по праву может считаться отцом современной социальной диалектологии. Однако некоторые интересные работы появлялись и раньше, в том числе и в России; см., например, книгу (Шпильрейн и др. 1928), в которой предложены интересные методики сбора и анализа данных по речи одной из социальных групп — военнослужащих Красной Армии.

точников информации? Что делать, если в процессе записи речи исследователь получил сведения о нелегальной деятельности информанта или его знакомых (контрабанда, наркотики, воровство и др.)? Всегда ли можно публиковать интервью?

Различные объединения, ассоциации и союзы ученых выработали и опубликовали документы, озаглавленные «Этические принципы полевых исследований». Кроме того, многие этнические общины, со своей стороны, также выработали подобные документы.

Так, Канадский Королевский комитет по работе с коренными народами (Royal Commission on Aboriginal Peoples) принял, среди прочих, следующие этические принципы социальных исследований в Канаде:

1) Необходимо заручиться осознанным согласием (informed consent) всех участвующих в исследовании.

2) В исследованиях, проводимых в аборигенных общинах, исследователь должен позаботиться о процедурах, которые дали бы возможность представителям общины участвовать в планировании и проведении исследований и в оценке их результатов.

3) Результаты должны быть широко распространены в общинах, в том числе и на аборигенном языке там, где это возможно.

4) Избранная тема исследования должна быть полезной для конкретной общины.

5) Там, где это возможно, исследователь должен способствовать повышению уровня подготовки отдельных людей, тем самым повышая способность общины проводить свои собственные исследования.

Аналогичные принципы приняла и Федерация коренных народов Аляски (Alaska Federation of Natives [1993]) (цитируются лишь два из них):

1) Отдавать должное вкладу местного населения в печатных изданиях.

2) Нанимать и обучать местных жителей для помощи в работе.

В декларации «Этические принципы проведения исследований на Севере» ('Ethical Principles for the Conduct of Research in the North' [1982]), принятой Ассоциацией Канадских университетов, занимающихся исследованием Севера (Association of Canadian Universities for Northern Studies), сказано:

> 1) Все отчеты о результатах исследования должны быть посланы общине.
>
> 2) Во всех публикациях должны содержаться ссылки на согласие и на участие общины в исследовании.
>
> 3) Все публикации должны содержать по возможности максимальные сведения обо всех, кто способствовал исследованию; при этом не должен нарушаться принцип анонимности.

Для любого западного антрополога и лингвиста эти принципы обязательны: их нарушение ведет к исключению из всех ученых обществ, обструкции и бойкоту как со стороны общин, так и со стороны коллег. Аналогичные проблемы возникают и при изучении социальной диалектологии; об этой стороне исследований необходимо помнить (обсуждение этого аспекта полевых исследований см.: Вахтин 2002).

МЕТОДИКИ СБОРА ПОЛЕВЫХ ДАННЫХ

Методика анонимного интервью

Эту методику впервые в социолингвистике применил У. Лабов. Покажем основные принципы этой методики на примере проведенного им исследования произношения звука [r] жителями Нью-Йорка (Labov 1966). Известно, что нью-йоркцы то произносят, то не произносят звук [r] в словах типа farm или fourth, причем произнесение [r] — это, по предположению Лабова, инновация. Лабов предположил, что наличие/отсутствие [r] будет зависеть от возраста и социального статуса говорящего: образованные и пожилые будут произносить [r], необразованные и моло-

дые — не будут. Кроме того, он предположил, что [r] будет чаще отсутствовать в тех случаях, когда говорящий «не старается». Наконец, он предположил, что неупотребление [r] зависит и от чисто морфонологических причин: оно будет употребляться чаще, когда следом идет согласный, чем когда следом идет граница слова.

Чтобы собрать материал для ответа на этот вопрос, Лабов обошел три больших нью-йоркских универмага, спрашивая продавцов, где можно купить такие-то товары (про которые он заранее знал, что они продаются на 4-м этаже). Естественно, он получал ответы, содержащие сочетание fourth floor 'четвертый этаж', — т. е. два слова интересующего его типа. Услышав ответ, он наклонялся вперед и делал вид, что не расслышал, — продавцы повторяли то же самое более тщательно. Сравнивая слова fourth и floor, он получил два интересовавших его фонетических контекста. Сравнивая первое и второе произнесение, он проверял гипотезу, что наличие/отсутствие [r] зависит от тщательности речи. Наконец, гипотезу о разном социальном статусе он проверял, сравнивая речь продавцов трех магазинов, ориентированных на разную клиентуру: «Saks», «Fifth Avenue» — высший класс, «Macy's» — средний и «S. Klein» — низший. Внутри каждого из магазинов Лабов опрашивал таким способом людей разного возраста и социального статуса — уборщиков, продавцов, младших и старших клерков и т. п.

Результаты наблюдений записывались в блокнот скрытно, так что никто из респондентов не предполагал, что участвует в эксперименте. Выводы из подсчетов более или менее подтвердили все исходные гипотезы, кроме гипотезы о возрасте. Последняя подтвердилась для социально более высокой группы и в какой-то мере для низкой, но не для средней. Это позволило Лабову сделать вывод, что корреляция возраста и произношения надежно фиксируется только для высших и низших слоев: они не склонны менять свое произношение после того, как оно устоялось в юном возрасте. Для средней же группы наблюдается другая ситуация: ее представители с готовностью меняют свое про-

изношение во взрослом возрасте, чтобы сделать его похожим на речь более «высокого» социального класса, и перенимают тип произношения, который в данный момент «в моде». Эта гипотеза была Лабовом подтверждена в ходе его дальнейших исследований, что привело к появлению понятия «гиперкоррекция»: сознательное подлаживание в произношении под речь социально более высокого класса.

Методика структурированных интервью

Эта методика входит составной частью в так называемое *спонтанное интервью*; его называют еще *структурированным* интервью, поскольку оно строится по определенной схеме: исследователь задает вопросы таким образом, чтобы получить как можно больше употреблений в речи интересующих его элементов — фонетических, лексических или грамматических.

Спонтанный (свободный) разговор — исключительно важный источник данных, используемых в социолингвистических исследованиях. Для получения надежных результатов необходимо, чтобы респондент говорил свободно, не задумываясь. Однако тот факт, что человека интервьюируют и записывают, оказывает значительное влияние на спонтанность его речи. Кроме того, на речь испытуемого воздействует и речь спрашивающего: людям свойственно подстраиваться друг под друга или, наоборот, отталкиваться друг от друга по манере речи (см. специально гл. 3). Лабов формулирует этот «парадокс наблюдателя» так:

> Чтобы получить данные, важные для языковой теории, мы должны наблюдать, как люди говорят, когда за ними не наблюдают (Labov 1972: 113).

Существуют разные приемы, которые позволяют снизить негативный эффект присутствия наблюдателя и повысить спонтанность речи, сделать разговор более естественным.

1) **Следует задавать вопросы, на которые требуется развернутый ответ**, а не ответ типа *да—нет*. Так, вопрос «Вы в школе в прятки играете?» не годится, а вопрос «Как у вас играют в прятки? В разных школах играют по-разному» — лучше.

2) **Желательно задавать вопросы, на которые информант предположительно знает ответ**. При этом нужно учитывать его пол, возраст, положение в группе, национальность и личные склонности. Тема для разговора должна выбираться близкой для говорящего: люди любят говорить о себе, о детях, о болезнях. Есть темы, которые информант обсуждает особенно охотно, эмоционально и с большим желанием убедить собеседника, что все рассказанное им — правда.

3) **Исследователь должен в разговоре следовать за информантом**, не перебивать его и не сбивать с темы.

4) **Не следует задавать прямые вопросы об особенностях речи** — они разрушают ситуацию непринужденности, человек начинает задумываться, и естественность речи исчезает. Необходимо добиваться того, чтобы испытуемый сосредоточился на содержании своей речи и забыл про форму. То, что информант *вообще говорит*, важнее, чем то, *что́ он говорит*. Поэтому исследователь должен не только терпеть длинные и скучные монологи, но всячески их стимулировать, даже если говорящий отклоняется от прямого ответа на вопрос.

5) **Исследователь должен внимательно следить за тем, как говорит он сам**, использовать максимально естественную и стилистически нейтральную речь, в противном случае есть опасность повлиять на информанта, увлечь его своей эмоциональностью или, наоборот, официальностью.

6) **Вопросы не должны вызывать подозрения, что у исследователя есть какая-то тайная цель**. Людям трудно поверить, что кого-то может интересовать просто речь сама по себе, поэтому при выборе темы разговора нужно стараться избегать тем, которые могут быть связаны, например, с полулегальной деятельностью.

Одним из способов приблизиться к спонтанному разговору являются *групповые интервью*, т. е. магнитофонная запись разговора людей, принадлежащих к одной группе, друг с другом. Это позволяет наблюдателю устраниться

из ситуации и записать разговор, практически неотличимый от естественного, однако запись таких разговоров очень сложна технически и трудно поддается расшифровке.

Чтение

Чтение отрывков текста или списков слов включают в эксперименты, которые направлены на получение данных о различиях в формальной и неформальной речи, а также об особенностях произношения представителей той или иной группы. Для чтения могут предлагаться *связные тексты*, составленные таким образом, чтобы в них было достаточное количество интересующих исследователя звуков или слов. Могут даваться *отдельные предложения* (иногда в них оставляют пропуски, которые информант должен заполнить, — это отвлекает его от звуковой стороны чтения). Наконец, могут даваться просто *списки слов*, которые подобраны таким образом, чтобы представлять какую-либо фонологическую черту. Например:

rows	rose	side	sod
run	rum	shoe	chew
hau	hot	mass	mask
sold	soul	deaf	death

и т. п.

ВЫБОРКА

Выборка — это статистический прием, позволяющий определить круг испытуемых так, чтобы они адекватно представляли интересующую исследователя группу населения (*генеральную совокупность*)[4]. Иногда удается найти

[4] *Выборка* — ограниченная совокупность элементов объекта исследования, подлежащая непосредственному изучению. В социо-

группу населения, которая уже каким-то образом отграничена от других групп какой-либо условной границей, например географической. Если нас интересует речевое поведение жителей Петербурга или Вологды, то границы области изучения уже установлены априорно. Тогда наша единственная задача — определить, сколько и каких людей в пределах этой области мы должны обследовать, чтобы получить надежные и адекватные результаты.

В других случаях, если мы хотим описать речевое поведение группы, которая определяется не географически, а социально, нужно установить границу на основе таких критериев, как социальный класс, пол, возраст, этническая или религиозная принадлежность и т. п. Иногда это просто (как в случае возраста, например), иногда сложнее. Сложности могут корениться как в особенностях структуры того или иного общества, так и в особенностях того или иного признака.

Для определения *социального статуса* в социальных науках (прежде всего в США) принята классификация на «рабочий» (working) и «средний» (middle) класс с тройным членением внутри каждого класса: на «нижний», средний» и «верхний» (lower, middle, upper), что дает шесть групп:

логии изучение того или иного социального явления или процесса обычно носит выборочный характер: исследователь имеет дело не со всей совокупностью какого-то явления, называемой *генеральной совокупностью*, а только с некоторым ограниченным числом его элементов. Важнейшее значение при определении выборки имеет обеспечение ее репрезентативности, адекватного, строгого отражения в выборке структуры, особенностей, соотношений, взаимосвязей и других социально значимых черт генеральной совокупности — т. е. всей совокупности качественно определенных социальных явлений или процессов, имеющих те или иные общие социально значимые признаки и подлежащих изучению. Иными словами, при определении выборки необходимо принимать во внимание весь объект социологического исследования в отличие от выборки как ее части (см.: Словарь-справочник по политологии: http://www.i-u.ru/dict/default.asp#find); см. также полезную работу (Davis 1990), в которой достаточно сложные математические методы обработки данных изложены очень просто).

lower working, middle working, upper working, lower middle, middle middle, upper middle (LW, MW, UW, LM, MM, UM). Распределение по этим классам осуществляется на основе ряда критериев, таких как уровень заработной платы, место работы, тип жилища и др.

Выделение группы по *национальному* (этническому) *принципу* сопряжено с большим числом проблем: неясная этничность («не знаю»), двойная этничность («что выгоднее в данный момент»), подвижная этничность («то так, то этак»), навязанная этничность (паспортная система) и т. п.

Из всех параметров, используемых в социолингвистических исследованиях, наиболее сложным является параметр социального статуса. Мы должны знать, какие социальные слои существуют в той или иной изучаемой общности и как определить статус того или иного индивида, его место на социальной лестнице. В одних случаях мы можем постараться выделить социальные слои до начала лингвистического анализа, чтобы выяснить корреляции наших языковых переменных с социальными слоями. В других случаях может быть интереснее вначале разделить население по языковым признакам, а затем исследовать социальные характеристики получившихся групп. Наконец, можно использовать оба метода последовательно — начать с выделения социальных групп, выяснить их лингвистические характеристики и затем на базе этих характеристик уточнить социальную структуру, перегруппировав людей, вошедших в выборку так, чтобы получилось максимально четкое распределение.

Главный вопрос — как приписать индивиду его место в социальной структуре? Здесь есть два пути: *объективные измерения* и *субъективная оценка*.

Объективные измерения

В этом случае исследователь изучает общность и определяет, какие социальные слои в ней есть, независимо от того, признают ли сами члены данной общности нали-

чие таких слоев. Здесь используется так называемый *индекс статусной характеристики* — т. е. индекс, учитывающий ряд социально-экономических показателей. К таким показателям обычно относят занятие, образование, уровень доходов, тип жилища и район проживания. Эта методика разработана в США и Англии и, естественно, более всего подходит именно для этих стран, хотя не лишена смысла и для других регионов. Например, шкала образования, которая обычно применяется в США, выглядит так:

> дети менее семи лет → младшая школа (семь классов и выше) → неполная средняя школа (десять классов и выше) → средняя школа (двенадцать лет) → неполный колледж (год и более) → колледж (четыре года) → университетское образование

Ясно, что эту схему нельзя перенести механически на российскую или, например, на японскую почву. Точно так же шкалы, которые измеряют уровень доходов, нельзя использовать без изменений в разных странах (так, принятые в США шкалы основаны либо на абсолютных показателях дохода, либо на источнике дохода — наследственное состояние, зарплата, периодические гонорары, доход от банковского капитала и др.).

Обычно каждой строке любой шкалы приписывается некая цифра (уровень доходов, например, если таких уровней выделено 7, получает «вес» от 1 до 7, пять возрастных групп — от 1 до 5, четыре типа мест проживания — от 1 до 4 и т. п., и затем вычисляется общий «вес» каждого респондента. Богатый + высшее образование + собственный дом получает общий «вес», равный 3 (1 + 1 + 1), нищий бездомный без образования — 16 (7 + 5 + 4), и далее вся выборка подразделяется «по весам» на группы: от 1 до 3, от 4 до 8, от 9 до 12 и т. п. Таким путем устанавливаются социальные группы, из которых состоит генеральная совокупность.

Недостатки этого метода очевидны (см., в частности: Беликов 1999). Прежде всего, навязанные исследователем извне социальные признаки совершенно не обязательно имеют отношение к реальной социальной стратификации

данной общности. Это особенно очевидно, если взять разные этнические группы в тех же США. Имеет ли фактор «занятость» реальное значение для черного гетто, где все — безработные? Даже если и имеет, значение этого фактора существенно иной, чем в белой общине.

Списки социально-экономических признаков также могут быть различными. Для неиндустриальных обществ, для исследований в промышленно неразвитых странах исследователь может учитывать место человека в иерархии власти, социальные роли в общине, количество свободного времени, доступ к привилегиям («блат») и многие другие факторы.

Субъективная оценка

Высшими авторитетами в вопросе о распределении людей по социальным классам и в вопросе о количестве и признаках самих этих классов являются в конечном итоге сами члены общности. В каком-то смысле социальные классы существуют постольку, поскольку члены общности верят в их существование. Исследователю остается только спросить членов общности, как они ранжируют сами себя в терминах социальных групп, признаваемых самой общностью: кто «уважаемый человек», кто — «не нашего круга», кто «выше» и кто «ниже» того, который отвечает на этот вопрос.

Этот метод также не лишен недостатков. Прежде всего, мы можем получить разную картину распределения классов от разных членов общности. Обязательно ли мнение большинства окажется адекватным? У этого метода есть и чисто практические неудобства: исследователь должен быть лично знаком практически со всеми, кто входит в изучаемую группу, что часто невозможно при широкомасштабных опросах.

В идеале, по-видимому, субъективный и объективный методы должны комбинироваться, что превращает этот подготовительный этап работы в громадную и часто невыполнимую задачу. Поэтому социолингвисты предпочитают пользоваться уже имеющимися результатами социоло-

гических или этнологических исследований, на основании которых уже были выделены социальные слои в пределах данной общины.

Разновидности выборки

После того как границы группы очерчены, наступает черед определения числа респондентов (испытуемых), которых необходимо обследовать для получения надежных данных. Существует три типа выборки: случайная выборка (random sample), представительная выборка (representative sample) и структурированная сознательная выборка (peer-group sample).

Случайная выборка. Это процедура отбора испытуемых, проведенная так, чтобы исключить какую-либо предвзятость, т. е. чтобы в выборку «случайным» образом попали представители всех мыслимых комбинаций признаков. Один из обычных путей осуществления отбора — использование таблицы случайных чисел (такие таблицы публикуются в виде отдельных брошюр или как приложение к любому учебнику статистики). В этом случае берется группа населения, каждому индивиду присваивается номер и затем из группы выбираются те, чей порядковый номер соответствует первым 100–200–300 и т. п. числам в таблице случайных чисел.

Этот метод не всегда подходит для изучения социолингвистических проблем. Вот что пишет по этому поводу Лабов:

> Случайная выборка, которой я пользовался, включала выбор каждого десятого дома в квартале и каждой седьмой квартиры в этом доме. Этот метод вроде бы свободен от предвзятости, но он не позволял мне выбирать респондентов случайным образом в пределах семьи, и, кроме того, я не мог заранее знать, какого размера район мне удастся охватить, пока ресурсы не будут исчерпаны. Что еще важнее, никакая подобная выборка не может заранее разграничить природных носителей языка и иностранцев, и масса времени уйдет на бессмысленные хождения по квартирам этих последних (Labov 1966: 201).

Строгая случайная выборка также, естественно, приводит к тому, что вся выборка в целом оказывается пропорциональна составу исследуемой группы. Например, если в группе преобладают белые, то они будут преобладать и в выборке (в этом, собственно, и заключается смысл случайной выборки). Однако это может привести к тому, что в выборке окажется значительно больше носителей одного признака, чем другого, причем этот признак может быть заранее не известен исследователю, но повлияет на результаты.

Представительная выборка. В этом случае вначале определяется социальный (возрастной, профессиональный и т. п.) состав исследуемой группы, затем респонденты подбираются так, чтобы полноценно представить элементы («*клетки*») этого социального состава, до тех пор пока все клетки не оказываются равномерно заполненными.

В качестве примера возьмем гипотетическое исследование, которое мы проводим в вепсской деревне с целью изучить некую лингвистическую переменную (например, произношение какого-либо согласного), зависящую, по нашему предположению, от уровня образования, пола, возраста и национальности. Допустим, что мы имеем четыре уровня образования, два пола, три возрастные группы (10–12, 14–17 и 25–35 лет) и две национальности — русские и вепсы. Эти признаки сводятся в таблицу.

Образование	Русские						Вепсы					
	Мужчины			Женщины			Мужчины			Женщины		
	10–12	14–17	25–35	10–12	14–17	25–35	10–12	14–17	25–35	10–12	14–17	25–35
Начальное												
Неполное среднее	?			?			?			?		
Среднее	?			?			?			?		
Высшее	?	?		?	?		?	?		?	?	

Если мы хотим, чтобы все клетки таблицы были равномерно представлены, мы должны подобрать для каждой из них рав-

ное число респондентов. Общее число клеток в таблице — это число вариантов каждой из переменных, помноженное друг на друга: 4 социальных класса × 2 пола × 2 национальности × 3 возраста = 48. Однако при взгляде на таблицу становится очевидно, что некоторые признаки связаны: так, дети 10–12 лет не могут иметь неполного среднего и среднего, а дети и молодые люди до 17 лет не могут иметь высшего образования. Поэтому реальное число «клеток» меньше — 32.

Сколько респондентов должно быть указано в каждой клетке? Для практических целей применяют принцип: *пять человек на клетку*. Следовательно, в отмеченной (тонированной) клетке таблицы должно быть 5 русских женщин возраста 14–17 лет с неполным средним образованием, в соседней снизу — 5 русских женщин того же возраста, но со средним образованием, и т. п. Итого число респондентов в этом воображаемом эксперименте должно составить 32 × 5 = 160 человек.

Впрочем, применительно к социолингвистическим вопросам этот общий принцип не всегда приводит к оптимальной выборке. С одной стороны, лингвисты традиционно опираются на очень небольшое число информантов, в то время как традиции социологических обследований требуют больших массивов респондентов — сотен и тысяч человек. Оптимальная выборка для изучения социальных диалектов лежит где-то между этими крайними вариантами: размер оптимальной выборки зависит от задачи, от ожидаемого единообразия или разнообразия индивидуальных реакций и др. Кроме чисто теоретических, здесь примешиваются и практические соображения: работа с одним информантом при решении лингвистических вопросов может иногда занимать несколько дней, и тогда приходится ограничиваться несколькими десятками информантов. В нашем воображаемом эксперименте, наконец, в вепсской деревне, просто может не оказаться нужного числа людей или нужного числа мужчин или детей и т. п. Тем не менее важно, чтобы все сочетания признаков (все клетки) заполнил хотя бы один респондент — в противном случае результаты могут оказаться недостоверными.

Сознательная выборка. Используется в тех случаях, когда необходимо исключить всякий элемент случайности, когда исследователь хочет взять одну, четко определенную и ограниченную группу испытуемых. Например, работа Лабова по изучению речи черных подростков Гарлема (район Нью-Йорка) основана не на выборке, а на исследовании вполне определенной, специально отобранной группы ровесников — учеников одной школы.

Никакая выборка не бывает идеальной, поскольку всегда имеет место логический круг: идеальную выборку можно составить, только если заранее точно знать, какие социальные и иные параметры оказывают влияние на исследуемый феномен, а это обычно становится ясно лишь в результате исследования.

В заключение приведем пример классического социолингвистического исследования, в котором многие из упомянутых выше проблем были если не решены, то хотя бы учтены, — исследования П. Традгила (Trudgill 1974).

П. Традгил изучал социальные диалекты, существующие в его родном городе Нориджe (Англия). Выбор родного города был не случаен: Традгил не только хорошо понимал, но и умел имитировать местный акцент и таким образом предполагал снизить влияние собственной речи на речь информанта. При отборе исследователь пользовался тем, что уже было известно о социальной структуре Нориджа: выделил пять районов по типу застройки, которые соответствовали пяти градациям социального статуса, и взял выборку 60 человек (на город с населением в 160 000 человек). Поскольку исследуемых групп было всего пять (ни пол, ни возраст не учитывались), то, исходя из очерченного выше принципа, эта выборка может считаться представительной: для пяти «клеток» таблицы достаточно было бы опросить $5 \times 5 = 25$ человек.

При исследовании использовались методы чтения и интервью: респонденты читали связный текст, затем список слов, затем вели диалог с исследователем; кроме того,

записывались бытовая речь с членами семьи и спонтанные рассказы. Выбирая тему, Традгил просил рассказать смешной эпизод из жизни — это способствовало спонтанности речи. Было выбрано 16 разных языковых переменных (3 согласные и 13 гласных). Ниже приводится пример только одной из них: употребление звука [ng] по сравнению с [n] в словах типа seeing/seein'. Цифры в таблице — процент произнесения звука [ng].

Группа	Чтение списка слов	Чтение связного текста	Формальный разговор	Неформальный разговор
MM	100	100	95	70
LM	100	90	80	60
UW	100	80	20	17
MW	95	60	10	4
LW	70	40	5	0

Эксперимент подтверждает предположение о различии произношения в зависимости от двух переменных: 1) от принадлежности испытуемого к тому или иному социально-экономическому классу, 2) от стиля речи. В данном фрагменте исследования выяснилось, что в речи представителей более образованных и богатых классов [ng] звучит чаще, чем [n]; у представителей низших классов чаще встречается [n], чем [ng]. Эксперимент также подтверждает зависимость того или иного типа произношения от степени внимания говорящего, т. е. от стиля речи: от чтения списков слов к бытовому разговору частотность [ng] заметно падает у всех групп. Для «среднего класса» (MM и LM) основная граница проходит между бытовой и формальной речью, для «рабочего класса» (UW, MW и LW) — между формальной речью и чтением. Иначе говоря, «средний класс» чувствителен к различным степеням формальности коммуникативной ситуации, в то время как «рабочий класс» — к переходу от устной коммуникации к пись-

менной, от разговорной речи — к чтению; это естественно, поскольку нормативное произношение [ng] они осваивали в школе.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯЗЫКЕ

Тема «язык и пол» в последнее время активно разрабатывается, в основном в зарубежной лингвистике[5]. В современной литературе принят термин *гендерные* различия: понятие *гендер* шире, чем понятие *пол*, и включает комплекс социальных, культурных и психологических явлений, связанных с полом.

Одной из первых работ в этой области считается книга американской исследовательницы Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff 1975). Согласно Р. Лакофф, существуют следующие основные отличия женского варианта языка от мужского: женщины 1) используют слова, которые мужчины не используют (mauve 'розовато-лиловатый'); 2) используют больше «пустых» оценочных прилагательных (sweet, divine, cute); 3) используют вопросительные формы (в том числе tag questions) там, где мужчины используют утвердительные; 4) чаще используют вежливые формы; 5) женщины чаще используют формы, выражающие неуверенность (well, you know, I guess, I wonder, I think); 6) чаще используют усилители (*so* nice, *very* nice, *really* charming); 7) используют гиперкорректную грамматику. Более поздние исследования не всегда подтверждают эти наблюдения; не исключено, что во многих случаях мы имеем дело не с реальностью, а со стереотипом.

Гендерные противопоставления по-разному проявляются в языках мира. Попытка их систематизации предпринята, например, в работе Дж. Шерцер (Sherzer 1995; см.

[5] Подробную библиографию см.: Linguistics 1995: 96–99; см. также: Sociolinguistics Reader 1998 (Vol. 2, sect. 1. «Gender»).

также обзор: Philips 1980); нужно учесть, что приводимые ниже типы не являются взаимоисключающими.

1) **Обязательные различия по признаку мужское/женское в языке.** Речь идет об обязательном различении двух вариантов одного языка — мужского и женского (чаще всего это различение заметно на фонетическом и/или морфологическом уровнях). Один из самых известных примеров (см. также пример с языком коасати в сн. 1 данной главы) — язык островных карибов в Центральной Америке. Когда европейцы впервые оказались на Малых Антильских островах, они заметили, что мужчины и женщины говорят «на разных языках»: отличалась часть лексики (корней), а также несколько грамматических показателей. При обращении к мужчине всегда использовался «мужской вариант», при обращений к женщине — «женский». В сообщениях XVII века отмечается, что нарушение установившихся норм считалось серьезным преступлением (см. подробнее: Hoff 1994). Местные жители еще в XVII веке объясняли существование двух вариантов языка следующим образом. Когда карибы впервые завоевали Малые Антильские острова (они не являются коренным населением этой части архипелага), там жили индейцы Аравак. Карибы убили всех мужчин, но оставили в живых женщин. Женщины и дети продолжали говорить на своем родном языке. Мужчины-карибы через некоторое время освоили этот язык и даже перешли на него, но в качестве отличительного «мужского признака» инкорпорировали в него некоторые карибские элементы. В результате языки, принадлежащие к двум разным группам, отчасти смешались (только в речи мужчин). По всей вероятности, это легенда.

Для объяснения этого и подобных феноменов выдвигалась гипотеза табу. Когда мужчины выходили на тропу войны, им, возможно, предписывалось использовать некоторый набор «мужских» слов. Женщинам и детям при этом запрещалось произносить некоторые слова, которые могли «предупредить врагов», «привлечь духов» или «отпугнуть добычу», — в противном случае удача отверну-

лась бы от воинов и охотников. Фактор табу мог оказать влияние на дифференциацию языка в зависимости от пола. Эта гипотеза применительно к карибам не подтверждается (хотя напрямую и не опровергается) историческими фактами, однако находит достаточно много типологических параллелей.

Пример языка, в котором система табу является причиной появления различий по признаку пола, — зулусский. Зулусская замужняя женщина не могла произносить вслух имена отца и братьев мужа. В некоторых случаях ей запрещалось произносить звуки, которые могли как-то ассоциироваться с табуированными именами, т. е. женщина не имела права произнести любое, даже самое распространенное слово, если оно содержало характерный звук, входящий в имена родственников-мужчин. Такая система табу вполне могла бы привести к появлению различных вариантов языка, разделенных по признаку пола.

Однако надо заметить, что при всей привлекательности гипотезы табу она не может объяснить все случаи языковых различий по признаку пола: прежде всего, не вполне ясны те механизмы, которые приводят от табу, ограниченных по времени (на охоте, на войне и т. п.) или по социальной группе (только жены охотников и т. п.), к табу, распространяющемуся на постоянное речевое поведение всей языковой общности.

Еще один пример дифференциации по признаку пола — системы личных местоимений. Так, в русском, английском и многих других языках дифференциация по признаку пола проявляется в местоимениях только 3-го лица и только в единственном числе: *он — она*, но *они*; *he*, *she*, но *they*. Во французском такая дифференцияция обнаруживается и во множественном числе: *ils — elles*. В финском языке и в 3-м лице единственного числа личное местоимение не дифференцировано по полу: *hän*. В некоторых языках по полу дифференцированы и местоимения 2-го и 1-го лица: так, в тайском языке в вежливой беседе людей с равным статусом мужчина скажет о себе *phom*, а женщина — *dichan*.

2) **Разные речевые стили у мужчин и женщин.** В данном случае под *стилем* понимается комплекс лингвистических черт — фонетических, ритмических, интонационных, морфологических, синтаксических, лексических, которые ассоциируются с мужским или женским речевым поведением. Женщины могут говорить быстрее или медленнее, больше или меньше, образнее или проще, чем мужчины. Женщины могут «глотать» окончания, а мужчины нет, или наоборот. Женщины (или соответственно мужчины) могут говорить с особой интонацией и т. п.[6]

Необходимо отметить, что, как это нередко бывает, культурные нормы, запечатленные в сознании членов социума, могут не совпадать с реальной практикой. Применительно к рассматриваемой проблеме не так важно, существуют ли на самом деле в конкретном обществе такие различия речи мужчин и женщин; существеннее то, что в этом обществе существует *убеждение*, что женщины и мужчины говорят по-разному. Например, носители русского языка, возможно, скажут, что женщины говорят больше и быстрее мужчин, — но это не обязательно будет подтверждено статистически.

3) **Разные принципы организации речевого поведения.** Исследования показали, что мужчины и женщины по-разному ведут себя во время разговора, по-разному используют язык в процессе беседы. В таких исследованиях обычно подсчитывается число «отвлечений» от главной темы разговора, переход с одной темы на другую, неожиданные обращения к другому собеседнику, перебивание собеседника и т. д. Сюда же можно отнести и различия в *частотности* употребления некоторых лингвистических черт. Употребление некоторых фонетических, морфологических, синтаксических и лексических черт в мужской и женской речи, по данным статистического анализа, оказывается значимым (при этом в отличие от ситуации, описан-

[6] Об особенностях мужской и женской речи в русском языке см.: Земская и др. 1990.

ной в предыдущем пункте, члены социума могут быть уверены, что «все говорят одинаково»).

Так, установлено, что англоязычные женщины в большей мере проявляют тенденцию задавать вопросы, поддерживать диалог, выражать солидарность с собеседником, часто стимулируют, поддерживают беседу в виде минимальных ответов (ср. русские междометия такого типа — «м-м-м», «угу» и т. п.). Мужчины, напротив, часто прерывают собеседника, склонны не соглашаться с партнером, игнорировать высказывания собеседников, более жестко контролируют тему разговора, склонны к прямому выражению мнения. Женщины избегают открытого соперничества в диалоге на уровне речи (их соперничество, как правило, более скрытое), ждут знаков одобрения и поддержки в виде кивков, междометий, сами проявляют знаки интереса и внимания (см.: Карасик 2002: 56–57). Корни этих различий лежат в несходстве воспитания, базовых ориентиров поведения мальчиков и девочек.

П. Традгил (Trudgill 1995 [1974]) показывает, какие варианты произношения выбирают мужчины и женщины в англоязычных странах по параметру «престижность/непрестижность». В среднем есть устойчивая тенденция к тому, что женщины выбирают более престижный вариант произношения. Очевидно, это также связано со стереотипами женского и мужского поведения, существующими в данной культуре.

Д. Таннен (Tannen 1982: 224–225) приводит данные об эксперименте, который она проводила, чтобы выявить склонность трех групп (американцы, американские греки, греки из Греции) и двух полов к интерпретации речи как прямой (имеющей прямой, однозначный смысл) или непрямой (имеющей второй, дополнительный смысл). Испытуемые получали следующее задание.

Давался текст: семейная пара ведет разговор:
Жена: У Джона вечеринка. Хочешь пойти?
Муж: ОК.
Жена: Я позвоню и скажу, что мы будем.

На основании этого разговора отметьте одно из двух предложений, которое, по вашему мнению, объясняет, что́ на самом деле имел в виду муж, говоря *ОК*:
А: Жена хочет туда пойти, раз спрашивает. Пойду, чтобы сделать ей приятное.
Б: Жена спрашивает, хочу ли я туда пойти. Пожалуй, хочу, скажу «да».

Что в словах жены и мужа заставляет вас выбрать один из предложенных вариантов? Что должны были бы сказать жена или муж, чтобы вы выбрали другой вариант?

Эксперимент показал, что отличия по этническим группам существуют.

Пол	Выбор варианта А, %		
	Греки из Греции	Американские греки	Американцы
Мужчины	50	44	27
Женщины	47	43	36

Таким образом, американские женщины значительно чаще американских мужчин ищут второй смысл в словах собеседника.

4) **Выбор языка мужчинами и женщинами в ситуациях многоязычия и двуязычия.** Мужчины и женщины поразному ведут себя в ситуациях многоязычия и двуязычия. Мужчины более активно вовлечены в двуязычие — из-за их активности в торговле, охоте, других занятиях, заставляющих их выходить из дома. Так, в пограничном районе Австрии, где часть населения двуязычна и где есть и мужчины и женщины, которые говорят и по-немецки и по-венгерски, мужчины предпочитают венгерский язык, а женщины — немецкий как более престижный (подробнее см.: Gal 1978b). Впрочем, отмечены случаи, когда, наоборот, женщины более активно используют оба языка, а также более сложные ситуации двуязычия.

5) **Гендерное распределение «жанров» и ролей в разговоре.** Дж. Шерцер (Sherzer 1995) отмечает, что среди ин-

дейцев Куна, живущих на территории Панамы, чисто мужские жанры — это всякого рода публичные выступления, рассказывание племенных мифов, магические песнопения; женские жанры — пение колыбельных песен, плачи.

6) **Выбор мужчинами и женщинами различных моделей речевого поведения.** В качестве примера часто приводят малагасийское общество, в котором существуют две такие модели — прямая и непрямая речь. Прямая речь свойственна скорее женщинам и используется в торговых отношениях, в которые там вовлечены в основном женщины. Непрямая речь ассоциируется с публичными выступлениями, т. е. с политикой, другими сферами, где проявляется социальная активность, что характерно главным образом для мужчин.

Так обстоит дело с реализацией признака мужской/женский в разных языках. При этом подразумевается, что общество отводит мужчинам и женщинам разные социальные роли. Однако эти роли с течением времени могут меняться, причем языковые изменения обычно отстают от изменения социальных ролей. Когда социальные роли или общественные стереотипы приходят в противоречие с языковыми нормами, люди начинают *сознательно* ломать языковые формулы, ориентирующие человека на стереотипы, основанные на гендерной дифференциации и дискриминации по признаку пола. Отсюда «изгнание» фактически десемантизованного суффикса *-man* в словах наподобие chairman «председатель» и snowman «снеговик» и превращение этих слов соответственно в chair person и snow person; отсюда принятые в сегодняшней письменной норме английского языка «сложные местоимения» в случаях типа «When a child acquires a language, *he/she* (вариант: *s/he*) first learns only one variety of it» (*букв.* 'Когда ребенок осваивает язык, он/она вначале выучивает только один его вариант') — или даже употребление в подобных случаях местоимения *she*. Нередко, однако, такое «уравнивание прав» оказывается невозможным по чисто лингвистическим причинам. Так, для русского языка характерно «согласование по форме»,

поэтому нейтральный способ обозначения (наподобие приведенного выше примера) и тем более употребление местоимения женского рода оказываются не просто неуклюжими, но и грамматически неправильными.

Итак, мужчины и женщины говорят по-разному, и эти варианты не зависят от ситуации: почти не существует «женских ситуаций» и «мужских ситуаций», когда один и тот же человек выбирал бы тот или иной вариант по своему желанию. Женщина говорит иначе, чем мужчина, и слушающий умеет отличать речь женщин от речи мужчин не только по тембру голоса. Это становится особенно заметно, когда правила нарушаются (ср. типичные персонажи комедийных фильмов — мужчин, говорящих «по-женски», и наоборот).

Анализ функционирования различных языков указывает на то, что женщины в своей речевой практике, как правило, более консервативны, чем мужчины: обычно все инновации попадают в язык через мужскую речь. Как следствие, женские формы по происхождению обычно более старые, чем мужские: языковые изменения происходят прежде всего в речи мужчин. Так, в чукотском языке в некоторых диалектах интервокальные согласные сохраняются в речи женщин, но регулярно выпадают в речи мужчин: мужской вариант — анк'аат, — женский вариант — анк'анат 'эти'.

Изучение гендерных различий в речи — бурно развивающаяся область количественных исследований в социолингвистике, хотя были и попытки отрицать то, что гендерные различия в речи могут рассматриваться как объективные социальные переменные. Некоторые исследователи отстаивают точку зрения, согласно которой людей нельзя рассматривать как речевые прототипы их половой группы и следует скорее говорить не о женской и мужской речи, а о *степени «женскости»* и *степени «мужескости»* в речи индивида.

Социолингвистическое исследование предполагает работу с социально-демографическими категориями, однако к самим этим категориям следует относиться с осторожно-

стью. Социально-демографические категории могут легко оказаться мифом, предрассудком или ошибкой, поэтому использовать некритически даже такие, казалось бы, очевидные категории, как пол, не следует. Как раз наоборот: исследования должны быть направлены *на сам процесс конструирования этих категорий*: эти категории постоянно *конструируются*, создаются и воссоздаются и самими членами группы, и теми, кто находится вне ее, причем создаются во многом именно в процессе речевого взаимодействия (Coupland et al. 1991: 54–55).

ЯЗЫК И ВОЗРАСТ

Для любого носителя языка очевидно, что пожилые люди говорят иначе, чем молодые. Е. Д. Поливанов упоминает употребление на письме (не в устной речи!) *ея* в родительном падеже в отличие от *её* в винительном (в 1920-е годы) именно как признак «старого» языка, т. е. языка уходящего поколения, в отличие от речи молодежи. Он же пишет о «новом» послереволюционном языке: «Не что иное, как именно словарь, делает язык нынешнего молодого (комсомольского) поколения языком непонятным для обывателя с языковым мышлением 1913 года» (Поливанов 1968: 229) — и выписывает полстраницы таких слов и выражений из книги А. М. Селищева (Там же: 206). Характеризуя «комсомольский язык» 1920-х годов, Поливанов пишет о нем, как о *другом языке* по сравнению с предвоенным, и добавляет, что, не будь революции, *таких* громадных изменений мы бы не наблюдали (Там же: 207)[7].

Однако можно ли называть эти различия возрастными? Язык меняется постоянно (хотя его изменения в эпоху бурных социальных изменений, конечно же, более замет-

[7] О сохранении этого «старого» языка в речи эмигрантов см.: Грановская 1995; Земская 2001.

ны), и каждое следующее поколение, получая от родителей язык в одной форме, передает его своим детям несколько (или значительно, как в эпохи ломки) измененным — что и составляет процесс языкового изменения и развития. Эти изменения в языке можно определить как *поколенческие*.

Поколенческие различия существуют всегда. В нормально развивающемся языке, опирающемся на язык трех поколений, «стандарт» определяется с ориентацией на среднее поколение: именно оно является носителем того варианта языка, который в данном обществе принимается за норму. В речи молодого поколения всегда больше инноваций, в речи старшего — больше слов, выходящих из употребления. В периоды резких социальных изменений норма смещается. В эпоху революций начала XX века в русском языке происходили, видимо, два противоположных процесса: в Советской России норма ориентировалась на инновационный язык молодых, в эмиграции — на консервативный язык старшего поколения (см.: Грановская 1995).

Довольно много работ посвящено исследованию «молодежного жаргона». Выделяют несколько разновидностей молодежного жаргона: школьный, рабочий, студенческий. В статье «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» Л. П. Крысин пишет, что лингвистическая сущность всех этих разновидностей одна и та же: игра со словом и в слово, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения (Крысин 1989а: 76). Люди, владеющие молодежным жаргоном, двуязычны: в своей среде они пользуются жаргонными средствами, в общении с «посторонними», в официальных и нейтральных ситуациях переходят на стандартный язык. Далее Л. П. Крысин отмечает, что появление молодежного жаргона не вызвано особой необходимостью: все понятия можно выразить и средствами стандартного языка, и молодежный жаргон имеет, следовательно, лишь экспрессивную функцию. Это утверждение нуждается в коммен-

тарии. Ведь и экспрессивных средств в стандартном языке более чем достаточно — зачем же вводить дополнительные жаргонные средства? Создатели и пользователи жаргона расширяют и развивают другую языковую функцию — функцию (само)идентификации, конструируют языковые границы, которые помогают им поддерживать свое самосознание как членов отдельной группы.

Итак, речь людей зависит от возраста: язык старшего поколения более консервативен, в речи пожилых людей больше слов, выходящих из употребления, грамматические и лексические инновации свойственны детям и молодежи, стандарт — людям среднего возраста.

Однако характеристики речевых практик людей разных возрастных групп не исчерпываются описанными выше поколенческими различиями. Так, в современной европейской культуре пожилым свойственна речь более спокойная и степенная, чем молодым. То же верно для инноваций: в каждом поколении инновации свои, свойственные данному поколению, однако тот факт, что в речи молодых инноваций всегда больше, не зависит от года рождения. В речи каждого следующего молодого поколения есть неологизмы, свойственные речи определенных возрастных групп. Для речи конкретного поколения характерны свои неологизмы. В периоды коренной ломки социальной и политической структуры (например, в 1920-е, 1990-е годы) таких неологизмов, естественно, больше, в спокойные периоды — меньше, но они есть всегда, и всегда — в речи молодых.

Такие различия в речи молодых и пожилых, которые не сводятся к поколенческим, можно определить как *возрастные*.

Основное внимание в социолингвистических исследованиях последних десятилетий, в которых вообще упоминался возраст, уделялось речи детей. Эта проблематика лежит на стыке социолингвистики и психолингвистики и, строго говоря, не входит в область наших интересов (см.: Лепская 1994; Цейтлин 2000). Один из пионеров этих исследований — Р. О. Якобсон обратил внимание на то, что

процесс становления речи ребенка в онтогенезе и процесс утраты речи при афазии подчиняются одним и тем же законам: чем раньше усвоено, тем лучше сохраняется, и наоборот. Это позволило Р. О. Якобсону высказать идею, что язык необходимо изучать во всех его живых проявлениях: язык в действии, язык в становлении и язык в состоянии распада (Jakobson 1955; Jakobson 1962; Якобсон 1972)[8].

Исследователей детской речи интересуют следующие проблемы. Прежде всего, это *онтогенез языковой компетенции* (competence), т. е. модели освоения ребенком умений, связанных с овладением социальными правилами коммуникации. Овладение правилами коммуникации вообще и социальными правилами в частности происходит в игре. Игра, обычно между ребенком и матерью, — это основная область взаимодействия в раннем возрасте. «Следствием игры является привлечение внимания ребенка к самому общению как таковому и к структуре актов, в которых общение протекает» (Брунер 1984: 35). Осваивая язык, дети одновременно узнают формы предложений (грамматику), слова и социальные правила употребления этих слов. Примерно с двух лет ребенок обнаруживает, что он *говорит*, и начинает задумываться, как говорит он и как говорят другие. Социальные аспекты языка начинают формироваться примерно с 12 лет.

Другой важной (и тесно связанной с первой) проблемой является исследование *процессов социализации*: процесс освоения ребенком социальных правил общения, речевого этикета (ср.: Schieffelin, Ochs 1986; материал русского языка см.: Наумова 1975; Багичева 1990), а также усвоение языка в условиях многоязычия.

Еще одна проблема — изучение особого регистра, на котором взрослые говорят с маленькими детьми, так называемый регистр общения с детьми (baby-talk) (прежде всего см.: Фергюсон 1975; Ferguson 1978; анализ русского материала см.: Гаврилова 2002).

[8] См. также обзор, посвященный этой теме: Лепская 1994: 82–89.

Только в последние годы в социолингвистике возникла тенденция уделять все больше внимания языку пожилых (подробнее см.: Coupland et al. 1991). Одна из причин этого — общее старение населения в развитых странах. Так, на 1980 год в Великобритании 11.3 % населения было старше 65 лет; к 2030 году, по прогнозам демографов, эта цифра вырастет до 18.3 %, т. е. возраст примерно каждого пятого англичанина превысит пенсионный рубеж. Естественно, это повлечет за собой изменения в структуре семьи, общества и, следовательно, изменения в социальной коммуникации.

Несмотря на это, до недавнего времени пожилые по разным причинам оставались за пределами интересов социолингвистики. В той мере, в какой социолингвистика интересовалась этими проблемами, они рассматривались с двух теоретических позиций. Во-первых, с позиции *диахронической* (взгляд на изменения во времени — т. е. отношение к пожилым как к некоторой переходной группе, не стабильной и не самостоятельной) и, во-вторых, с позиции неизбежного *упадка* (decrement), разрушения речи пожилых. Другими словами, социолингвистика интересовалась речью пожилых главным образом постольку, поскольку в ней проявлялись различные возрастные *нарушения*. При этом речь пожилых почти не рассматривалась как вариант нормы: исследования возрастных речевых нарушений затемняли тот факт, что далеко не все возрастные характеристики связаны с этими нарушениями.

Обнаружив в речи пожилых стабильные речевые характеристики, можно обратиться к одной из трех интерпретаций. Во-первых, можно предположить, что для объяснения этих характеристик достаточно самого факта, что речь идет о пожилых людях. Это — обращение к *внутренним причинам*. Во-вторых, можно объяснять эти отличия тем, что речь пожилых, не изменяясь с течением их взрослой жизни, сохранила или почти сохранила предыдущее состояние языка. Это — *исторические причины*. Наконец, третий подход — *объяснения через среду* — применяется при исследованиях речи двуязычных пожилых людей для

объяснения того эмпирического факта, что многие билингвы с возрастом постепенно переходят обратно на свой первый язык.

В социолингвистической литературе языковые признаки нормального старения чаще всего описываются через оценку языковой компетенции; основное внимание уделяется тем аспектам языка, которые демонстрируют упадок речевых способностей пожилых людей. Исследователи стремятся показать, что пожилые люди теряют, утрачивают какие-то речевые способности и навыки, которые были им свойственны, когда они были моложе.

Одна группа исследований посвящена акустическим признакам голоса пожилых говорящих. Эти исследования показали, что «старый голос» легко отличается от «молодого». Голос человека старше 65 отличается от голоса человека младше 35 не только по манере произношения, например, гласных, но и по особым дополнительным шумам, которые возникают из-за возрастных нарушений работы речевого аппарата. Другие работы демонстрируют, что с возрастом люди утрачивают ряд умений — например способность воспринимать или завершать высказывания, в особенности со сложной структурой. Эта утрата происходит постепенно, линейно и становится заметной к 70 годам. Для группы, которая в англоязычной литературе называется old old (возраст свыше 77 лет, в отличие от young old — возраст от 64 до 76 лет), зафиксировано заметное снижение способности к пониманию, воспроизводству и запоминанию речи. При этом грамматика языка сохраняется у пожилых людей практически полностью.

Подобные исследования проводить достаточно сложно, и прежде всего потому, что не всегда ясно, что именно мы измеряем — языковые способности или индивидуальные медико-психологические особенности.

> Исследования возможного воздействия возраста на способность коммуникации исключительно сложны, поскольку эти воздействия, когда они есть, обычно трудно различимы и бóльшая часть результатов подвергается воздействию со стороны

индивидуальных характеристик испытуемого: его развитости, уровня образования, биографии, мотивации, состояния органов чувств, умственного состояния и самочувствия. Мало кто из исследователей смог удержать под контролем все эти переменные так, чтобы результаты были убедительны (Bayles, Kaszniak 1987, — цит. по: Coupland et al. 1991: 11).

Кроме того, даже если перед нами «нормальный» (т. е. здоровый) пожилой человек, то и здесь многие эксперименты, доказывающие, что в его речи есть возрастные нарушения нормы, опираются при этом на норму, установленную по речи среднего поколения. Этот подход в литературе называют «дефицитным» (Там же: 1–24): он заведомо предполагает, что упадок и разрушение речи в пожилом возрасте — норма; однако это следствие самого исходного теоретического постулата, а не экспериментов.

Еще одна распространенная модель описания особенностей речи пожилых — это «второе детство». Согласно этому подходу, речь пожилых чем дальше, тем больше сближается с детской речью. В полном соответствии с идеями Р. О. Якобсона, первыми утрачиваются те сложные синтаксические структуры, которые ребенок когда-то усвоил последними. Эта модель также лежит в пределах распространенного в обществе стереотипа, согласно которому пожилые люди и дети «чем-то похожи».

«Дефицитный» подход к проблеме может оказаться одним из проявлений культурного предубеждения (стереотипа).

Еще один подход к исследованию возрастных речевых особенностей — так называемый вторичный регистр общения с детьми (secondary baby-talk) — т. е. речь молодых и людей средних лет, обращенная к пожилым. Исследовалась речь медицинского персонала в доме для престарелых, обращенная друг к другу и к пожилым обитателям дома. Выяснилось, что в разговоре с пожилыми персонал использует больше вопросов и повторений, говорит гораздо более короткими фразами и, следовательно, пользуется более простым синтаксисом. Речь молодых, обращенная к пожи-

лым, по некоторым характеристикам неотличима от речи взрослых, обращенной к детям, и демонстрирует использование определенного регистра речи, направленного на упрощение коммуникации. Другими словами, особенности речи зависят не только от возраста говорящего, но и от возраста слушающего: с детьми или с пожилыми говорят иначе, чем с «обычными взрослыми».

Возрастные характеристики речи сегодня только начинают изучать. Работ мало, и это преимущественно описания конкретных экспериментов; теоретических или обзорных работ почти нет, поскольку неясны многие вопросы методики исследования.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Бок Ф. К. Структура общества и структура языка // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 382–396.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. М., 1990. С. 224–240.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989. С. 76–79 (Разд. «Молодежный жаргон»).

Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 96–181.

Макдэвид-мл. Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе // Там же. С. 363–381.

Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, Society, and the Elderly: Discourse, Identity, and Aging. Oxford UK: Cambridge USA: Blackwell, 1991. P. 1–24.

Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. P. 172–176.

Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1995. P. 62–83.

Дополнительная литература

Брунер Дж. С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей. М., 1984. С. 21–49.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Крейдлин Г. Е. Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd 37. S. 207–218.

Лепская Н. И. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 82–89.

Наумова Т. Н. Роль языка в процессе социализации ребенка // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 125–130.

Foley W. A. Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Blackwell, 1997. P. 286–306 (Ch. 15. Language and Gender), 345–358 (Ch. 17. Language Socialization).

Romaine S. Communicating Gender. Mahwah, NJ: London: Lawrence Erlbaum, 1999.

Wolfram W., Fasold R. Field Methods in the Study of Social Dialects // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 89–115.

Глава 3
ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКУ. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ВЫБОР ЯЗЫКА

В этой главе обсуждаются две важные темы социальной лингвистики — проблематика отношения к языку и проблематика языкового выбора; кроме того, описываются некоторые из наиболее известных методик изучения этих явлений. Обе темы выросли в американской социолингвистике из исследований по социальной психологии; многие методы и методики были напрямую перенесены оттуда же. Этот раздел социолингвистики — наиболее социально-психологический.

ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКУ

В социальной психологии существует два основных методологических подхода: ментализм и бихевиоризм[1]. С точки зрения **бихевиоризма**, любое (не только языковое) отношение есть нечто, *непосредственно содержащееся* в тех реакциях, которые проявляют люди в социальных ситуациях. Сторонники бихевиоризма утверждают, что психология должна изучать поведение, а не сознание, которое в принципе невозможно наблюдать.

[1] *Бихевиоризм* (behaviourism) — направление психологии и позитивистской социологии, получившее широкое распространение в 1920-е годы в США, сторонники которого считали предметом изучения психологии не сознание, а поведение, рассматриваемое как совокупность реакций на воздействие внешней среды. *Ментализм* (mentalism) — направление в американской (социальной) психологии, сторонники которого рассматривают человеческое поведение как обусловленное ментальными структурами — своеобразным фильтром, лежащим между внешним стимулом и поведенческой реакцией.

С точки зрения **ментализма**, отношение есть состояние готовности, *промежуточная* переменная между стимулом, воздействующим на индивида, и его реакцией. Типичное для этой теории определение отношения дает Ф. Вильямс (Williams 1974: 21):

> *Отношение* — это внутреннее состояние, которое активизируется некоторым внешним стимулом и определяет внешнюю реакцию организма.

Упрощая, можно сказать, что отличие бихевиористского подхода от менталистского состоит в непризнании первым промежуточной ступени между стимулом и реакцией.

Предметная область социолингвистики, изучающая *отношение к языку*, разделяется на два направления. Некоторые исследователи понимают отношение к языку буквально: испытуемого спрашивают, кажется ли ему данный язык красивым или уродливым, богатым или бедным, сладкозвучным или грубым. Однако чаще отношение к языку понимается шире: сюда включают прежде всего *отношение к говорящему* на этом языке. Отношение к языку (и к говорящим на нем) обычно социально обусловлено. Поскольку существуют социальные диалекты, социальные различия, которые легко обнаруживаются в речи, то возникает вопрос о восприятии этих различий и об отношении людей друг к другу через эти различия.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКУ

ПРЯМЫЕ И НЕПРЯМЫЕ МЕТОДИКИ

Методики сбора данных можно разделить на прямые и непрямые. **Прямые** методики — это фактически простые вопросы (в форме анкеты), имеющие целью выяснить мнение о каком-либо языке или о говорящих на нем. **Непрямые** методики позволяют получать нужную информацию таким образом, чтобы испытуемый не понял, о чем его спрашивали.

Хороший пример использования непрямой методики — исследование Р. Купера и Дж. Фишмана (Cooper, Fishman 1974). Проверялась гипотеза, касающаяся отношения к ивриту и арабскому у мусульман в Израиле, а именно, что иврит воспринимается арабами как более «подходящий» для формулирования рациональных, «научных» аргументов, а арабский — как более подходящий для эмоциональных, традиционных, «религиозных» доводов. Для проверки была подобрана группа двуязычных мусульман, одинаково свободно говоривших по-арабски и на иврите. Эта группа была разделена на две части. Было подготовлено два текста: *текст А* на иврите — о вреде курения табака, построенный на научной аргументации; и *текст Б* на арабском — о вреде вина, построенный на аргументации, опиравшейся на религиозные ценности. Затем каждый текст был переведен на второй язык, начитан на пленку и предъявлен обеим группам следующим образом:

ГРУППА 1	Текст на иврите о вреде табака	Научная аргументация
	Текст по-арабски о вреде вина	Религиозная аргументация
ГРУППА 2	Текст на иврите о вреде вина	Религиозная аргументация
	Текст по-арабски о вреде табака	Научная аргументация

После прослушивания текстов испытуемым был задан вопрос: «Станете ли Вы поддерживать повышение налога на табак или на вино, чтобы снизить их потребление?»

Разница в ответах показательна: те, кто слушал «научный» текст на иврите, давали положительный ответ («Да, поддержали бы») вдвое чаще, чем те, кто слушал его же по-арабски. Напротив, те, кто слушал «религиозный» текст по-арабски, давали положительный ответ вдвое чаще, чем те, кто слышал тот же текст на иврите. Исходная гипотеза, таким образом, получила подтверждение, но испытуемые

не знали, что исследуется их отношение к языку: они были отвлечены проблемой налогообложения.

Методы получения данных об отношении к языку (и другие социолингвистические методы) можно классифицировать как по типу собираемых данных, так и по способу их получения. По типу интересующих исследователя сведений выделяются количественные и качественные методики; по способу сбора — вопросники, интервью, наблюдения и экспериментальные методики.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ

Количественные методы анализа — это совокупность приемов и процедур, направленных на получение цифровых данных, допускающих математическую обработку (как статистическую, так и нестатистическую). С помощью количественных методов могут обрабатываться как экспериментальные данные, так и сведения, получаемые прежде всего в результате заполнения вопросников, а также материалы интервью и даже результаты наблюдений. Типичной количественной методикой является описанная выше обработка результатов экспериментов с использованием семантического дифференциала.

Количественные методы анализа, распространенные в социолингвистике в 1960–1970-е годы, сегодня уступают место **качественным**. Здесь акцент делается не на цифровых данных, а на анализе содержания высказываний респондентов, индивидуальном опыте исследователя, наблюдениях. Примером качественного метода может служить метод лингвистической биографии: дву- или многоязычных информантов расспрашивают о том, как, от кого, в каком возрасте они освоили тот или иной язык, выясняют области, в которых эти языки используются, исследуют их отношение к разным языкам.

Примером качественного исследования, целиком посвященного именно отношению к языку и базирующегося на интервью и наблюдениях, может служить работа Б. Уолда (Wald 1985), в которой изучалось воздействие стандартизации суахили на фактор «отношение к языку» среди группы суахили-говорящих жителей города Момбаса (Кения).

Момбаса — большой портовый город, с пестрым и многоязычным населением. Каждая из многочисленных языковых групп живет компактно; здесь, как и вообще в Восточной Африке, национальность устойчиво ассоциируется с языком. Эта разноязыкая, многонациональная масса «склеена» с помощью суахили. Суахили — не родной язык для большинства групп: каждая из них двуязычна, говорит на собственном родном языке и на суахили. Среди этих этнических групп есть одна, для которой суахили — родной. Эту группу автор называет «момбаса суахили».

Говорящие на «момбаса суахили» не отождествляют стандартный суахили и «момбаса суахили». Для них «внешний» суахили — язык средств массовой информации и школы; многие считают его искусственным языком. «Внутренним» суахили гордятся, подчеркивают его особость, непохожесть на «внешний», притом что его реальные отличия от стандартного языка невелики. По словам одного из информантов, «"внешний" суахили — язык, который все понимают, но только настоящие суахили знают "внутренний" суахили». Этот «внутренний» суахили как бы специально, намеренно, искусственно выделен из стандартного суахили, немногочисленные его отличия (автостереотипы)[2] осознаются и подчеркиваются.

Отношение к вопросу о языке суахили и о национальности суахили очень эмоционально. С одной стороны, стандартный суахили воспринимается как средство и символ

[2] *Автостереотипы* — слова, наиболее часто используемые говорящими как примеры при объяснении отличия своего варианта от других, например: «мы» (петербуржцы) говорим *карточка*, а «они» (москвичи) *проездной*; или «мы» (монреальцы) говорим *joual* [žwal], а «они» (французы) — *cheval* [š(e)val].

экономического успеха. С другой стороны, «внутренний» суахили — это символ местного самосознания, средство общего самосознания всех членов общности. «Внутренний» суахили, кроме того, — язык поэзии.

Исследования такого типа отличает одна важная черта: обилие цитат из интервью, большое количество подробных описаний наблюдаемых ситуаций языкового общения. Авторы стараются по возможности дать читателю взглянуть на описываемую ситуацию «своими глазами», как бы без участия автора-посредника, и в то же время стремятся «дать слово» тем, кого они изучают.

Хотя ни один из методов не дает идеального результата, каждый из них имеет свои достоинства, и при помощи *сочетания* этих методов исследователь может попытаться решить поставленную задачу.

ВОПРОСНИКИ, ИНТЕРВЬЮ, НАБЛЮДЕНИЯ

Вопросники делятся на открытые и закрытые. *Открытые* вопросники содержат вопросы типа: «Опишите Ваше отношение к данному говорящему». Такие вопросники дают респонденту максимум свободы, но тем самым позволяют ему отклоняться от темы и трудны для оценки, обработки и сравнения. *Закрытые* вопросники включают, кроме вопросов типа «семантического дифференциала», еще и вопросы «да—нет», вопросы с множественным выбором и вопросы-схемы по рангу. Эти вопросники легче обрабатывать, на них легче отвечать, но они вынуждают респондентов реагировать в заранее заданных терминах, в заранее навязанном «языке», который целиком определяется исследователем. Оптимальный вариант — провести предварительное исследование по открытому вопроснику, а затем на основе его результатов составить закрытый, используя язык ответов на открытые вопросы.

Интервью. То же, что открытый вопросник, но без письменных вопросов и письменных ответов. Исследова-

тель задает вопросы и записывает ответы, ведет разговор, направляя его и не давая респонденту отклоняться от темы. Основной недостаток — одно интервью занимает столько же времени, сколько заполнение вопросника 50–100 информантами. Основное достоинство — живой разговор, сочетающий плюсы открытых и закрытых вопросников: очень часто в ходе интервью всплывают новые темы, термины, идеи, интересные формулировки, которые не приходили исследователю в голову. Интервью дает наибольший простор интуиции и таланту исследователя.

Наблюдение. Этот метод позволяет собрать наиболее точные данные; исследователь просто наблюдает языковое поведение людей. Основные недостатки метода заключаются в том, что наблюдение занимает значительное время и, как следствие, он очень дорог. В то же время наблюдение — единственный более или менее надежный способ получения информации о языковом поведении людей.

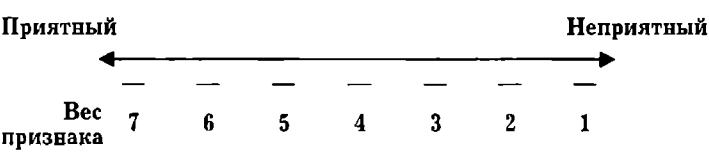
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ: МЕТОДИКА «ПАРНЫХ МАСОК»

В описанном выше эксперименте Р. Купера и Дж. Фишмана (см. разд. «Прямые и непрямые методики») использована одна из модификаций непрямой методики *«парных масок»* (приблизительный перевод английского названия методики «matched guise»). Это — один из самых популярных методов, разработанных в 1960-е годы У. Ламбертом (см.: Lambert et al. 1968) на базе работ 1950-х годов американского психолога Ч. Осгуда.

Методика состоит в следующем. Записывается несколько (от одного до четырех) двуязычных людей, читающих один и тот же текст сначала на одном языке (*L1*), потом на другом (*L2*). Записанные отрывки компонуются на пленке так, чтобы казалось, что их читали разные люди: диктор *А* — *L1*, диктор *Б* — *L2*, диктор *В* — *L2*, диктор *А* — *L2*, диктор *Б* — *L1* и т. п., — т. е. чтобы слушатели думали, что каж-

дый следующий — новый диктор. Затем данная последовательность звучащих отрывков предъявляется группе двуязычных слушателей, которых просят оценить дикторов по разным признакам: образованность, социальный статус, доброта, приятность и т. п. Если один и тот же диктор в разных «масках» (guises) оценивается по-разному, то предполагается, что причина этого — в разных языках и в отношении к ним. Признаки «характеристика голоса», «содержание текста» и т. д. не принимаются во внимание, так как это тот же голос и тот же текст, хотя и на другом языке.

Оценка результатов опыта обычно производится по семибалльной шкале (шкала семантического дифференциала) типа:



Число ответов (число раз, когда респондент пометил какую-либо точку шкалы) умножается на номер точки (от 7 до 1); далее выводится общая сумма этих произведений, которая делится на число респондентов. Полученный коэффициент — средняя оценка респондентами данного диктора по данному признаку (см. также: Osgood 1953).

Оценку языка обычно проводят по разным параметрам, которые объединяются в две большие группы: статусные оценки и аффективные оценки (их называют соответственно «шкалой статуса» и «шкалой солидарности»). Под *статусными* оценками понимаются оценки по критериям престижности, степени образованности, степени общественного успеха, общественному и карьерному положению и т. п. Под *аффективными* — оценки по параметрам типа «приятный/неприятный», «добрый/злой», «надежный/ненадежный» и др.

Методика «парных масок» очень популярна в американской социолингвистике; она применялась многими ис-

следователями для изучения самых разных аспектов отношения к языку. В ходе работы были выявлены некоторые особенности и «подводные камни», основными из которых являются следующие.

1) Классический вариант методики предполагает, что на обоих языках читается один и тот же текст. Однако это может привести к тому, что дикторов будут оценивать не как говорящих, а как хороших или плохих *чтецов*. Поэтому в некоторых экспериментах используются не письменные тексты, а запись умело направляемого разговора на фиксированную тему.

2) Возможна несогласованность между темой разговора (темой текста) и языком, на котором этот текст (разговор) происходит. Так, если в диглоссном коллективе одна из «масок» оказывается «низкой», а вторая — «высокой», то может оказаться, что тема, подходящая для *L1*, не подходит для *L2*. Тогда респонденты могут низко оценить одну из «масок» не потому, что плохо относятся к *L1*, а потому, что считают, что на *L1* нельзя говорить на данную тему (Kimple 1968).

3) Еще одна опасность, связанная с этой методикой, — ее некоторая искусственность. Когда мы просим респондентов оценить людей только по голосу, мы создаем ситуацию, достаточно далекую от реальной жизни. Поскольку методика предполагает, что каждый записанный образец речи идентичен другим по содержанию, есть опасность, что респондент заскучает от постоянных повторений и начнет обращать преувеличенное внимание на различия голосов.

ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОПИСАННЫХ МЕТОДИК

Изучение отношения к языку само по себе поучительно, но его ценность заключается главным образом в том, что оно многое дает исследователю для понимания социальной роли языка в разных областях.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГРУППЫ (GROUP IDENTITY)

Язык имеет функции обслуживания контрастивной самоидентификации группы (*contrastive identity*), необходимой для любой социальной, социокультурной, этнической группы. Именно «общий язык», общие разговорные стратегии создают ощущение удовлетворения: возникает чувство, что собеседники принадлежат к одному кругу (Tannen 1982: 215–231; о том же писал еще в 1930-е годы Э. Сепир (см.: Сепир 1993б: 232). Казалось бы, язык, лучше выполняющий указанные функции, должен оцениваться группой высоко. Однако если для группы характерно наличие диглоссии, то нередки ситуации, когда «высокий» вариант считается «лучше», более чистым и правильным, притом что функцию самоидентификации в большей степени выполняет как раз «низкий» вариант. То есть, парадоксальным образом, основной инструмент, языковой символ самоидентификации оценивается говорящими достаточно низко.

Можно предположить, что в эксперименте по методике «парных масок» в случае, когда респондентам будет предложено оценить говорящего на «родном» языке, оценки по этим двум шкалам разойдутся и мы получим примерно такие результаты: «низкая маска» (guise) будет оценена *ниже* по «статусной» шкале, но она же будет оценена *выше* по «аффективным» параметрам.

Исследователи, которые проверяли эту гипотезу, получили неожиданный результат. Изучая отношение к канадскому варианту французского языка по сравнению с европейским французским (d'Anglejan, Tucker 1973: 22), они обнаружили, что речь европейских французов не только воспринимается как более образованная, более «высокая» (это ожидалось), но и *нравится* канадским французам больше, чем канадский вариант. То же оказалось верным и для англо-американцев и мексикано-американцев (Carranza, Ryan 1975: 99): английский язык оценивался выше

испанского и теми и другими как по «шкале статуса», так и по «шкале солидарности», что в случае мексикано-американцев стало неожиданностью. Для английского языка американских «черных» наблюдалась аналогичная ситуация: стандартный «белый» вариант оценивался ими выше родного по *обоим* параметрам (El-Dash, Tucker 1975: 46). Такая же картина была получена и при исследовании отношения к трем языкам: английскому, африкаанс и ксоза (Xhosa) в ЮАР (deKlerk, Bosch 1995: 17–37).

ИЗУЧЕНИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ (ДИГЛОССИИ)

Отношение к языку исследуется и в связи с двуязычием. Был проведен интересный эксперимент по изучению отношения к английскому и испанскому в двуязычной среде (Carranza, Ryan 1975).

Были записаны четыре текста:

а) рассказ о маме, готовящей завтрак на кухне, — по-испански;
б) то же — по-английски;
в) рассказ об учительнице, ведущей урок в школе, — по-английски;
г) то же — по-испански.

Предъявленная для прослушивания пленка содержала четыре прочтения каждого из четырех текстов четырьмя разными дикторами — носителями соответствующего языка; всего, таким образом, 16 прочтений.

Испытуемые — англо-американцы и мексиканцы-американцы. Англо-американцы — носители английского языка как родного, изучавшие испанский в школе. Мексиканцы-американцы — носители испанского как родного, изучавшие и использовавшие английский в учебе. Собственно, испытуемыми были лишь мексиканцы-американцы, поскольку только они являлись диглоссной группой; англо-американцы были контрольной группой.

Проверялись следующие гипотезы:

1) Мексиканцы-американцы дадут более высокий рейтинг испанскому — дома и английскому — в школе.
2) Англо-американцы дадут более высокий рейтинг для английского и в том и в другом случаях.
3) Мексиканцы-американцы дадут более высокий рейтинг испанскому по «шкале солидарности», английскому — по «шкале статуса».
4) Рейтинги, который дадут англо-американцы, не будут различаться по этим двум шкалам.

Для обсчета были взяты четыре фактора: *группа* (англо-американцы и мексиканцы-американцы), *язык* (английский и испанский), *контекст* (дом или школа) и тип *шкалы* («статусная» и «солидарная»).

Результаты, полученные по фактору «*группа*», не дали значимых отклонений: англо-американцы и мексиканцы-американцы реагировали в целом одинаково. Такой вывод был неожиданным, однако его удается объяснить тем, что в ходе эксперимента первые просто встали на точку зрения вторых. Это вполне вероятно, поскольку многие англо-американцы, видимо, понимали, что сравнение испанского и английского языков для них не существенно, так как у них дома испанский не мог звучать. Единственная возможность для них придать процедуре хоть какой-то смысл — встать на точку зрения своих друзей-мексиканцев и оценивать ситуацию как бы их глазами.

Среднее значение суммы всех оценок по фактору «*язык*» для английского — 4.77, для испанского — 4.62. Интересно, что этот результат очень близок для обеих групп, что типично для диглоссии: английский язык — «высокий» вариант.

Наиболее яркий (и в этом эксперименте, видимо, единственный ожидаемый) результат — значимая разница в оценках для пар «*язык—контекст*» и «*язык—тип шкалы*». Испытуемые явно осознавали различия между двумя языками в разных контекстах и в меньшей степени — для разных типов шкал.

Язык	Среднее значение суммы всех оценок по фактору			
	«контекст»		«тип шкалы»	
	Дом	Школа	«Солидарность»	«Статус»
Английский	4.60	4.94	4.82	4.72
Испанский	4.73	4.51	4.77	4.47
Разница	−0.13	0.43	0.05	0.25

Таким образом, этот эксперимент достаточно надежно подтверждает наличие диглоссии. Очень важный параметр здесь — контекст: если бы контекст не учитывался, то эксперимент показал бы всеобщее предпочтение английского языка, т. е. дал бы неверный результат.

ОБРАЗОВАНИЕ

Социолингвистические исследования отношения к языку многое дают для понимания социальных процессов и скрытых потенций социальных групп; однако не менее важны результаты этих исследований для изучения проблем образования. Известны два основных типа подобных исследований.

1) Отношение учителей к языку учащихся — т. е. отношение учителей к ученикам через язык последних.
2) Отношение к языку, демонстрируемое изучающими второй язык.

Цель исследований второго типа состоит в том, чтобы выяснить, как влияет отношение к изучаемому второму языку на процесс его изучения, на прогресс учащихся. В настоящем учебнике данная тема не рассматривается (подробно об этом см.: Lambert et al. 1968), а обсуждаются лишь результаты экспериментов первого типа, т. е. экспериментов, посвященных отношению учителей к учащимся на основе речи последних. Классическими в этой области считаются ра-

боты Ф. Вильямса (см.: Williams 1974; Williams et al. 1976) — автора специально разработанной методики семантических дифференциалов.

Эта методика основывается на рассмотренной выше методике «парных масок», однако она разработана гораздо тщательнее. Основное внимание Ф. Вильямс уделял самой процедуре разработки семантических дифференциалов. Она включает четыре этапа.

1) *Предварительная стадия.* Группа учителей слушает записи и оценивает говорящих по открытому вопроснику: их просят «своими словами» описать говорящих.
2) Из этих описаний выбираются различные *прилагательные* и из них формируются примерные шкалы.
3) Эти предварительные шкалы *проверяются* на другой группе для оценки образцов речи.
4) Результаты *обрабатываются* с помощью факторного анализа[3], чтобы определить, во всех ли шкалах с одинаковой четкостью отразились наиболее существенные признаки.

В результате анализа выяснилось, что некоторые пары параметров тесно связанны между собой. Так, учителя, оценивавшие предъявленные им образцы речи парами прилагательных «неуверенный в себе — уверенный в себе», «активный — пассивный», «робкий — целеустремленный», «говорливый — молчаливый», в действительности имели в виду примерно *одну и ту же пару признаков*, только называли ее по-разному. Эта пара признаков, названная в работах Вильямса «уверенность/целеустремленность» (confidence/eagerness) (соответственно НЕуверенность/НЕцелеустремленность), — одна из двух групп признаков. Вторая пара признаков — «этничность/НЕстандартность» (ethnicity/nonstandardness) (соответственно НЕэтничность/

[3] *Факторный анализ* — математическая процедура, позволяющая оценить, в какой мере различные факторы, по которым производится оценка, зависимы или не зависимы друг от друга.

стандартность). Обе шкалы позволяют с достаточной степенью точности выявить отношение учителей к социальному статусу детей и к их этничности по предъявленным образцам речи. Так, например, большое количество [d] вместо [th] в речи автоматически «записывает» ребенка в сознании учителя в «этнического», а большое количество «мусора» в речи (whm... err... uhh...) — в неуверенного в себе.

Основным результатом исследования Вильямса стала, конечно, разработка *методики семантических дифференциалов* и превращение ее в надежный инструмент анализа. Однако значение его исследований этим не ограничивается: очень важны и результаты, полученные им в области изучения *роли стереотипов в оценке речи*. Эти стереотипы хорошо видны из следующего опыта: респондентам предложили оценить речевые свойства «черных», мексиканцев и «белых» детей *без образцов речи*, исходя из *предыдущего опыта* учителя по тем же двум шкалам («этничность» и «уверенность»). Результаты оказались довольно близки к тем, которые были получены при оценке реальных речевых образцов; иначе говоря, стереотипы играют значительную роль: ожидание учителей — услышать «черного» ребенка иначе, чем «белого».

По этой методике проводились разнообразные эксперименты, например исследование роли речевых признаков по сравнению с неречевыми (жестами, мимикой и т. п.) (см.: Agryle et al. 1972, — цит. по: Карасик 2002: 50–51).

ВЫБОР ЯЗЫКА

Дж. Фишман в своей знаменитой, вошедшей во все хрестоматии статье (Fishman 1965) приводит следующий пример. Два человека, брюссельские чиновники, говорят друг с другом по-французски в офисе, по-голландски в клубе и на родном фламандском диалекте — дома. Они же, если они, скажем, вместе ходили в школу, могут заговорить по-фламандски в коридоре своего министерства.

Тот факт, что два человека, обычно говорящие друг с другом на языке X, тем не менее переключаются на Y, когда обсуждают определенные темы, заставляет задуматься: от чего зависит *выбор языка*?

Выбор может осуществляться между разными типами вариантов: между разными языками или между вариантами одного языка. Кроме того, возможен выбор между использованием одного языка или обоих языков одновременно[4]. Человек может использовать два кода, чтобы подчеркнуть одну или другую выгодную для него в данный момент самоидентификацию, или использовать оба кода одновременно, чтобы подчеркнуть одновременно две самоидентификации. Так, двуязычные жители Найроби (Кения) используют переключение кодов «английский — суахили», чтобы одновременно продемонстрировать две самоидентификации: «африканец» и «образованный».

Существует несколько подходов к объяснению причин выбора того или иного языка в конкретной коммуникативной ситуации; обычно выделяют социологический, социально-психологический и антропологический подходы.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Социологический подход был предложен Дж. Фишманом, который ввел понятие «domain» (приблизительный перевод — *область, сфера, среда доминирования*; в современной русскоязычной литературе часто используется термин «домейн» или «домен»). *Домен* — это совокупность признаков, таких как место, тема и участники коммуникации, т. е. некоторый институциализованный контекст, в котором один язык (один языковой вариант) предпочтительнее, чем другой.

---

[4] Выбор языка связан с понятиями *переключение кодов* (code-swithcing) и *смешение кодов* (code-mixing) (об этом см., например: Гамперц 1972; Gumperz 1982: 59–99; Myers-Scotton 1993).

В одной из первых экспериментальных работ на эту тему (Greenfield 1970: 602–618) описан простой опыт: респондентам (нью-йоркским пуэрториканцам) задавались вопросы типа: «Представьте себе, что вы говорите с родителями о семейных делах. Где? (дома, на берегу, в церкви, в школе, на работе)»; «Представьте, что говорите с друзьями на берегу. О чем?». Оказалось, что респонденты в большинстве случаев (от 81 до 100 %) дают ожидаемый ответ, т. е. домены в сознании респондентов представляют определенную реальность. Далее респондентов попросили определить, на каком языке они говорили бы в каждой из этих ситуаций (1 — испанский, 2 — скорее испанский, 3 — испанский или английский, 4 — скорее английский, 5 — английский). Ответы были усреднены; результаты сведены в таблицу.

Компонент	Домен	
	«интимный» (семья, друзья)	«статусный» (религия, образование, работа)
Место и тема	3.27*	4.81
Человек и тема	2.60	4.27
Место и человек	2.64	4.38

* *Числа* — среднее значение суммы всех оценок; чем меньше число, тем ближе к испанскому.

Эксперимент показал преобладание испанского в «интимных» доменах. Иными словами, среди нью-йоркских пуэрториканцев существует диглоссия, в которой английский — «высокий» вариант языка, а испанский — «низкий».

Аналогичные исследования существуют и для других стран и других пар языков, но почти всегда один из этих языков — английский: французский и английский в Квебеке, испанский и английский в Майами, хинди и английский в Индии, валлийский и английский в Уэльсе.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сторонники этого подхода больше интересуются не крупными социальными категориями, а индивидуальными психологическими процессами (см.: Herman 1968; Giles, StClair 1979). Двуязычный говорящий в любой данный момент коммуникации находится на пересечении трех психологических ситуаций (мотиваций): *собственные потребности*, *непосредственная речевая ситуация* и *фоновая ситуация* (personal needs, immediate situation и background situation). В каждом акте коммуникации эти три требования могут заставлять говорящего выбирать тот или иной язык: 1) он сам может испытывать потребность говорить на языке, который знает лучше и в котором чувствует себя увереннее; 2) окружающие могут ожидать использование другого языка; 3) группа в более широкой социальной среде, непосредственно не участвующая в данной коммуникации, влияет на поведение говорящего (Herman 1968: 494–495). Так, «черный» американец в компании «белых» американцев в расовом отношении будет оставаться «черным», но своим языковым поведением он может либо подчеркнуть, либо затушевать свою этничность, свою ориентированность на ту или иную группу.

Эти три психологических требования перекрывают друг друга; в каждый данный момент верх может взять одна из мотиваций. На основе большого числа экспериментов и эмпирических данных (по языковому употреблению в Израиле) С. Герман выделяет некоторый набор обстоятельств, которые актуализируют ту или иную ситуацию, ту или иную мотивацию, влияющую на выбор языка.

Обстоятельства	Мотивация
1. Обстановка скорее частная, чем общественная. 2. Ситуация вызывает чувство незащищенности, высокого психологического напряжения, или фрустрации. 3. Ситуация затрагивает центральные, а не периферийные области личности.	Собственные потребности

Продолжение

Обстоятельства	Мотивация
1. Обстановка скорее общественная, чем частная. 2. Поведение в ситуации может быть интерпретировано как дающее ключ к групповой идентификации. 3. Человек, включенный в ситуацию, хотел бы быть отождествленным с какой-либо группой или быть отделенным от нее.	Фоновая ситуация
1. Человеку безразлична групповая идентификация. 2. Поведение имеет непосредственную конкретную цель. 3. Отношения характеризуются устоявшимися моделями поведения.	Непосредственная речевая ситуация

Таким образом, у каждого человека имеется как минимум три одновременно действующих критерия выбора, и то один, то другой оказывается главным в зависимости от различных причин.

В рамках другого подхода (Giles 1977) языковое поведение говорящего, выбор того или иного варианта рассматривается как реакция на собеседника. Этот выбор может быть результатом сознательной или неосознанной потребности в *конвергенции*, т. е. в уподоблении своей речи речи собеседника, или потребности в *дивергенции*, т. е. в расподоблении своей речи и речи собеседника. Это зависит, среди прочего, от того, желает ли говорящий подчеркнуть свою лояльность к группе, к которой принадлежит собеседник, или к группе, к которой принадлежит он сам.

Наиболее конвергентное поведение — использовать язык (вариант) слушающего и стараться произносить слова так, как это делает собеседник. Менее конвергентное поведение — пользоваться языком собеседника, но не следить за правильностью произношения, говорить «как умеешь». Еще менее конвергентное поведение — говорить с иноязычным собеседником на родном для себя языке, но медленно, «простыми словами». Крайняя степень дивергентного по-

ведения — говорить, совершенно не стараясь облегчить собеседнику понимание. Например, англоязычный канадец может говорить с франкоязычным канадцем по-французски, пытаясь произносить правильно; или по-французски, но с сильным английским акцентом; или по-английски, но при этом будет стараться говорить медленно, и т. п.

Иными словами, говорящий может стараться приспособить свое языковое поведение к потребностям слушающего, перейдя (или не перейдя) на другой язык, вставляя (или не вставляя) в свою речь слова или более крупные блоки из другого языка, используя (или не используя) самоперевод, замедляя (или не замедляя) речь, стараясь (или не стараясь) свести до минимума акцент, и т. д.[5]

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Если психолога интересуют реакции индивида на общественные структуры, а социолог пытается объяснить те же самые факты в терминах общества, то для антрополога основной интерес — это ценности социокультурной группы и культурные правила поведения, которые раскрывают эти ценности. Иначе говоря, для антрополога каждый акт языкового выбора представляется значимым как средство выражения — и постижения — ценностей данной культуры.

Антропологический подход, кроме того, отличается методикой исследования. Основная цель — изучить нормальное, неконтролируемое поведение; основной антропологический метод — *включенное наблюдение* (participant observation). Антрополог включается в жизнь общины, чтобы иметь возможность наблюдать жизнь и поведение людей в нормальных условиях.

В качестве примера рассмотрим классические работы С. Гэл (Gal 1978a; Gal 1978b; Gal 1979), которая исследовала

[5] Об особенностях речи, обращенной к иностранцам, на русском материале см.: Фёдорова 2002.

проблему выбора языка в австрийском городке Оберварт. В этом городке в ходу немецкий и венгерский: венгерский — «низкий» вариант, немецкий (государственный язык Австрии, язык школы и образованных классов) — «высокий». Венгерский ассоциируется с традиционными крестьянскими ценностями; немецкий символизирует городские, «общеавстрийские» ценности, привнесенные в этот регион после Второй мировой войны.

Для проблематики языкового выбора показательно языковое поведение человека по отношению к одноязычным собеседникам, что для Оберварта всегда означает немецкое одноязычие: все говорят по-немецки, при этом часть населения говорит еще и по-венгерски. Социальная норма — переключение двуязычных на немецкий в присутствии одноязычных. С. Гэл приводит две истории.

> Несколько одноязычных рабочих, приезжих, ремонтировали мостовую перед гостиницей. Настало время обеда; они вошли в кафе и сели за стол, где уже сидели четверо местных жителей и говорили по-венгерски. Вновь пришедшие с юмором, но настойчиво стали укорять их: «Что это вы там говорите? Мы живем в Австрии. Вы что, не умеете по-немецки говорить?» Местные двуязычные жители перешли на немецкий, причем сделали это совершенно естественно, не обижаясь и воспринимая требование соседей по столу как нечто само собой разумеющееся.

> Пожилая крестьянская пара пригласила одноязычного рабочего помочь заколоть свинью. Они провели вместе три или четыре часа, работали, затем обедали. Все это время пара говорила по-венгерски, за исключением нескольких немецких инструкций, обращенных прямо к рабочему. Это — не намеренное пренебрежение: крестьянская пара просто «оставляла за собой право» пользоваться родным языком в домашней обстановке. Для этой пожилой пары венгерский и немецкий были параллельными, сопоставленными языками, принадлежащими равноправным социальным группам.

Гэл предлагает две модели отношений между разноязычными группами: параллельные группы и группы, включенные одна в другую. Одноязычная (говорящая только по-

немецки) и двуязычная (говорящая по-немецки и по-венгерски) части населения могут воспринимать себя как параллельно существующие общности, параллельные социальные группы; в этом случае представители «низкой» (двуязычной) социальной группы значительно свободнее в выборе языка. Если в восприятии обеих групп члены социально «более низкой» группы имеют двойную языковую и этническую принадлежность (они члены «более низкой» группы и одновременно «граждане государства», т. е. члены социально «более высокой» группы), их свобода выбора языка ограничена составом собеседников: в присутствии одноязычных сограждан они переходят на немецкий язык.

В случае смешанных браков, по свидетельству Гэл, примерно половина одноязычных женщин вынуждена была выучить венгерский, так как в новой семье, кроме мужа, никто не говорил с ними по-немецки, хотя все умели говорить на государственном языке. Это не пренебрежение, не невежливость: для этих семей работала модель *параллельных* социальных групп. Любой, кто становился членом семьи, не мог оставаться «иностранцем». Молодая жена должна была стать членом группы мужа, а это предполагало владение венгерским языком. Остальные женщины, вышедшие замуж за говоривших по-венгерски мужчин, сумели найти в семье людей, согласных говорить с ними по-немецки, и им не пришлось переходить на венгерский. Интересно, что все женщины, не перешедшие на венгерский, вышли замуж либо *после* Второй мировой войны, либо за мужчин-некрестьян; а все, кто перешел после замужества на венгерский, устроили свою семейную жизнь либо *до* войны, либо стали женами мужчин-крестьян. Для двуязычных *горожан* и для двуязычных *молодых* людей явно более актуальна модель «включенных» социальных групп; для *крестьян* и *пожилых* — модель параллельных групп. На этом основании С. Гэл делает вывод об изменении культурной ситуации, о смене одной модели языкового взаимодействия на другую.

Ниже приводится одна из таблиц правил выбора между немецким и венгерским языками.

Возраст говорящего	Собеседник (тот, к кому обращаются)											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
14	В	НВ		Н	Н	Н	Н			Н		Н
15	В	НВ		Н	Н	Н	Н			Н		Н
25	В	НВ	НВ	НВ	Н	Н	Н	Н	Н	Н		Н
27	В	В		НВ	Н	Н	Н			Н		Н
17	В	В		В	НВ	Н	Н			Н		Н
13	В	В		НВ	НВ	НВ	НВ			Н		Н
43	В	В		НВ	НВ		Н	НВ	НВ	Н		Н
39	В	В		В	НВ	НВ	Н	Н	Н	Н		Н
23	В	В		В	НВ	В	Н		НВ	Н		Н
40	В	В		В	НВ		НВ	Н	Н	Н		Н
50	В	В		В	В	НВ	НВ	НВ	Н	Н	Н	Н
52	В	В	В	НВ	В		В	НВ	Н	Н	Н	Н
60	В	В	В	В	В	В	В	НВ	НВ	Н	Н	В
40	В	В	В	В	В	В	В	НВ	НВ	НВ		Н
35	В	В		В	В	В	В	В	НВ	В		Н
61	В	В		В	В	В	В	В	НВ	В		Н
50	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В		Н
66	В	В		В	В	В	В	В	В	В	НВ	Н
60	В	В		В	В	В	В	В	В	В	НВ	Н
53	В	В		В	В	В	В	В	НВ	В	НВ	Н
71	В	В		В	В	В	В	В	В	В	НВ	Н
54	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В		Н
69	В	В		В	В	В	В	В	В	В	НВ	Н
63	В	В		В	В	В	В	В	В	В	НВ	В
59	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В		В
60	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В		В
64	В	В		В	В	В	В	В	В	В	В	В
71	В	В		В	В	В	В	В	В	В	В	В

Примечание. В таблице использованы следующие обозначения: *1* — Бог; *2* — дедушки и бабушки и люди их поколения; *3* — клиенты черного рынка; *4* — родители и люди их поколения; *5* — сверстники, соседи; *6* — братья и сестры; *7* — торговцы; *8* — супруги; *9* — дети и их поколение; *10* — правительственные чиновники; *11* — внуки и их сверстники; *12* — врач. *Н* — немецкий язык, *В* — венгерский.

В заключение главы[6] заметим, что цель изучения языкового выбора — объяснить его. Объяснение этого явления можно осуществлять на разных уровнях: 1) пытаться предсказать, в какой момент беседы говорящий переключится на другой язык; 2) пытаться предсказать, какой вариант человек выберет в той или иной ситуации, но не прогнозировать каждый переход; 3) не стараться предсказать каждый переход, языковое поведение в конкретной ситуации, но принимать каждый языковой выбор как данность и попытаться понять, какое значение он имеет для говорящего.

Большинство ученых придерживаются мнения, что нереально пытаться предсказывать или даже интерпретировать смысл каждого акта языкового выбора. Но и самый «скромный» вариант (анализ значения зафиксированного выбора языка) выявляет поразительное единообразие правил в разных ситуациях и разных регионах мира.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989. С. 78–86.

Cooper R. L., Fishman J. The Study of Language Attitudes // Linguistics. 1974. Vol. 136. P. 5–19.

Fasold R. The Sociolinguistics of Society. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995. P. 147–179.

Дополнительная литература

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 262–282.

[6] В теме «Выбор языка» существуют и другие возможные области исследования, например выбор синонимических вариантов одного языка в зависимости от коммуникативной задачи (см. гл. 8).

Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 96–100.

Giles H., Powesland P. Accommodation Theory // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 232–239.

Hesbacher P., Fishman J. Language Loyalty: Its Functions and Concomitants in Two Bilingual Communities // Lingua. 1965. Vol. 13, N 2. P. 145–165.

Hewstone M., Giles H. Social Groups and Social Stereotypes // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 270–283.

Kalmar I., Zhong Yong, Xiao Hong. Language Attitudes in Guangzhou, China // Language in Society. 1987. Vol. 16, N 4. P. 499–508.

Luhman R. Appalachian English Stereotypes: Language Attitudes in Kentucky // Ibid. 1990. Vol. 19, N 3. P. 331–348.

Глава 4

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ВЫБОР ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ И СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА

В настоящей главе, как и в предыдущей, обсуждается проблема выбора языка; но если ранее этот выбор рассматривался на уровне *индивидуальном* и *временном* (двуязычный индивид может в разные моменты жизни, в разных коммуникативных ситуациях переходить с одного языка на другой), то в данном случае речь пойдет о *коллективном* и *окончательном* выборе: как и почему языковая общность «выбирает» сохранение своего языка (language maintenance), добавление к нему второго (двуязычие) или замену одного языка на другой (языковой сдвиг, language shift).

Сохранение языка означает, что некая языковая общность «приняла решение» сохранить старый язык и не перешла на новый в условиях, когда такой переход был возможен. *Языковой сдвиг*, напротив, означает, что общность отказалась от использования старого языка и перешла на новый. Этот переход на новый язык обычно (но не всегда) предполагает более или менее длительный период *двуязычия*.

ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

Вопрос о причинах языкового сдвига достаточно сложен. Наиболее очевидное объяснение — один язык, оказавшись в контакте с другим, более слабым, распространяется вширь и вытесняет его — просто потому, что его

носители сильнее в политическом, военном или экономическом отношении. Д. Кристал пишет о тесной связи между доминированием языка и культурной мощью: язык существует только в сознании, в устах его носителей. Когда они добиваются успеха — успешен и язык; когда они проигрывают политическое, социальное, экономическое или военное соревнование — язык проигрывает вместе с ними. Язык становится международным по единственной причине: благодаря политической мощи говорящих на нем людей и особенно — их военной мощи. Историю глобальных языков можно проследить по успешным военным экспедициям солдат и моряков, говоривших на том или ином языке (Crystal 1997: 5–7)[1].

Близкие идеи высказывает в одной из статей на эту тему Н. Дориан (Dorian 1982: 45).

> Один из наиболее очевидных фактов, относящихся к взлетам и падениям языков, состоит в том, что они связаны со взлетами и падениями политическими. Там, где возникает империя, почти всегда официальный язык этой империи распространится за счет языков более слабых групп, которые оказываются поглощенными или даже просто политически зависимыми от имперских властей.

Это, несомненно, верно, однако такая трактовка объясняет только *распространение* некоторых языков на больших территориях, где прежде на них не говорили, но не феномен языкового сдвига: почему люди, населяющие эти территории, не задерживаются на стадии двуязычия, а *перестают говорить* на своих исконных языках и переходят на новый язык — язык империи?

Пытаясь ответить на вопрос о причинах языкового сдвига, исследователи часто ограничиваются биологической аналогией или биологическими метафорами (например, метафорой *языковая смерть*). Само понятие «языки, находящиеся в опасности» (endangered languages), заимство-

[1] См. русский перевод этой книги: Кристал 2001.

вано лингвистами у биологов из тех областей биологии и экологии, которые изучают исчезающие биологические виды (endangered species). С биологической точки зрения, «в опасности» находятся те растительные и животные виды, которые по каким-то причинам потеряли способность к самовоспроизводству. Перенеся этот принцип на язык, исследователи говорят о том, что и здесь существуют языки-хищники и языки-жертвы, борьба за выживание и естественный отбор, экологическое равновесие и его нарушения (см., например: Krauss 1991; Krauss 1992; Wurm 1991; и мн. др.). В опасности, следовательно, оказываются языки, носители которых под давлением более сильных и агрессивных языков потеряли способность (или желание) передавать свои языки следующим поколениям.

Вместо метафоры «языковая смерть» часто используют термин «вырождение языка» (language degeneration); Н. Денисон предлагает метафору «убийство языка» (linguacide), считая ее более точной: культура «сама решает» отказаться от языка и «убивает» его, когда многоязычные родители в какой-то момент перестают считать целесообразным или нужным говорить со своими детьми на языке или языковом варианте, имеющем низкий престиж (Denison 1977: 21). Дети также утрачивают мотивацию активно владеть языком, который лишен положительных коннотаций: таких как молодость, современность, технические навыки, материальный успех, образование (Там же).

Часто используемое объяснение причин исчезновения языка — язык меньшинства «теряет социальный престиж; это ведет к утрате сфер функционирования, что, в свою очередь, приводит к предпочтению говорящими другого языка» (Harris 1982: 71).

Нужно иметь в виду, что попытки расположить факторы, влияющие на языковой сдвиг, в причинно-следственный ряд (утрата престижа вызывает утрату сфер функционирования, что, в свою очередь, влечет за собой изменение предпочтений, и т. д.) не слишком убедительны. Обычно

подобные факторы даются в виде неструктурированного списка, например:

— исторические (ситуация до контакта),
— демографические (размер группы, браки, рождаемость и др.),
— географические (изолированность, теснота расселения и др.),
— социально-структурные (социальный уровень, экономические ниши, распределение власти),
— институциональные (школы, религия, средства массовой информации и др.),
— отношения (внутри- и внегрупповые отношения меньшинства).

При анализе ситуаций языкового сдвига необходимо учитывать ряд факторов.

1) **Число носителей.** Чем больше людей говорит на языке, тем меньше шансов, что этот язык перестанет употребляться. Однако сама по себе высокая численность носителей языка не дает гарантий его сохранения. И наоборот, небольшая численность народа не означает, что его язык обречен на вымирание. Интересно, что численность говорящих на языке как на первом, которая может считаться критической для выживания языка, различна для разных частей света. В качестве иллюстрации приведем таблицу из статьи Дж. Граймса (Grimes 1995: 1–12).

Регион	Число языков		Критическая численность говорящих на языке для угрозы его исчезновения	
	Всего	Есть данные по	Потенциальной	Реальной
В мире	6528	5440	1310	700
Тихий Океан	1336	1285	225	70
Азия	1880	1593	3240	640
Африка	1916	1490	5000	1500
Северная Америка	483	452	600	300
Южная Америка	427	382	350	60
Европа	209	153	20000	—

Дж. Граймс исследовал количественные характеристики (число говорящих) тех языков, число носителей которых приближается к опасной черте, и пришел к выводу, что попадания языка в критическую или в потенциально опасную зону недостаточно, чтобы говорить о том, что существование языка находится под угрозой. Можно лишь утверждать, что большинство языков, которым предстоит исчезнуть в будущем, скорее всего, находятся в критической зоне и имеют критическое число говорящих. Малое число говорящих само по себе не влечет за собой исчезновения языка (Там же: 9).

2) **Языковое окружение.** Чем больше контакт с другими языками, тем менее жизнеспособен язык (ср.: Kibrik 1991: 260). Однако зависимость здесь явно более сложная: двух- или трехъязычие, распространенное в каком-либо регионе, в большинстве случаев не мешает контактирующим народам разговаривать *внутри своей группы* на родном языке[2]. Кроме того, языковое окружение не существует само по себе: оно меняется в силу каких-то внешних причин — после переселения группы в другое место, в результате притока иммигрантов, изменения типа хозяйственной деятельности и т. п. Каждая из этих внешних причин создает новую ситуацию и лишь отчасти воздействуют на языковую ситуацию напрямую.

3) **Тип хозяйственной деятельности.** Если языковая общность сохраняет традиционную хозяйственную деятельность, то высоки шансы, что она будет осуществляться моноэтничными группами; это, естественно, будет способ-

---

[2] Как пишет Р. Аустерлиц, «возможно, мы, люди Запада, смотрим на двуязычие и многоязычие как на исключение, в то время как они, по сути, являются правилом во многих частях света, в особенности до образования национальных государств» (Austerlitz 1982: 56). Ему вторит Д. Кристал: примерно две трети детей мира рождаются и живут в двуязычном окружение и способны свободно говорить на двух языках (Crystal 1997: 14); одноязычие, таким образом, — это удел меньшинства населения Земли (ср. также: Grosjean 1982).

ствовать сохранению языка. Кроме того, люди, занимающиеся традиционными видами деятельности, часто вынуждены сохранять если не язык в полной мере, то хотя бы соответствующую терминологическую систему, без которой такая деятельность затруднительна. Напротив, люди, переходящие на работу по найму, попадают, как правило, в иноязычное окружение, что ускоряет языковой сдвиг. Однако этот признак нельзя считать независимым: люди сохраняют традиционную хозяйственную деятельность или отказываются от нее под воздействием каких-то экологических, социальных, политических или экономических факторов — но тогда именно эти факторы, а не тип хозяйства следует рассматривать как более глубокую причину языкового сдвига или его отсутствия. Более того, этот признак не всегда «работает»: так, существуют многочисленные примеры, когда экономические изменения не ведут к языковому сдвигу.

4) **Воспроизводство языка.** Если язык нормальным образом передается детям, то его шансы на выживание, естественно, выше, чем в случае, если такая передача прервана. Однако передача языка детям не гарантирует его сохранности: возможна ситуация, когда язык был передан детям нормальным образом, и они *могли бы* говорить на нем, но сознательно отвергают такую возможность и переходят на другой язык. Кроме того, этот фактор также взаимосвязан с другими: передача языка детям может прекратиться по целому ряду причин — от принуждения со стороны властей до добровольного решения родителей.

5) **Межнациональные браки.** По-видимому, влияние этого фактора вполне реально в том случае, если женщины стремятся выйти замуж вне пределов своего народа и создают смешанные семьи с представителями другого народа. Однако одного этого условия недостаточно, чтобы дети, рождающиеся в такой семье, выучивали бы язык отца, а не матери: для того чтобы это происходило, мать должна сама сознательно перейти на язык семьи мужа и не говорить с ребенком на родном языке — а мотивы такого решения лежат вне пределов брачных отношений.

6) **Языковая политика государства.** Нет сомнения, что политика государства, направленная на распространение, например, государственного или официального языка на отдаленных территориях, населенных разноязыкими группами, может дать свои плоды. Такая политика обычно проводится через школу, через обязательные программы обучения и способна за одно-два поколения достичь своей цели. Однако введение общегосударственного языка в качестве второго совсем не обязательно автоматически повлечет за собой утрату первого, родного языка. Политика же, направленная на прямое *подавление* языка, тоже, конечно, возможна, однако и ее последствия неоднозначны.

7) **Престиж языка.** Когда титульный язык становится непрестижным, а доминирующий — престижным, возникают условия для языкового сдвига. Однако низкий престиж языка сам по себе не предрекает языкового сдвига: два языка — один с низким, другой с высоким престижем — могут мирно сосуществовать в течение длительного времени. Кроме того, падение или рост престижа языка не происходят сами по себе: чтобы это произошло, язык должен прочно увязываться с социальным, экономическим или иным статусом говорящей на нем группы.

8) **Наличие или отсутствие письменности.** Этот фактор также часто называют в числе прочих, когда говорят о языковом сдвиге: язык коренного населения, не имеющий письменной традиции, имеет тенденцию уступать другому, более «сильному» и агрессивному языку, у которого такая традиция есть. Однако этот фактор не играет существенной роли. Зависимость между наличием письменности и шансами языка на сохранение прослеживается, но опосредованно.

Разнообразные факторы, влияющие на сохранение языка, взаимосвязаны, но не выстраиваются в причинно-следственную цепочку: наличие одного или нескольких из них лишь *создает условия*, при которых может произойти языковой сдвиг, а не *предрекает* его.

Говоря об исчезновении аборигенных языков Австралии, Р. Диксон (Dixon 1991: 236) приводит следующий список факторов, которые повлияли на этот процесс.

1) **Настойчивость белых.** Речь идет о принятой во многих миссиях и государственных органах ассимиляционистской политике, когда детей отрывали от родителей, иногда насильно, и помещали в школы интернатского типа, где разрешалось говорить только по-английски. В школах местные языки были повсеместно запрещены.

2) **Выбор аборигенов.** Многие аборигены решили как можно больше получить от новой ситуации — т. е. ситуации меньшинства в обществе европейского типа. Родители, желавшие своим детям успеха, говорили с ними только по-английски.

3) **Сдвиг культурных акцентов.** Люди, говорящие на двух языках, обычно используют их в разных обстоятельствах: аборигенные языки — на охоте, в быту среди своих; английский — в общественной сфере и с чужими. Однако сравнительная роль этих двух сфер постепенно меняется: все меньше времени отводится охоте и общению со своими, и соответственно аборигенные языки используются все реже.

4) **Давление средств массовой информации.** На радио, на телевидении[3], на видео, в газетах, журналах, кни-

[3] Относительно роли средств массовой информации, и в частности телевидения, существуют разные мнения. «Такое ощущение, — пишет, например, Дж. Чамберз, — что телевидение является основной гипотезой в поисках причин серьезных языковых изменений для всех, кроме социолингвистов, которые занимаются исследованием этих причин. <...> Социолингвистические данные опровергают глубоко укоренившееся убеждение, что средства массовой информации в значительной мере влияют на язык» (Chambers 1998: 124). И далее, приведя несколько цитат из художественной литературы про то, как радио и телевидение стирает диалектные оттенки, автор утверждает: это — чистая фантазия, социолингвистическая научная фантастика (Там же: 125).

гах, в школьном обучении используется главным образом английский, таким образом поощряя ребенка говорить по-английски.

ТЕМПЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

Языковой сдвиг может быть *медленным* (сотни лет), *быстрым* (три-четыре поколения) и *катастрофическим* (одно-два поколения). В зависимости от темпа сдвига можно говорить о «внезапной смерти» (sudden death) или о постепенном отмирании функций, начиная с публичных при сохранении языка в домашней сфере или, наоборот, с домашних, когда в конце концов у старого языка остается только ритуальная или (реже) поэтическая функция (так называемая bottom-to-top death).

Примером медленного сдвига могут служить кельтские языки в Великобритании; примером быстрого — европейские языки в общинах иммигрантов в США или Австралии. Однако в современной науке термин языковой сдвиг применяется преимущественно к катастрофическому сдвигу. Именно этот тип сдвига — переход этнической группы на другой язык на протяжении жизни одного-двух поколений — мы и будем в основном рассматривать в этой главе.

Процесс языкового сдвига идет во всем мире. Основными причинами сдвига являются

1) добровольный или вынужденный выбор носителей языка, сознательно или под давлением общественного мнения отказывающихся от использования титульного языка в пользу доминирующего;
2) принуждение со стороны государства.

Что касается добровольного или вынужденного выбора, то здесь важны такие факторы, как престижность, мнение окружающих, экономические и социальные выгоды. Так, С. Гарзон прослеживает языковой сдвиг в Мексике (с языка тектитеко на испанский) и отмечает, что

причина сдвига — низкий престиж родного языка. Школьные учителя смеются над детьми, когда те говорят на этом языке. С тектитеко связан низкий социальный статус, что еще усиливается боязнью насмешки со стороны других (Garzon 1992: 57–58). В значительной степени тектитеко не используется больше как средство «серьезной» коммуникации. Пожилые люди, пытающиеся говорить на этом языке с внуками, также часто сталкиваются в ответ с насмешкой.

Этот же мотив звучит и в других исследованиях. Д. Кристал цитирует отрывок из книги кенийского писателя, в которой тот вспоминает свои школьные годы:

> Английский стал языком моего формального образования. В Кении английский стал больше чем языком: он стал главным и единственным языком и все прочие языки должны были почтительно склониться перед ним. Из самых унизительных переживаний — быть застигнутым на территории школы, когда говоришь на кикуйу (родной язык автора. — *Н. В.*). Нарушитель подвергался телесному наказанию — от трех до пяти ударов палкой по голым ягодицам, или его заставляли носить на шее металлическую бляху с надписью: «Я дурак» (Crystal 1997: 115).

Естественно, прошедшие через этот печальный опыт дети, становясь взрослыми, стремятся оградить от аналогичных переживаний своих детей. Для американской группы индейцев кри, например, одна из обычных стратегий поведения — говорить дома только по-английски, чтобы дети понимали его, когда придут в школу. Это приводит к тому, что дети начинают хуже понимать кри, хотя он и звучит вокруг них постоянно (Darnell 1971: 168).

Однако при анализе условий языкового сдвига нельзя сбрасывать со счетов и ситуации, когда языковой сдвиг происходит в результате простого и грубого *принуждения* со стороны государства. В конце 1950 — начале 1960-х годов во всем мире (Южная Америка, Австралия, США, Канада, Крайний Север России) наблюдалась одна и та же карти-

на: местные власти в принудительном порядке забирали детей из семей в школы-интернаты, часто вопреки желанию родителей, — а в этих школах учились вместе дети разных национальностей, и единственным языком, общим у детей и между детьми и учителями, был государственный язык (соответственно испанский, английский или русский). В австралийской научной и публицистической литературе используется термин *украденное поколение* (stolen generation) для обозначения детей, прошедших через насильственные школы-интернаты. То же происходило и на Аляске: описание «увоза детей» и их положения в аляскинских интернатах очень напоминает то, что происходило в СССР примерно в то же время. Здесь, конечно, не приходится говорить о каком-либо добровольном выборе: это — чистое насилие (как всегда, осуществляемое с самыми благими намерениями).

РАЗРЫВ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Для двуязычных общин распространенным вариантом нормы является ситуация диглоссии, когда коренные жители рассматривают родной язык как язык бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности, реже — школьного обучения, а государственный язык — как язык для всевозможных видов общения с «внешним» по отношению к общине миром.

Для многоязычных общин нормой является положение, когда каждая этническая группа имеет свой язык, на котором ее представители говорят друг с другом; каждая группа в той или иной мере понимает этнические языки других групп, и, сверх того, в общине существует один «общий» язык, на котором способны разговаривать все ее члены, и один «международный» язык для общения с внешним миром — язык общения с приезжими, язык массовой коммуникации и др. «Этнический», «общий» и «международный» языки могут в ряде случаев совпадать.

Если языковой сдвиг идет «катастрофическими» темпами, то часто в результате степень владения языком с какого-то момента начинает зависеть от возраста носителей. Языковые коллективы расслаиваются на возрастные группы (поколения), причем старшие являются одновременно носителями языковых и культурных традиций, а младшие, напротив, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре и соответственно ориентированы не на родной, а на доминирующий язык.

При этом может возникнуть ситуация, когда языковая община разделяется не на две возрастные группы — старшую и младшую, а на три. В этом случае между двуязычным «старшим поколением», предпочитающим использовать для общения родной язык, и одноязычным «младшим поколением», которое более охотно пользуется государственным (соответственно русским, английским и др.) языком и часто вообще не знает титульного языка, располагается возрастная группа, которую можно назвать *переломным поколением*. Эту группу (ее возраст колеблется в пределах 30–50 лет) можно еще назвать и *полуязычной* в том смысле, что одни ее представители уже начали утрачивать титульный язык и предпочитают государственный, в то время как другие еще недостаточно владеют государственным языком. Такая ситуация приводит в конечном счете к разрушению нормального общения между членами коллектива: «переломное поколение» не способно нормально общаться ни со своими родителями, ни со своими детьми; титульный язык не передается детям и, как следствие, утрачивается.

Наличие «переломного поколения» — это, с одной стороны, симптом кардинальной трансформации языковой ситуации, возможно — признак исчезновения языка, а с другой — серьезная проблема для всех, кто занимается социальным и языковым планированием.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЯЗЫКИ В МАСШТАБАХ ПЛАНЕТЫ

В 1991 году Американское Лингвистическое Общество организовало в рамках своей 65-й ежегодной конференции специальный симпозиум по проблеме языков, находящихся в опасности. Материалы этого симпозиума были опубликованы в 1992 году в журнале «Language» (Vol. 68, N 1). С тех пор количество публикаций по этой проблеме постоянно растет.

М. Краусс (Krauss 1992) выделяет три категории языков: умирающие (moribund), находящиеся в опасности (endangered) и находящиеся в безопасности (safe). *Умирающими* он называет те языки, которые уже перестали выучиваться детьми как родные. *В опасности*, по его схеме, находятся те языки, которые, если сохранятся существующие условия, не будут выучиваться детьми как родные в следующем столетии. Наконец, *безопасные* языки — это те, относительно которых нет сомнений, что дети будут выучивать их как родные в обозримом будущем. Вот что пишет М. Краусс о состоянии языков (Там же):

> Обстоятельства, которые привели к существующему уровню языковой смертности, лежат в диапазоне от прямого геноцида — через разрушение социальной среды, экономики или среды обитания, насильственные переселения, демографическое давление, подавление языка в ходе насильственной ассимиляции или ассимилятивного образования — до бомбардировок электронными средствами массовой информации, в особенности телевидения, — нового оружия, разрушительные последствия которого неисчислимы и которое я называю «культурным нервно-паралитическим газом».

И далее:

> Следует серьезно пересмотреть наши приоритеты, иначе лингвистика войдет в историю как единственная наука, проморгавшая исчезновение 90 % того объекта, который она призвана изучать.

Серьезность этой проблемы может быть проиллюстрирована следующими цифрами[4].

По разным источникам, в мире насчитывается от 6000 до 6500 языков; подсчет, естественно, затруднен прежде всего отсутствием надежных данных[5], а кроме того, неясностью границы язык/диалект. Большинство лингвистов считают сейчас число в 6000 наиболее близким к реальности.

Распределение этих языков неравномерно: в Европе и на Ближнем Востоке вместе — всего 275 (4 %), в обеих Америках — 900 (15 %) языков; оставшийся 81 % языков мира приходится на Африку (1900) и Азию с Тихим океаном (3000).

Самой лингвистически богатой страной является Папуа–Новая Гвинея — 850 языков, за ней идет Индонезия — 670 языков; в Нигерии — 410, в Индии — 380, в Камеруне — 270, в Австралии — 250, в Мексике — 240, в Заире — 210 языков. Еще 13 стран имеют каждая от 100 до 160 языков: Бирма, КНР, Малайзия, Непал, Новые Гебриды, Россия, Судан, США, Танзания, Филиппины, Центрально-Африканская Республика, Чад и Эфиопия. В этих 22 «верхних» странах сосредоточено порядка 5000 языков мира.

Согласно прогнозу М. Краусса (Там же), если темпы исчезновения языков сохранятся, то через сто лет из 6000 языков на Земле останется 600, т. е. 90 % языков мира будут утрачены безвозвратно. Автор сравнивает эту ситуацию с положением в биологии: по официальным данным, 7.4 % видов млекопитающих и 2.7 % видов птиц относятся к угрожаемым. При этом количество средств, людей и энергии,

---

[4] Данные по Российской Федерации см.: Языки народов России 2002.

[5] Интересно, что, по данным, приводимым М. Крауссом (Там же), число языков мира, в оценке лингвистов, растет с каждым годом по мере расширения наших знаний: в 1977 году подсчеты давали 4500, в 1987-м — 5000, в 1988-м — 6000, в 1991 году — 6500 языков.

которое человечество тратит на наблюдение за биологическими видами, на спасение видов и т. п., несравнимо с затратами на сохранение исчезающих языков.

Одной из причин быстрого исчезновения языка является целенаправленная государственная политика. Точно так же, казалось бы, сохранение языков в «безопасной» группе может быть результатом специальной «позитивной» политики государств. Однако в мировом масштабе этот фактор, даже если такая политика и будет повсеместно принята, не сможет оказать большого влияния на ситуацию по той причине, что государство поддерживает, как правило, государственный язык, — а в мире на 6000 языков приходится всего около 170 государств, и в 45 из них государственным, официально поддерживаемым языком является английский, в 30 — французский, в 20 — испанский, еще в 20 — арабский и в 6 — португальский. Таким образом, лишь примерно 50 из 6000 мировых языков (в оставшихся 50 государствах) могут рассчитывать на государственную поддержку.

ЯЗЫКОВАЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ. СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА

Процессы языкового сдвига идут повсеместно, число языков на Земле сокращается. Однако ситуация языкового сдвига далеко не однозначна: это не однонаправленный процесс, когда малые языки последовательно, с той или иной скоростью вытесняются большими. У процесса есть и противоположный вектор: так называемая *языковая устойчивость* (language maintenance). Выбор языковой общностью того или иного направления развития (в сторону сдвига или в сторону сохранения языка) зависит от этноязыковой жизнеспособности (ethnolinguistic vitality).

Этот подход впервые наметился в середине 1970-х годов (см.: Giles et al. 1977). *Этноязыковая жизнеспособность*

описывается с помощью трех независимых, но связанных измерений, или социолингвистических переменных: статус, демография и институциональная поддержка. *Статус* включает престижность группы в обществе, престижность ее языка в обществе и относительный достаток группы; *демография* — абсолютное число членов группы, рождаемость, экзо- или эндогамные браки, иммиграционное или эмиграционное поведение группы; к *институциональной поддержке* относятся средства массовой информации, образование, деятельность правительства, культурная деятельность, степень контроля группы над политическими и финансовыми обстоятельствами.

Группе не обязательно иметь высокие показатели по всем трем параметрам, чтобы чувствовать себя в безопасности. Бóльшие или меньшие шансы выжить имеет группа с высокой *суммарной* этноязыковой жизнеспособностью.

Выделяют объективную и субъективную этноязыковую жизнеспособность: *объективная* может быть измерена с помощью демографических справочников, публикаций и описаний (см.: McConell 1996); *субъективная* — по так называемому Вопроснику по субъективной жизнеспособности (Subjective Vitality Questionnaire) (см.: Bourhis et al. 1981: 144–155). Из двух типов этноязыковой жизнеспособности субъективная оказалась значительно полезнее как инструмент исследования. Она иногда оказывается близка к той, которая вычислена «объективными методами», но это не обязательно: в межгрупповые отношения группа вступает именно как носитель субъективной этноязыковой жизнеспособности. Субъективную этноязыковую жизнеспособность иногда называют «воспринимаемая» (perceived ethnolinguistic vitality, PEV).

Бывает, что изучение PEV приводит к выявлению иных по сравнению с исходными параметров, которые оказываются существенными для жизнеспособности группы: например, политической, языковой или культурно-религиозной PEV.

Вопросник по субъективной жизнеспособности разрабатывался в работах разных исследователей и известен сейчас под названием «Beliefs on Ethnolinguistic Vitality Questionnaire»[6]: оказалось, что изучение *представлений* о жизнеспособности языка дает возможность делать более точные прогнозы и получать более точные данные, чем изучение самой этой жизнеспособности.

ЯЗЫКОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

Утверждения, что язык той или иной малочисленной этнической группы находится на грани исчезновения, давно уже стали привычными. Они повторяются из работы в работу на протяжении последних ста лет: аналогичными пессимистическими прогнозами изобилуют публикации конца XIX — начала XX века (подробнее см.: Вахтин 1998; там же см. библиографические ссылки).

Покажем это на примере Сибири. Уже первые исследователи Сибири ехали «в поле», веря, что им предстоит описывать «вымирающих инородцев». В инструкции, которую подготовил академик Шенгрен (Schoengren) в 1845 году для М. Кастрена, финского ученого, исследователя Западной Сибири, говорилось: «Г. Кастрену поручается все народы... на пространстве между Енисеем... и Обью... точно исследовать в этнографическом и лингвистическом отношении». Шенгрен мотивировал это тем, что «первобытные жители Сибири» находятся в таком состоянии, что «не должно упускать время, чтобы ныне спасти об них сколько можно сведений».

[6] См.: Allard, Laudry 1986: 1–12. Подробнее об истории появления и развития идеи этноязыковой жизнеспособности см.: Willemyus et al. 1993: 481–497.

С тех пор подобные утверждения не перестают повторяться. Вот несколько характерных примеров (ссылки см.: Вахтин 2001: 264 и сл.).

В 1860-е годы, в своей книге, посвященной путешествию в северо-восточную Якутию, Г. Майдель писал о юкагирах рек Большой и Малый Анюй:

> ...теперь там живет всего несколько семей, которые, впрочем, уже совершенно забыли свою речь и приняли как язык, так и образ жизни русских.

Через 40 лет, в 1900 году, В. Иохельсон писал о юкагирах тех же мест так:

> Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а само племя прекратит существование, частично вымерев, а частично растворившись в окрестных племенах...

Еще через 80 лет, в конце 1980-х, Е. Маслова пишет о том же юкагирском языке, опираясь на полевые данные 1987–91 годов:

> Большинство юкагиров старшей возрастной группы владеет двумя или тремя языками, причем первым является юкагирский. Среди тундреных юкагиров эта группа составляет около 20 %, среди колымских — около 10 %... Для следующей возрастной группы... на первое место выходит русский и/или якутский.

Мы видим, что в течение 120 лет ситуация с юкагирами и юкагирским языком, как ее видят и описывают исследователи, остается примерно одинаковой. То же писали и о других народах Севера, и о коренных народах других частей света — Африки, Австралии, Северной и Южной Америки. Настойчивые пророчества вырождения и гибели народов, их языков и культур звучат постоянно, однако культуры и языки оказываются гораздо более устойчивыми, чем ожидалось. Ученые вынуждены постоянно «опровергать» своих предшественников и самих себя, уточнять пессимистические прогнозы.

Несмотря на то что существует множество надежно документированных фактов языковой смерти, имеются и обратные примеры: языки, считавшиеся умершими, оказываются живы.

ПРИЧИНЫ ЯЗЫКОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

1) **Сознательные усилия по сохранению языка.** Люди, говорящие на языке, способны активно реагировать на процессы, происходящие с их языком. В предисловии к одной из своих книг Дж. Фишман (Fishman 1991) пишет, что за каждой неудавшейся попыткой усиления этнолингвистического регулирования, т. е. попыткой укрепить позиции того или иного языка, скрывается множество мелких локальных удач и достижений, и констатирует, что слишком поздно осознал этот факт, а следовательно — переоценил в своих работах значение языкового сдвига. Проблема утраты языка, удачи или неудачи мер по его сохранению должна рассматриваться не в абсолютных терминах (победа—поражение), а в относительных: сохранены или восстановлены отдельные функциональные области языка, решены ли локальные задачи.

Эти усилия могут быть коллективными (например, учителя-энтузиасты изменили по собственному почину программу школьного преподавания и начали с успехом учить детей языку); они могут быть и индивидуальными (например, в семье родители или бабушка могут сознательно принять решение говорить с детьми на родном языке). Такие усилия, со стороны почти незаметные, могут надолго продлить жизнь языка.

2) **Ошибка в оценке состояния языка.** Оценка состояния языка строится на наблюдениях, а также далеко не в последнюю очередь на свидетельствах самих его носителей. Часто бывает, что даже среднее поколение утверждает, что «они забыли язык»; но через несколько лет, когда эти люди оказываются старшим поколением, выясняется,

что они вполне способны объясняться на данном языке. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне общего для данного языкового коллектива языкового сдвига появляется своеобразная «регрессия», возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли.

Регрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры известно: в какой-то момент человек начинает испытывать потребность в традиции, в соблюдении старых обрядов, начинает чувствовать себя «носителем традиции» — даже если он никогда прежде не задумывался о подобных вещах. Дело в том, что человек занимает некоторую освободившуюся «поколенческую» культурную нишу: окружающие начинают ожидать от него знания традиции, и он, естественно, старается соответствовать ожиданиям. Сходный процесс, хотя это и может показаться не столь очевидным, происходит и с языком. Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и в изменении оценки («изменении ожидания») со стороны окружающих.

В ситуации, когда один язык достаточно быстро уступает место другому, существуют универсальные правила «взаимного ожидания» того, какой язык окажется доминантным для данной возрастной группы. В этой ситуации естественно, что каждое следующее поколение говорит на родном языке хуже, чем предыдущее, причем этот факт осознается обоими поколениями — например самым старшим (*А*) и следующим за ним (*Б*). Поколение *Б* всегда знает, что говорит хуже, чем это в принципе возможно, — и поэтому старается говорить поменьше, в особенности при «стариках». Сравнивая себя с поколением *А*, это поколение утверждает, что говорит на языке плохо, — и то же самое скажет о нем любой член общины: всем известно, что существует более богатый и «правильный» язык, чем тот, на котором может говорить поколение *Б*.

Но когда поколение *А* сходит со сцены, поколение *Б* автоматически становится лучшим знатоком родного языка — просто потому, что лучше них никого нет. Языковая компетенция этого поколения в общем-то всегда была достаточна для нормальной коммуникации на данном языке; она была «ущербной» только в сравнении с компетенцией предыдущего поколения, да и то не в силу реальной ущербности, а главным образом из-за психологических барьеров. Теперь же гнет психологического «комплекса лингвистической неполноценности», из-за которого поколение *Б* всю жизнь стеснялось говорить на родном языке, опасаясь быть осмеянным, оказывается снятым — и выясняется, что его языковая компетенция достаточно велика.

Конечно, объективно этот язык отличается от языка ушедшего поколения, однако этим слегка изменившимся языком поколение *Б* будет владеть совершенно свободно.

Механизм регрессивного восстановления языка у старшего поколения может действовать лишь при условии, что язык усвоен этим поколением в младенчестве. Такой язык, даже будучи вытеснен в пассивную зону, при благоприятных обстоятельствах может восстановиться. Этот механизм не может действовать бесконечно, однако его наличие существенно продлевает жизнь любого языка, даже если на первый взгляд этот язык находится «на грани исчезновения».

3) **Несовпадение объема понятий «исчезновение языка» для внешнего и внутреннего наблюдателя.** Значение самого слова «исчезновение» понимается разными людьми по-разному. Приведенный выше парадоксальный пример регрессивного восстановления языка у старшего поколения можно объяснить тем, что лингвисты и этнографы, описывающие некоторую ситуацию, невольно путают два понятия: *умирание* языка и культуры и *трансформацию* языка и культуры.

Здесь методологически важно отказаться от взгляда на язык и культуру как на конгломерат «старых» (этнических, нормальных, правильных) и «новых» (чужих, за-

имствованных, посторонних) элементов и рассматривать их как постоянно подвергающиеся трансформации. Следует говорить о континууме, в любой точке которого существует сочетание «традиционных» (этнических) и «новых» (привнесенных) элементов. По сути дела, никакой язык и никакая культура никогда не находятся в статическом и изолированном состоянии; процесс трансформации идет постоянно, он является характеристикой любого языка и любой культуры.

Приведем только один пример: язык алеутов острова Медный. Язык медновских алеутов в каком-то смысле уникален. Сильно упрощая ситуацию, можно сказать, что у этого языка корни слов заимствованы в основном из одного языка, алеутского, а окончания слов — из двух языков, алеутского и русского (подробнее см. гл. 5). Ср.:

Пенсия=м куга у=ю, и все равно я аба=ю.

Я на пенсии, и все равно я работаю.

В предложении подчеркнуты элементы русского происхождения. При этом говорящие на этом языке уверены, что их язык ничего общего с русским не имеет. Важно, что хотя алеутский язык, на котором когда-то говорили жители острова, с точки зрения внешнего наблюдателя, «исчез», с точки зрения общины он существует. Современный язык медновских алеутов успешно выполняет все необходимые функции: на нем иногда говорят, он является мощным средством самоидентификации, т. е. сохранения группы как единой этнической общности. С одной стороны, язык, на котором говорили 100–150 лет назад, конечно, «исчез» (или, точнее, — существенно трансформировался); с другой стороны, язык, помогающий общине сохранить самоидентификацию, тот язык, который сами говорящие рассматривают как прямого потомка «старого» языка, — этот язык, несомненно, «жив».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

Казакевич О. А. Языки малочисленных народов России // Человек. 1996. Вып. 4. С. 149–161.

Campbell L. Language Death // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by R. E. Asher. Oxford: Pergamon Press, 1994. Vol. 4. P. 1960–1968.

Dixon R. M. W. The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania // Endangered Languages / Ed. by R. H. Robins, E. M. Uhlenbeck. Oxford; New York: Berg, 1991. P. 229–255.

Wurm S. A. Language Death and Disappearance: Causes and Circumstances // Ibid. P. 1–18.

Дополнительная литература

Данеш Ф., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык, культура, этнос. М., 1994. С. 27–39.

Казакевич О. А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития / Ин-т языкознания РАН. М., 1994. С. 110–123.

Крысин Л. П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык, культура, этнос. М., 1994. С. 66–78.

Aikio M. Some Issues in the Study of Language Shift in the Northern Calotte // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1986. Vol. 7, N 5. P. 361–377.

Chafe W. Do Speakers of Different Languages Think Differently? // Languages of the North Pacific Rim / Ed. by O. Miyaoka, M. Oshima. Graduate School of Letters. Kyoto: Kyoto Univ., 1998. Vol. 4. P. 1–16.

Dorian N. Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981.

Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death / Ed. by N. Dorian. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.

Kulick D. Language Shift and Cultural Reproduction: Socialization, Self, and Syncretism in a Papua New Guinean Village. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.

Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa / Ed. by M. Brenzinger. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.

Shifting Patterns of Language Use in Borneo / Ed. by P. Martin. Williamsburg: Borneo Research Council, 1994.

Глава 5

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ВЫБОР ЯЗЫКА: НОВЫЕ ЯЗЫКИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В предыдущей главе речь шла о таких ситуациях коллективного выбора языка, в которых выбирать приходится между уже существующими языками. Однако в определенных случаях могут возникать новые языки. Они начинают использоваться вновь образовавшимися, иногда очень крупными социумами, для которых этот новый язык становится одним из важнейших маркеров конструируемой идентичности. Такими новыми языками, обслуживающими не существовавшие ранее общности, являются, например, *пиджины*, *креольские языки* и *смешанные языки*. Прежде чем говорить о специфике этих языков, кратко охарактеризуем возможные типы ситуаций языковых контактов.

НЕЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В неэкстремальной ситуации языковых контактов языки могут взаимодействовать на протяжении долгого времени и постепенно оказывать влияние друг на друга. В результате в одном языке проявляются следы влияния другого языка. В фонетике, морфологии, синтаксисе возникают черты, которые *не существовали* (или существовали только на уровне тенденций) в доконтактный период. (Такое влияние иногда называют *интерференцией* — имея в виду взаимодействие, взаимное влияние двух языковых систем в условиях билингвизма.) Другой результат межъязыкового взаимодействия в неэкстремальных ситуациях — *лексические*

заимствования. Ситуации неэкстремального языкового контакта могут также привести к *конвергентному развитию языков в рамках языкового союза* (Sprachbund)[1]. Языковой союз может сложиться, если несколько языков в течение долгого времени сосуществуют в тесном контакте на относительно небольшой территории. При этом в конвергентное развитие оказываются вовлечены все уровни языка. Хрестоматийный пример — балканский языковой союз. В него входят языки четырех групп (славянской, романской, албанской и греческой) индоевропейской семьи: болгарский, македонский, сербскохорватский (частично), румынский, албанский, новогреческий. В процессе интенсивного взаимодействия эти языки выработали ряд структурных схождений, так называемых балканизмов, на всех уровнях.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

ПИДЖИНЫ

В экстремальной ситуации языковых контактов может возникнуть *контактный язык*, который принято называть *пиджином*[2]. Как правило, образование пиджина происходит в экстремальной ситуации межэтнических контактов при остром дефиците общего для всех носителей средства

[1] Термин «Sprachbund» ввел Н. С. Трубецкой в работе «Вавилонская башня и смешение языков» (Трубецкой 1995). Позднее Р. О. Якобсон, используя термин Трубецкого, описал несколько фонологических союзов (Якобсон 1985).

[2] Существует несколько гипотез относительно происхождения этого слова. Согласно наиболее распространенной, оно происходит от английского слова *business*. Как «пиджин» это английское слово произносилось в китайском пиджин-инглиш. Первоначально (начиная с 1807 г.) это слово фиксируется на письме как *pigeon*. В более ранних работах пиджины часто называют *жаргонами* и *лингва франка*.

языкового общения. Лингвистический результат межэтнических контактов зависит от типологической близости родных языков вовлеченных в контактную ситуацию людей, а также от целого ряда социальных факторов — социального статуса, численности, половозрастной структуры, образовательного уровня участников ситуации, от продолжительности и интенсивности контактов. Прототипическими считаются случаи образования пиджинов на рабовладельческих плантациях в бассейнах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. *Суперстратными языками*[3] (на которых говорили белые рабовладельцы, надсмотрщики и т. д.) в этих случаях выступали языки метрополий: английский, португальский, испанский, французский, голландский; *субстратными*[4] — родные языки рабов, а также наемных рабочих, привезенных на плантации. Суперстратный язык является *языком-лексификатором* — он дает пиджину всю или почти всю лексику, точнее материал, на базе которого строится лексическая система. В прототипическом случае пиджин возникает как результат взаимодействия двух процессов — сознательного упрощения языка со стороны носителей суперстратного языка (иногда в этом случае говорят о специальном регистре для иностранцев) и неполного усвоения суперстратного языка носителями субстратных языков. Такая ситуация отражает отношения социального неравенства, в которых находятся участники контактной ситуации.

Социальные условия вообще играют огромную роль при образовании пиджинов, и часто именно от них зависит, какие лингвистические черты будет иметь пиджин.

---

[3] *Суперстратом* в сравнительно-историческом языкознании называют те черты языковой системы, которые объясняются как результат растворения в каком-либо языке языка пришедших на некоторую территорию этнических групп, ассимилированных коренным населением.

[4] *Субстратом* в сравнительно-историческом языкознании называют те черты языковой системы, которые возводятся к языку населения, первоначально (до возникновения контактной ситуации) жившего на некоторой территории.

Так, если контактирующие группы имеют примерно равный статус, то образовавшийся пиджин может иметь два языка-лексификатора, как это произошло, например, в случае с руссенорском (русско-норвежский пиджин, лексический состав которого сложился на базе норвежского и русского языков, если не считать немногочисленных вкраплений из английского, голландского, нижненемецкого, шведского, саамского).

Пиджинов с двумя языками-лексификаторами совсем немного; это, в свою очередь, указывает на то, что в большинстве случаев при образовании пиджинов контактирующие группы находятся в неравных отношениях. Чаще всего при формировании пиджина происходит контакт между тремя и более языками (ср. с приведенным выше примером руссенорска, когда помимо норвежского и русского в контакте в той или иной степени принимали участие еще несколько языков), однако отмечены случаи, когда пиджин возник в результате взаимодействия только двух языков. При этом совсем не обязательно, чтобы среди контактирующих языков был какой-либо европейский язык.

В значительном числе случаев пиджины образовались на базе коренных языков Африки, Северной, Центральной и Южной Америки, Австралии. Столь широкая география распространения пиджинов, а также разнообразие языков-лексификаторов указывают на определенную условность интерпретации плантационных пиджинов как прототипических (кроме плантационных выделяют также торговые, морские и др.). Скорее всего, их принято считать таковыми по вполне очевидной причине: именно на плантациях носители разных языков оказывались в экстремальной ситуации без общего для всех средства коммуникации, при этом в условиях рабовладельческой плантации отношения неравенства проявляются особенно отчетливо и подталкивают находящиеся в данной ситуации группы к выбору определенных моделей речевого поведения, которые помогают разрешить возникший коммуникационный конфликт.

Пиджин ни для кого не является родным языком. Число носителей пиджина может быть очень различно — от горстки людей (например, эскимосский французский пиджин, использовавшийся в восточной части современной Канады в XVIII веке) до сотен тысяч (например, так называемый чинукский жаргон в начале XX века на западном побережье Канады в районе Ванкувера) и даже нескольких миллионов (западно-африканский пиджин-инглиш в Нигерии или нага-пиджин в Индии).

Диагностические признаки пиджина

В качестве диагностических признаков пиджинов выделяют следующие:

1) *взаимная непонятность* (неполная понятность) пиджина и того языка (языков), который послужил языком-лексификатором;

2) *пиджин должен быть выучен*; он не может быть создан путем произвольного упрощения языка его носителем;

3) *пиджин не является родным* ни для кого из говорящих на нем.

Выделяют и некоторые структурные черты, свойственные большинству пиджинов (именно большинству, а не всем, так как «исключения» довольно многочисленны). Это прежде всего *ограниченный словарь* и *чрезвычайно простая грамматика*[5] (отсутствие флективной морфологии,

[5] Ошибочно было бы говорить (как это иногда делают) об отсутствии у пиджинов какой-либо грамматики, а также о редуцированной грамматической системе. То, что говорящие на пиджине понимают друг друга, свидетельствует об упорядоченности используемых ими лингвистических средств и, таким образом, о наличии, пусть простейшей, грамматической системы. Что касается термина «редуцированность», то он может ввести в заблуждение, так как предполагает упрощение чего-либо более сложного. Несомненно, грамматика пиджина значительно проще грамматики любого «нормального» языка, но она совсем не является результатом элементарного упрощения. Любой пиджин имеет свою *собственную*, пусть и несложную, *грамматическую систему*.

морфологическая невыраженность или факультативная выраженность времени, рода, числа, лица; наличие на поверхностном уровне только двух падежей — немаркированного и маркированного — и т. д.). Пиджину как лингвистической системе совершенно несвойственна избыточность. Из всех традиционно выделяемых языковых функций он реализует только коммуникативную (см. ниже очень характерное «самоназвание» русско-норвежского пиджина — «мóя-по-твóя»).

Чтобы проиллюстрировать положения, изложенные выше, приведем хрестоматийный пример[6].

Big fella bokus you fightem he cry.

This fella box you fight 'im he sing out-out.

Big fellow box spose whiteman fight him he cry too much.

Big fellow box, white fellow master fight him plenty too much, he cry.

Box belong cry, etc.

Все приведенные выражения передают значение слова «пианино» на разных вариантах южно-тихоокеанского пиджин-инглиш[7] и хорошо иллюстрируют по крайней мере тот факт, что знания языка-лексификатора (в данном случае английского) недостаточно, для того чтобы понимать пиджин.

Ср. также примеры из пиджинов, возникших при участии русского языка[8].

---

[6] См., например: Romaine 1988: 8–10.

[7] Отмечены и другие способы выражения того же самого значения. По словам С. Ромейн (Romaine 1988: 9), пример с пианино стал «частью мифологии», связанной с южно-тихоокеанским пиджин-инглиш.

[8] Достоверно известны три пиджина, возникших на территории России (во всех трех случаях язык-лексификатор — русский; в случае русско-норвежского пиджина вторым языком-лексификатором послужил норвежский): 1) *руссенорск* (Russenorsk): возник, вероятно, во второй половине XVIII века как торговый пид-

Руссенорск

Диалог[9] между русским (Р.) и норвежцем (Н.) (в скобках дан перевод) был опубликован в ежемесячном норвежском журнале «Нурландс Трумпет» («Norlands Trumpet») за 1891 год[10]:

Р.: Страсви! (Здравствуй!)
Н.: Как ю снакка? (Что ты говоришь?)
Р.: Моя виль снакка по твоя. Моя виль копум хус твоя (Я хочу поговорить с тобой. Хочу у тебя покупать).
Н.: Как ю копум? (Что ты хочешь купить?)
Р.: Фиска копум. Как стоит? (Хочу купить рыбу. Сколько стоит?)
Н.: Пять вога мукка по сто фиска (Пять вогов[11] муки за сто рыб).
Р.: Грот дорого. Канске ден прициpал по стова? (Очень дорого. А сам дома?)
Н.: Нет (Нет).
Р.: Ку ди рейса? (Куда он уехал?)
Н.: Не снай (Не знаю).
Р.: Грот скаде, просай. Моя по моррадаг ком (Очень жаль, прощай. Я приду завтра).

Русско-китайский пиджин

Текст из архива А. Г. Шпринцина (рассказ о бестолковом Хэцзю), записан от китайца во Владивостоке в 1929 г. (цит. по: Беликов б. г.)

жин бассейна Баренцева и Белого морей, вышел из употребления вскоре после революции 1917 года в России; 2) *русско-китайский (кяхтинский, маймачинский) пиджин*: сформировался во второй четверти XVIII века на русско-китайской границе, перестал активно использоваться начиная с 1940-х годов; 3) *таймырский пиджин (говóрка)*: предположительно, возник в конце XVIII — начале XIX века, обслуживал контакты русских переселенцев с коренными народами Таймыра; вышел из активного употребления примерно в середине XX века.

[9] Записи диалогов, демонстрирующие вполне успешную коммуникацию, являются лучшим ответом тем скептикам, которые полагают, что пиджины как лингвистические системы не существуют и что все можно объяснить плохо усвоенным вторым языком.

[10] Цит. по: Брок 1992: 24–25.

[11] *Вог* — мера веса, около 18 кг.

Хэцзю фамили чиво-чиво купила, курица яйца купила, бутыка апусыкайла. Эта мамыка серыдица, иво курица яйца эти ламай. Гавари: «Нинада бутыка пусыкай яйцы, пыравина пусыкай чачыка». Хэцзю лиса купила, лиса купила чачыка пусыкайла, лиса пулобала. Мамыка гавари: «Тибе худа хуерыка, лиса буравина мишока пусыкай». Хэцзю капуса купила, салата. Мука исе купила, пусыкай мишока. Мишока галязына. Мамыка гавари: «Нибуравина тибе, нихарыша, эта капуса пыравина пусыкай вода, мой чисытый». Хэцзю либа купила, эта либа помилай нету, эта либа купила. Эта вода пусыкайла, эта либа убижала. Мамыка гавари: «Тибе сасему худа, сибыка бу хао. Исе сасему тибе нинада купи. Дыругой раза тибе нинада купи».

Перевод:

Человек по имени Хэцзю кое-что купил, куриные яйца купил, положил их в бутылку. Его мать рассердилась, потому что он эти куриные яйца перебил. Она ему говорит: «Не надо яйца опускать в бутылку, надо опускать их в корзину». Хэцзю купил риса и положил его в корзину, рис высыпался. Мать говорит: «Ты сделал неправильно, рис надо складывать в мешок». Хэцзю купил капусты, салата. Еще муки купил, сложил все в мешок. Мешок стал грязный. Мать говорит: «Ты сделал неправильно, нехорошо, капусту надо было опустить в воду и вымыть». Хэцзю купил рыбу. Рыбина, которую он купил, была еще живая. Он ее в воду опустил, она уплыла. Мать говорит: «Ты совсем ничего не умеешь, ты очень глупый. Больше ничего не покупай. В следующий раз ничего не покупай».

Таймырский пиджин (говóрка)

В качестве примера можно привести отрывок из текста, записанного Е. А. Хелимским в 1986 г. (Хелимский 1987: 91–93).

Ну, ну. Завтра встали. Это, конечно, батрак ушел туда, этот купец место. Ну, торой парень-то тоже ушел — торой парень, отец-то один. Купец сидит контора место. У, купец там контора место сидит: «У, батрак, тебя таперя-то худой человек, понимат, полкубометра тебя не рубил. Ну что тебя, понимат?

Тебя ребята, говорят, полно. Тебя мальчик-то маленький, ребята пришел. Чего-то надо пришел его? Ну, вчерашняя работа стал, еще дрова руби, понимат, иди там». О, это, батрак парень-то говорит: «О, тут меня тут отец-то один день работал, понимат, один рубль они мне дал. Они норма такой его, совсем мало работал. О, тогда они отец работа помогать будем. Меня пустите, пожалуйста».

Перевод:

На следующее утро встали. Батрак, конечно, ушел к купцу. И второй его сын тоже ушел — второй сын, брат того, о котором говорилось раньше. Купец сидит в конторе. Да, в конторе купец сидит: «Батрак, ты, оказывается плохой работник. За день не нарубил и полкубометра дров. Что же это ты так? У тебя, говорят, много детей. С тобой пришел маленький мальчик, ребенок. Что ему надо, зачем пришел? А у тебя осталась вчерашняя работа — иди, руби дрова дальше». Сын батрака говорит: «Мой отец работал тут один день и получил один рубль. Такая уж у него норма выработки, совсем мало зарабатывает. Давайте тогда я буду помогать отцу в работе. Разрешите мне, пожалуйста».

КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Пиджин может существовать очень долгое время, например несколько веков, как это было с лингва франка[12]. Большинство пиджинов, однако, существуют совсем недолго и перестают использоваться, когда исчезают условия, благодаря которым они возникли. Считается, что если следующее поколение (дети тех, кто пользовался пиджином)

[12] Следует различать обыденное употребление выражения *лингва франка* (какой-либо неродной для коммуникантов язык, который используется как средство общения между носителями разных языков, например русский на территории бывшего СССР) и терминологическое — пиджин, сложившийся в средние века в районе Средиземноморья и вышедший из употребления только в самом конце XIX в.: lingua franca (*букв.* 'язык франков'); другое название — *сабир* (от лат. sapere 'понимать').

выучивают пиджин как родной язык, т. е. если происходит *нативизация* пиджина, то он становится *креольским языком*. Дело, разумеется, не в простой смене названия, а в принципиальных изменениях, которые при этом происходят.

Формирование креольских языков

Метафора из работы Д. Бикертона (Bickerton 1975), представленная ниже в слегка измененном виде, поможет лучше понять процессы, происходящие при образовании пиджинов и креольских языков. Представим себе, что дом, в котором проживала семья, разрушен ураганом. Никакого другого строительного материала, кроме того, что остался от разрушенного дома, под рукой нет, но необходимость где-то жить заставляет обходиться тем, что есть. Получившееся жилье совсем не напоминает то, которое было до урагана, и даже не похоже на то, которое первоначально собирались построить на скорую руку из обломков, по той причине, что частей старого дома просто не хватило для воплощения замысла. Помимо всего прочего все эти старые части пришлось использовать не по назначению, т. е. они стали выполнять совсем не те функции, которые выполняли в доме до урагана. Дети, родившиеся после урагана, не знают, как выглядел старый дом, и тот дом, в котором они родились, — для них единственный и родной. По мере того как дети начинают взрослеть, возникает потребность провести в доме перепланировку и некоторые усовершенствования (при этом не выезжая из дома). Семья, однако, не может прийти к общему мнению относительно того, как именно надо перестроить дом, и представители разных поколений начинают действовать по собственному разумению. В результате некоторые помещения в доме остаются почти нетронутыми, в то время как другие подвергаются кардинальной переделке.

Какие же кардинальные «переделки» происходят в пиджине, когда он превращается в креольский язык? В отличие от пиджина, единственная функция которого — ком-

муникативная (мы не имеем в виду *расширенные пиджины*, — см. сн. 14), креольский язык, как и любой другой, реализует полный набор языковых функций. Прежде всего, именно это обусловливает перестройку (развитие) языковой структуры. Основные структурные отличия креольских языков от пиджинов сводятся к следующему.

1) Если в пиджинах значения вида, времени и модальности передаются при помощи лексических средств, то в креольских языках они выражаются посредством специальных маркеров — приглагольных препозитивных частиц.

2) Все известные креольские языки имеют порядок слов SVO[13], в то время как пиджины наряду с SVO могут иметь и другой порядок слов — SOV, который встречается чаще.

3) Для всех креольских языков характерно активное использование редупликации как грамматического средства; в пиджинах (за исключением расширенных пиджинов)[14] редупликация не встречается.

При всей важности сформулированных выше отличий не следует их абсолютизировать. Отмеченные черты действительно отличают известные креольские языки от зафиксированных пиджинов. Однако, как было сказано выше, не

---

[13] Где S — подлежащее, O — прямое дополнение, V — сказуемое.

[14] *Расширенный пиджин* (extended или expanded pidgin) отличают бóльшая стабильность, появление некоторых новых грамматических черт (флективных элементов, редупликации и т. д.), а также, как правило, широкое использование его очень большими группами людей (примеры: тихоокеанский пиджин-инглиш, западно-африканский пиджин-инглиш и др.). К коммуникативной функции добавляются другие: на некоторые расширенные пиджины сделан перевод Библии (например, на западно-африканский пиджин-инглиш), на некоторых существует литература (тот же западно-африканский пиджин-инглиш, чинукский жаргон в Северной Америке, ток-писин в Папуа–Новой Гвинее и др.). К расширенным пиджинам можно с некоторыми оговорками отнести и русско-китайский, ср. песню по мотивам «Солнце всходит и заходит» из архива А. Г. Шпринцина (цит. по: Беликов б. г.): Сонца юла и миюла, // Чега фанза бушанго, // Караула сыпила юла, // Мая фангули акыно. Перевод: Солнце есть и нет, // Это жилище плохое, // Караул уснул, // Я разбил окно.

все пиджины становятся креольскими языками[15], и очень трудно предположить, какие черты имели бы креольские языки, если бы они сформировались на базе некоторых вышедших из употребления (т. е. так и не ставших креольскими языками) пиджинов. Так, представляется маловероятным, что в гипотетическом креольском языке на базе любого пиджина, возникшего при участии русского языка, вид, время и модальность выражались бы при помощи приглагольных препозитивных частиц.

Впрочем, для нашей темы важны не столько структурные черты креольских языков, сколько социолингвистические обстоятельства их функционирования. Во вновь образовавшихся сообществах (например, на плантациях в Карибском бассейне или на островах Тихого океана) креольский язык становится важным маркером формирующейся этничности. В качестве примера возьмем ситуацию, рассматриваемую Р. Ле Пажем и А. Табуре-Келлером в известной книге «Acts of Identity» (*букв.* «Акты идентичности»)[16] (Le Page, Tabouret-Keller 1985). Дело происходит в Белизе (бывшем Британском Гондурасе; стал независимым в 1976 году, до этого был британской колонией). Ниже приводится отрывок из интервью со школьником.

---

[15] Строго говоря, превращение пиджинов в креольские языки ничем не подтверждается и допускается лишь как «естественная» логическая возможность. Ни для одного креольского языка не зафиксировано предшествующего ему пиджина. Исключением считается «гавайский английский», который, как иногда утверждается, зафиксирован и на стадии пиджина, и на стадии креольского языка. Однако существует такое количество сомнений как в отношении фиксации материала, так и его интерпретации, что этот случай также нельзя считать доказанным (эти сомнения следует распространить и на так называемую гипотезу о биологической программе, построенную Д. Бикертоном преимущественно на гавайском материале (подробнее см.: Bickerton 1981; Bickerton 1984). Пожалуй, единственным основательным доводом в пользу развития креольских языков из пиджинов является тот факт, что некоторые креольские языки в том виде, как они зафиксированы в ранних источниках, обнаруживают черты, свойственные пиджинам.

[16] Ср. выражение «речевые акты» в лингвистике.

Мальчик: Ну, можно сказать, что я — белизец. Потому что... Ну, я родился в Белизе. Ну, я знаю немного историю Белизе. И все с самого начала называли себя белизцами, и я называю себя белизцем.
Исследователь: Как ты узнаешь другого белизца?
Мальчик: Ну, обычно в Белизе Вы слышите такой язык... главный язык здесь — этот вот жаргон (this slang), о котором я Вам говорил, ну, креольский язык. По нему Вы и узнаете белизцев. Вот. Они обычно на нем говорят. Очень мало кто умеет говорить по-английски или по-испански.

Принцип самоидентификации мальчика как белизца строится не на контрастивной основе. Он идет не «от противного» (ср. в качестве обратного примера древних греков, которые определяли как не-греков всех, чей язык звучал для них как barbarbar, — см.: Tabouret-Keller 1997: 315; ср. русское слово *варвар*), а, напротив, старается найти общие черты с теми людьми, которые тоже считают себя белизцами, т. е. точкой отсчета для него являются внутригрупповые признаки. Он говорит: «Я — белизец», — а быть «белизцем» для него означает, прежде всего, родиться в этом месте, а во-вторых, иметь в качестве родного (первого, основного) языка креольский, или, как он его называет, this slang, «этот жаргон». В этом случае язык выступает как поведение внутри своей группы, и именно на него ориентируется мальчик при самоидентификации.

Пути развития креольских языков

После того как креольский язык сформировался, возможны разные сценарии его развития. Он может сохранить свою структуру (не претерпевая больше существенных изменений) и продолжить функционировать как любой другой язык, «обслуживая» вновь образовавшуюся (этническую) общность. В другом случае может произойти *репиджинизация*, т. е. креольский язык может потерять статус родного языка, но продолжать функционировать как средство общения между различными языковыми группами (как это слу-

чилось, например, в Сенегале и Гвинее-Бисау, где с ликвидацией колониальной системы исчезли условия, вызвавшие появление креольского языка). Третий вариант развития представляет собой *декреолизацию*, которая происходит в том случае, если в регионе начинает активно использоваться тот европейский язык, который послужил для креольского языка языком-лексификатором. В этом случае возникает *посткреольский континуум*. В пределах такого континуума варианты креольского языка (в данном случае уместно говорить даже об *идиолектах*) распределяются между архаичным, лучше сохраняющим особенности креольского языка *базилектом* и *акролектом*[17], приближающимся к норме языка-лексификатора. В отличие от диалектного континуума (традиционное понятие, используемое в диалектологии) любой контактный континуум имеет не территориальную, а социальную обусловленность.

Возможность декреолизации зависит от социальной структуры и социальной мобильности социума, пользующегося креольским языком. Экспансия языка-лексификатора, проявляющаяся в активном использовании его в средствах массовой информации и образовании, может привести к полному «растворению» креольского языка в языке-лексификаторе (т. е. к его исчезновению) или к репиджинизации — если он продолжает обеспечивать коммуникацию с группами, у которых родными являются какие-либо другие языки. Однако и последний исход может быть не окончательным. Отмечены случаи, когда после репиджинизации, в случае потери группой социальной мобильности, возможно восстановление статуса креольского языка, или, другими словами, происходит *рекреолизация* (см., например: Mesthrie et al. 2000: 304; там же см. ссылки на работы других авторов).

---

[17] *Идиолект* — совокупность особенностей, характеризующих речь отдельного индивида; *базилект* — наиболее удаленная от языка-лексификатора разновидность креольского языка; *акролект* — наиболее близкая к языку-лексификатору разновидность креольского языка.

Число носителей креольских языков в мире очень велико, хотя обычно авторы не рискуют называть точные цифры. По самым приблизительным подсчетам, их не менее 8 миллионов. Креольские языки в одних странах до сих пор воспринимаются как маргинальные и имеют очень низкий статус, в других — становятся полноправными языками. Так, ток-писин[18] в Папуа–Новой Гвинее является одним из трех официальных языков страны наряду с английским и пиджином хири-моту. Проведенный опрос показал, что 44 % населения владеют ток-писином. С относительно недавних пор он получил письменность, используется в школьном образовании, средствах массовой информации и парламенте.

СМЕШАННЫЕ ЯЗЫКИ

Еще одним примером новых языковых систем, используемых вновь образовавшимися социумами, могут служить так называемые *смешанные языки* (mixed languages), возникшие как результат «переплетения» языков (language intertwining). Под смешанными языками с относительно недавних пор понимается вполне определенный класс языков с особыми структурными свойствами и сходной историей возникновения. Смешанные языки впервые были выделены в особый класс в работах П. Баккера, в частности в его диссертации (1994), которая послужила основой для публикации (см.: Bakker 1997). Он же ввел в оборот сам термин «смешанный язык», хотя об отдельных языках этого класса писали и раньше (см., например: Thomason, Kaufman 1988). Эти работы привлекли внимание лингвистов к проблеме «переплетения языков». В 1994 году состоялась конференция, посвященная

[18] Следует отметить двойной статус этого языка: для части населения он является креольским языком, для другой части — расширенным пиджином.

этой теме (см.: Mixed Languages 1994), за ней последовали еще две (1998, 2000)[19].

Возможно, сам термин «смешанные языки» не очень удачен и может ввести в заблуждение. Однако мы используем его, поскольку альтернативный термин intertwined languages, иногда используемый в англоязычной литературе, также представляется не лучшим выходом из ситуации, а кроме того, его можно передать по-русски только описательно; не вполне удачным кажется и другой термин — split languages. Следует особо подчеркнуть, что языки со значительным процентом заимствованной лексики, подвергшиеся сильной интерференции в области фонетики и синтаксиса, отнюдь не являются смешанными языками (в закрепившемся терминологическом значении): так, ни английский, ни идиш, ни африкаанс и т. п. к смешанным языкам не относятся.

> *Смешанный язык* — это язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем он возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения. Исходно все члены группы — билингвы, владеющие теми двумя языками, на базе которых возникает смешанный язык. Образовавшийся смешанный язык как бы составлен из различных частей языков-источников, при этом лексика взята из одного языка, а бóльшая часть грамматических структур — из другого.

В этом определении представлена инвариантная схема смешанного языка, что помогает понять суть явления, но данное определение, как и любое другое, несколько упрощает ситуацию. В частности, не абсолютно вся лексика берется из одного языка, «составная» грамматическая структура — это всегда нечто большее, чем простое механическое смешение.

---

[19] Из последних публикаций можно указать на выпуск журнала «Bilingualism: Language and Cognition» (2000. Vol. 3, N 2), целиком посвященный смешанным языкам.

Язык алеутов острова Медный

Одним из примеров таких смешанных языков может служить язык алеутов острова Медный[20]. Не вдаваясь в подробности, основные черты *медновского языка* можно охарактеризовать (с точки зрения их происхождения) следующим образом. Алеутский язык послужил источником указательных местоимений, послелогов, системы именного словоизменения, именного и глагольного словообразования, некоторых зависимых глагольных форм, большей части лексического состава (имена и глаголы). Из русского языка пришли русское глагольное словоизменение (время, лицо, факультативно — род), инфинитив (в алеутском такой формы нет), показатель отрицания, модель образования будущего времени, субъектные местоимения, союзы, частицы, наречия, бóльшая часть синтаксических конструкций, императив. С фонетической точки зрения, медновский язык представляет собой своего рода компромисс между алеутским и русским языками в том смысле, что под влиянием русского произошло «переразложение» некоторых алеутских фонем; это, в свою очередь, привело к появлению фонем, не существующих ни в одном алеутском диалекте. Если говорить о степени выраженности алеутской и русской фонологических систем в медновской фонологической системе (которая, несомненно, является самодостаточной), то следует признать, что алеутская доля гораздо более значительна. В медновском сохранились некоторые специфические, алеутские по происхождению, фонемы, долгота гласных. В русской речи носителей медновского языка заметен характерный акцент.

Мы не будем здесь подробно анализировать медновский язык с лингвистической точки зрения[21]. В качестве ил-

---

[20] Медновский язык стал известен лингвистам после публикации Г. А. Меновщикова (Меновщиков 1964).

[21] Более подробные сведения о структуре медновского языка см.: Golovko, Vakhtin 1990; Golovko 1996; Головко 1997.

люстрации приведем отрывок из диалога[22] носителей — информанта 1 и 2 (соответственно И-1 и И-2) — медновского языка; запись сделана в 1988 году и полностью опубликована в работе Е. В. Головко (Головко 1988). Для того чтобы дать более полное представление о том, как именно «переплелись» в составе медновского алеутский и русский языки, во всех словах дано поморфемное членение, при этом русские по происхождению морфемы даны прямым шрифтом, алеутские выделены курсивом; одинарные косые черты обозначают паузы, двойные косые — конец высказывания.

И-1: Первый клааса-*м ила* кагда *тин' ачига-к'алии-л* / клааса-*м 'узу-н'и атак'ан асла сичин'* клааса-*н у-л-и* / *'узу-н'и атак'ан асла у-л-и* // Апалинарий ищо / Степан Емельяныч / Маисей / виичира-*м* шкооли-*м агала-га-ан* / *'ин'ама-та-л* / фискультурна-*х'* пирамиида-*н агу-за-л-и* / а ми их *к'учигин'и* / тоозе *аги-та-л-и* //
И-2: А вы *к'анаану тхичи ачига-л-и* / клууба-*м ила*? //
И-1: Клууба-*м ила* // *атак'ан асла 'узун'и* клааса-*м у-л-и* / *атак'ан* учиитила-*х'* тоозе *у-л* // ани перероостка-*н у-л-и* / Апалинарий / Сергей / Степан / Ипатий // *луйааг'и-ма-ан* намноого вить *у-л-и* // помню / *'ин'ама-та-х* / пастанооfка-*х агу-х'та-л-и* алеуутский *упсу-х* / *Тулу-м ула-га куга* // Ипатий *угуну-л* свой *'их'так'аа* / эй / *Тулу-м ула-га куга* литоофка-*х' ата-ит* / *тхичих аалу-к'алии-л-и* // *ти* радистаа-л уже / или учиниика-*х'* *у-л*? //
И-2: Я у Клюс *ила тин' ачига-л* //
И-1: Емельян *аба-л* радистаа-*л*? //
И-2: Емельян *аба-л* / да / Емельян да Клюс *агиита-л* //

Перевод:

И-1: *В первом классе когда я учиться-начинал / классы все в одном помещении четыре класса были / все в одном помещении были // Аполлинарий еще / Степан Емельянович / Моисей / вечером после школы / это-самое / физкультурные пирамиды делали / а мы между ними / тоже вместе были //*

[22] Здесь уместно повторить сн. 9 из этого раздела, только на этот раз в отношении смешанных языков.

И-2: *А вы где учились / тоже в клубе? //*
И-1: *В клубе // В одном помещении все классы были / один учитель тоже был // Они переростки были / Аполлинарий / Сергей / Степан / Ипатий // Старше нас намного ведь были // Помню / это-самое / постановку делали (на) алеутском языке / в доме Тулуха // Ипатий забыл свои слова / эй / в доме Тулуха литовка*[23] *горит / засмеялись // ты радистом-работал уже / или учеником был? //*
И-2: *Я у Клюса учился //*
И-1: *Емельян работал радистом? //*
И-2: *Емельян работал / да / вместе-с Клюсом //*

Очень важно отметить, что социолингвистические условия возникновения медновского языка определялись появлением новой (этнической) группы — так называемых креолов. Креолами (официальное название, использовавшееся в документах Российско-американской компании, до 1867 года контролировавшей территорию Русской Америки) назывались потомки от браков русских промышленников и алеуток. Креолы имели официально закрепленный социальный статус (имевший, что очень важно, и экономическое выражение в виде разного рода льгот и привилегий) и занимали промежуточное положение между русскими и алеутами. До появления медновского языка все они были двуязычны — владели алеутским языком (родной язык) и русским. Вероятно, новый язык мог возникнуть, стабилизироваться и закрепиться в качестве языка внутригруппового общения только благодаря тому, что он выступал как еще один, возможно, самый важный этнический маркер для вновь образовавшейся социальной группы.

Кроме медновского, отмечено несколько языков с похожей структурой, возникших в более или менее сходных социолингвистических условиях в самых разных концах света. В Северной Америке это язык *мичиф* 'Michif', возникший на базе языка индейцев кри и французского; название происходит от искаженного старофранцузского Metif —

[23] Светильник из жира нерпы.

так называли детей от смешанных браков французских «промышленников» и индейских женщин. В Южной Америке это *медиа ленгва* (Media Lengva, *букв.* «полуязык»), на котором говорит около тысячи человек в Центральном Эквадоре. Язык образовался из «переплетения» языка кечуа и испанского; возник в среде индейцев, завербованных строительной компанией для постройки железной дороги и покинувших родные места. Подобные языки обнаружены в Восточной (*маа* 'Ma'a', или *мбугу* 'Mbugu') и Южной (*бастерс* 'Basters', или *гриквас* 'Griekwas') Африке, в Юго-Восточной Азии (*кройо* 'Krojo', или *печу* 'Pechu'), в Центральной Америке (так называемый *мужской язык островных карибов*), в других местах. К этому же классу относят все *пара-романи языки*[24], а также языки некоторых других «бродячих племен», такие как *калахуайя* 'Calahwaya' или *шелта* 'Shelta' (подробнее обо всех этих языках см.: Mixed Languages 1994; Bakker 1997).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что смешанные языки не имеют ничего общего ни со случаями конвергенции (наподобие той, что происходит в языковых союзах), ни с пиджинами и креольскими языками. Смешанные языки отличаются от пиджинов буквально по всем пунктам. Главное отличие состоит в том, что никакого коммуникационного вакуума, который предшествовал бы возникновению нового языка, не существует, т. е. появление смешанного языка отнюдь не обусловлено отсутствием общего средства коммуникации. Группа, которая в дальнейшем начинает пользоваться смешанным языком, исходно всегда двуязычна. Выбор между тремя возможностями — язык *A*, язык *B* или одновременное использование языков *A* и *B* (переключение кодов) — не удовлетворяет группу, и она находит еще одну возможность — использовать в качестве родного (начиная со второго поколения говорящих) новый язык, со-

[24] Термин «пара-романи» введен, чтобы отличить их от собственно цыганского, *романи*, использующего «исконную» грамматику (см.: Cortiade 1991).

зданный на базе языков *A* и *B*. Каждая конкретная социолингвистическая ситуация, которая способствовала образованию всех упомянутых выше смешанных языков, имеет свои особенности, однако их объединяет одно важное обстоятельство. Главная причина появления нового (смешанного) языка — конструирование группой, поначалу занимающей маргинальное положение, собственной идентичности. Вновь образовавшаяся группа в качестве одного из маркеров этничности использует вновь образовавшийся язык[25].

Формирование смешанного языка

Каков возможный сценарий возникновения смешанного языка? Появляется ли он спонтанно, или члены группы предпринимают сознательные усилия для формирования или, по крайней мере, закрепления складывающейся лингвистической структуры? В литературе можно встретить (хоть и нечасто) утверждения, что некоторые культуры отличаются особой чувствительностью к языку и что в этом случае не исключаются сознательные акции внесения в язык изменений прежде всего как различительного признака, который позволял бы одной (этнической) группе отличаться от другой[26]. При всей привлекательности такой позиции ее довольно трудно подкрепить фактами. Однако можно найти достаточно много косвенных указаний на то,

---

[25] Это, несомненно, справедливо в отношении смешанных языков тех групп, которые образовались в результате заключения смешанных браков, — медновского, мичиф, медиа ленгва, а также, возможно, некоторых других. Что касается пара-романи и других языков «бродячих племен», таких как калахуайа, шелта, то фактор самоидентификации, очевидно, также сыграл свою роль, однако более важным представляется то, что вновь образовавшиеся языки могли играть роль тайных языков (о тайных языках см. ниже; подробнее о различии смешанных и тайных языков см.: Bakker 1998).

[26] См., например, работу Д. Кулика (Kulick 1992), где автор таким образом объясняет разнообразие языков в Папуа–Новой Гвинее.

что носители языка осознают грамматические элементы, а это является необходимым условием для того, чтобы сознательно вносить в язык изменения. Такое осознание может иметь место только в условиях развитого двуязычия, когда у носителей появляется возможность сопоставления и интуитивного осознания значения отдельных языковых элементов. Это дает возможность заимствования не только лексики, но и грамматических показателей[27].

Еще одним аргументом в пользу сознательного конструирования может быть скорость, с которой возникают смешанные языки. По обычным историко-лингвистическим меркам, это происходит стремительно — буквально в течение жизни двух поколений. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что одно поколение «изобретает» язык (продолжая говорить на двух других, из которых один является родным), для следующего поколения новый язык (смешанный) уже является родным и служит средством внутригруппового общения. «Родители» смешанного языка им тоже известны и используются при общении с другими группами; в дальнейшем один из языков-источников, как правило менее престижный, перестает употребляться; так, медновцы не знают «чистого» алеутского, английские цыгане не знают «настоящего» цыганского и т. д.

Однако главным аргументом в пользу предположения о сознательном конструировании языка является тот факт, что лингвистический механизм, который лежит в основе любого смешанного языка, продуктивен и активно используется в различных других ситуациях. В работе П. Баккера (Bakker 1997: 200, со ссылкой на: Smout 1988) приводится пример языка, которым пользуются американские миссионеры-мормоны, работающие в Японии (нами все японские слова выделены курсивом; для удобства сопоставления оставлен перевод на английский язык).

---

[27] Так, С. Томасон (Thomason 1997) допускает возможность (в условиях двуязычия) «сознательного перенесения какой-либо черты из одного языка в другой».

Hey dode, have you *benkyo*-ed your *seiten*-s for our *shukai*
study scripture meeting
today yet?
(Hey companion, have you studied your scriptures for our meeting today yet?)

В этом языке вся грамматика из английского языка, бóльшая часть лексики — из японского. Все миссионеры знают английский (родной язык) и японский. В повседневной жизни в Японии они используют японский. Общаясь со своими товарищами, говорят на сенкйосиго (*Senkyoshigo*), пример из которого приведен выше. Конечно, Senkyoshigo, так сказать, не вполне язык. Он ни для кого не является родным. Состав группы, использующей его, непостоянен. Вероятно, и в возникновении этого языка важную роль сыграл фактор групповой самоидентификации. Однако в данном случае, скорее всего, немаловажным было и то, что Senkyoshigo до некоторой степени может выполнять роль «тайного языка»[28] (выше указывалось, что это относится и ко всем смешанным языкам, используемым «бродячими племенами»).

В отношении Senkyoshigo не приходится сомневаться в его искусственном происхождении. Однако здесь важно то, что устроен он по тому же самому принципу, что и все смешанные языки. Можно допустить, что лингвистический механизм «переплетения» языков встречается чаще, чем это принято думать. Знаменитая фраза Л. В. Щербы «Глок*ая* куздр-*а* штек-*о* будлану-*ла* бокр-*а* *и* курдяч-*ит* бокр*ен-ка*» есть не что иное, как предложение на «неизвестном» смешанном языке, «родители» которого — русский (дал всю

[28] Под «тайным языком» в данном случае понимается специально созданный код, позволяющий исключить из общения «чужих». Такие языки, как правило, строятся на одном из двух принципов: 1) фонетические искажения (искажение или замена фонем и/или добавление пустых слогов и/или метатезы); 2) лексические искажения (замена лексики, полностью или частично, на слова из другого языка или на выдуманные слова). В обоих случаях сохраняется грамматика родного языка; см. (Bakker 1998: 73).

грамматику) и «язык N» (дал всю лексику). Аналогичные примеры можно найти у Льюиса Кэрролла. Эти образцы профессиональной языковой игры, приведшей к созданию целого «языка» (как в случае с Senkyoshigo) или отдельных фраз, построенных по той же модели, косвенным образом свидетельствуют о том, что и стабильные смешанные языки могли появиться как результат сознательных действий носителей. Принцип «переплетения» можно обнаружить и во многих других случаях, например в речи современных русских эмигрантов, когда отдельные фразы могут строиться по этому принципу (иными словами его можно назвать «стопроцентной релексификацией»): «*на-слайс-айте мне* турк-*и*» ('нарежьте мне индейки'). Ср. также еще один, не менее знаменитый щербовский пример: «Bring die *банка* mit *варенье* von der *полка* im *чулан*» (Щерба 1974: 72).

Каков предполагаемый сценарий конструирования смешанного языка? Прежде всего, это возможно только в двуязычном коллективе, для которого типична высокая степень владения обоими языками. Скорее всего, следует отвергнуть идею переключения кодов как исходного толчка к конструированию смешанного языка — в структурном отношении между ними трудно найти много общего (хотя речевое поведение, характеризующееся постоянным переключением кодов, вероятно, в качестве фона должно быть свойственно группе, которая в дальнейшем переходит на смешанный язык).

Моделью создания смешанного языка, видимо, служат обычные лексические заимствования, или, точнее, смешение кодов. Под *смешением кодов* условимся понимать то, что предшествует полноценному лексическому заимствованию, т. е. случаи употребления еще не «прижившихся», не адаптированных слов. Разница между смешением кодов и заимствованием заключается в том, что смешение кодов принадлежит речи, а заимствование — языку. У смешения кодов есть шанс превратиться в заимствование, если употребленное окказионально чужое слов начнет регулярно употребляться большим числом носителей. У Пушкина

панталоны, фрак, жилет — смешение кодов, позже все эти слова стали заимствованиями. В ситуации устойчивого двуязычия число заимствований из одного языка в другой очень значительно (особенно если один из языков доминирует в социальном отношении), часто происходит смешение кодов. Большое число заимствований и случаев смешения кодов может естественным образом привести к мысли о возможности языковой игры, основанной на этом принципе. Смысл ее сводится к тому, чтобы довести число заимствований (случаев смешения кодов) до предела, а именно до ста процентов, т. е. смешивать коды там, где ситуация этого вовсе не требует. Иными словами, игра заключается в полной релексификации (замене лексики) языка. Вновь образовавшейся группе, которой важно закрепить свою этничность любыми возможными способами, такая «находка» может показаться подходящей. Если эта языковая игра получит «одобрение» самых авторитетных членов языкового коллектива и будет подхвачена ими, то из игры это может превратиться в престижный способ говорить. А престижные образцы речи, как известно, быстро перенимаются остальными членами языкового коллектива, особенно если коллектив не очень велик[29].

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк. М., 1998. С. 10–34 (Гл. 1. Основные понятия креолистики).

Головко Е. В. Язык медновских алеутов // Языки мира: Палеоазиатские языки. М., 1997. С. 117–125.

[29] Этот гипотетический процесс внесения изменения в язык, по существу, мало отличается от обычных акций по языковому планированию, проводимых на государственном уровне (ср. примеры в гл. 6).

Головко Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности // Вестник молодых ученых (Мастер-класс). 2001. № 4. С. 3–10. (См. также расширенный вариант этой статьи: Golovko E. V. Language Contact and Group Identity: The Role of «Folk» Linguistic Engineering // The Mixed Language Debate: Theoretical and Empirical Advances / Ed. by Y. Matras, P. Bakker. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 177–208).

Arends J. The Socio-Historical Background of Creoles // Pidgins and Creoles: An Introduction / Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995. P. 15–24.

Bakker P. Pidgins // Ibid. P. 25–40.

Bakker P. A Language of Our Own: The Genesis of Michif, the Mixed Cree-French Language of the Canadian Metis. New York; Oxford, Oxford Univ. Press, 1997. P. 192–213 (Ch. 7. Ethnogenesis and Language Genesis: A Model).

Hock H. H. Principles of Historical Linguistics. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1986. P. 473–485 (Ch. 16.1), 485–491 (Ch. 16.2).

Smith N. An Annotated List of Creoles, Pidgins, and Mixed Languages // Pidgins and Creoles: An Introduction / Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995. P. 331–374.

Tabouret-Keller A. Language and Identity // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell, 1997. P. 315–326.

Дополнительная литература

Беликов В. И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1987. С. 90–108.

Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. С. 164–165 (Разд. 4.3.2. Несоответствие языковых и неязыковых явлений), 173–175 (Разд. 4.6. Формирование новых языков). (См. также более раннее издание: Киев, 1979).

Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1987. С. 8–26 (Введение).

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 61–80.

Bakker P. Rapid Language Change: Creolization, Intertwining, Convergence // The Depth in Historical Linguistics / Ed. by C. Ren-

frew, A. McMahon, L. Trask. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 1999. P. 585–620.

Golovko E. V. Mednij Aleut: A Russian-Aleut Mixed Language // Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining / Ed. by P. Bakker, M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 113–121.

Le Page R. B. «You Can Never Tell Where a Word Comes From»: Language Contact in a Diffuse Setting // The Sociolinguistics Reader. Vol. 1. Multilingualism and Variation / Ed. by P. Trudgill, J. Cheshire. London, etc.: Arnold, 1998. P. 66–89. (Первоначальную публикацию см.: Language Contact: Theoretical and Empirical Studies / Ed. by E. H. Jahr. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992).

Le Page R. B., Tabouret-Keller A. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 1–16 (Introduction).

Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining / Ed. by P. Bakker, M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994.

Thomason S. G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley, etc.: Univ. of California Press, 1988.

Глава 6

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА. ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА. ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Этническое самосознание группы зависит, в числе прочих факторов, и от интенсивности контактов. В изолированных обществах этническое самосознание не проявляется, поскольку в них существует расовое, языковое и культурное единство. Община, никаким образом не контактирующая с другими расами, языками и культурами, уверена, что она-то и представляет человечество в целом, а не одну из его ветвей. Этот факт отражается в практике этнических самоназваний: члены такой общины на вопрос, кто они такие, отвечают — «люди».

С увеличением контактов между культурами этническое (национальное) самосознание участвующих в контактах общин растет. Чем больше культура знает о других культурах, тем больше ее носители осознают себя представляющими *часть* человечества, а не все человечество. Если принять такой подход, то становится понятно, почему в современном мире национальное самосознание — а соответственно и национальные конфликты — растут, а не сходят на нет, как предсказывали ученые конца XIX — первой половины XX столетия (см.: Pipes 1975).

Рост национального самосознания является причиной появления *национализма* как политического движения и как чувства. Эрнст Геллнер, один из наиболее влиятельных ученых, исследовавших феномен национализма, понимает под этим термином «...политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер 1991). Иначе говоря, национализм — это идеология, стержнем которой является идея об обязательном доминировании какой-либо

этнической общности в пределах государства: национальное государство — это государство, где господствует одна этническая общность (подробнее об этом см.: Скворцов 1996: 144–152). Эта этническая общность испытывает постоянную потребность в утверждении и поддержании своих культурных маркеров; поскольку одним из основных этнических маркеров является язык, в национальном государстве резко возрастает важность языковых вопросов.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Национальное государство всегда встает перед необходимостью проведения определенной языковой политики и языкового планирования (строительства).

Языковая политика государства есть часть общей политики государства. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков, которые имеют хождение на его территории, и реализует эту политику в виде языкового планирования. *Языковое планирование* — это часть более широкого понятия «языковая политика», или, точнее, — это *реализация* языковой политики.

Приведем один пример (ситуация здесь несколько упрощена по сравнению с реальной). В 1947 году Индия получила независимость. При обсуждении вопроса о языковой политике Федеральное правительство приняло решение в качестве общегосударственного языка отказаться от английского и избрать хинди, при этом каждый штат имел право на свой собственный официальный язык. В ряде случаев были даже изменены границы штатов, чтобы достичь большей языковой однородности административных территорий. На развитие хинди как государственного языка были потрачены значительные средства: издавались словари, энциклопедии, книги, стандартизировались клавиатуры пишущих машинок и телеграфных аппаратов. Параллель-

но каждый штат тратил силы и средства на развитие собственного языка (специальные комитеты разрабатывали литературные стандарты, техническую терминологию и т. п.). Однако несмотря на предпринятые действия, политика не увенчалась полным успехом, и в 1967 году английский был восстановлен в правах в качестве второго официального языка.

Не следует считать, что государство — это единственный орган, который способен иметь языковую политику и проводить в жизнь языковое планирование. В этот процесс могут быть вовлечены и общественные силы. Эти общественные силы или группы могут печатать книги на языке, который они хотели бы сохранить, организовывать преподавание этих языков, культурные события на этих языках и т. п.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Есть случаи *индивидуального языкового планирования*, когда собственную «языковую политику» осуществляют отдельные личности — точнее, когда их действия приводят к заметным изменениям в судьбе языка. Приведем несколько наиболее известных примеров.

Сэмюэль Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) — крупнейший английский писатель, драматург и лексиколог, составитель нормативного словаря английского языка (A Dictionary of the English Language, 1755), который сыграл громадную роль в стандартизации английского языка XVIII века. Значение этого словаря, многократно переиздававшегося, сохраняется до сих пор.

Его американский коллега, **Ной Вебстер** (Noah Webster, 1758–1843), издал в 1783–85 годах «Grammatical Institute of the English Language» — знаменитый «синий справочник» («blue-back speller»), который был настольной книгой для многих поколений американских школьников. Его «Американский

словарь английского языка» (1828) принес ему редчайшую славу — сделал фамилию автора (точнее — псевдоним) нарицательной.

Еще одной знаменитой парой «индивидуальных языковых политиков» являются норвежцы **Ивар Аасен** (Ivar Aasen, 1813–1896) и **Кнуд Кнудсен** (Knud Knudsen, 1812–1895), которые в середине XIX века создали и возглавили группу энтузиастов, благодаря усилиям которой в конечном счете появился второй норвежский язык (*ландсмол*), созданный на базе норвежских диалектов. Этот язык впоследствии стал одним из двух литературных норвежских языков (параллельно с языком *бокмол*) и известен сегодня под именем *нюнорск*.

Пожалуй, самый знаменитый, во многом уникальный пример — **Элиэзер Бен-Егуда** (Eliezer Ben Yehuda, 1857 или 1858–1922). Делом жизни этого человека было возрождение иврита как устного языка. В течение 1700 лет иврит не использовался как разговорный язык, а употреблялся лишь для молитвы и чтения священных текстов. Бен-Егуда поставил своей задачей создать в Палестине семейный и дружеский круг, в котором говорили бы на иврите. Кроме того, он первым стал издавать на иврите газету и составил монументальный 16-томный «Словарь древнего и нового иврита». Труд Бен-Егуды и его последователей начал давать плоды очень быстро. Уже в начале XX века появилось значительное число ивритских школ и появились первые люди, говорившие на иврите. В значительной степени именно Бен-Егуде сегодняшний Израиль обязан тем, что у страны есть полноценный государственный язык.

Попытки «индивидуального языкового планирования» предпринимаются не так уж редко, хотя, конечно, далеко не всегда приводят к таким впечатляющим результатам. Почти каждый лингвист, работавший «в поле» с бесписьменным языком, встречал среди местных жителей людей, которые, не имея специального образования, увлеченно занимались изобретением алфавитов, составлением словарей и пытались внедрить результаты своих трудов среди односельчан. Как правило, именно эти люди считаются в поселках экспертами по вопросам языка: они помнят ред-

кие и вышедшие из употребления слова, держат в памяти большое число фольклорных текстов, именно к ним обращаются с вопросом «как лучше сказать».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Государственное языковое планирование осуществляется через соответствующие учреждения: академии, институты, комиссии. Задача такого учреждения — создать орфографию для бесписьменного языка, реформировать существующую орфографию, создать новую терминологию и др.

Ежедневные (неосознанные) речевые практики людей часто входят в противоречие с установленными академией правилами, и развитие языка в этом случае идет туда, куда хотят люди, а не туда, куда хочет академия. Например, в Южной Америке были многочисленные попытки заменить английские заимствования на испанские слова (новые, придуманные, или существующие). Однако говорящие упорно продолжают пользоваться английскими заимствованиями. Французское правительство в 1975 году даже провело закон, в соответствии с которым вводились штрафы за употребление английского заимствования там, где есть соответствующее французское слово (*ticket* вместо *billet* и т. п.).

Как правило, языковая политика оказывается достаточно эффективной для письменной формы языка, но не для устной: государство может способствовать возникновению, развитию и утверждению литературного стандарта, который значительно отличается от разговорного языка.

Можно выделить три основных этапа языкового планирования.

Отбор языка (это касается главным образом развивающихся стран). С проблемой выбора государственного языка столкнулись почти все страны, освободившиеся от колониального господства. Здесь не существует единого

рецепта: не всегда в качестве государственного выбирается самый крупный язык и даже не всегда — один из автохтонных языков. Так, Индонезия выбрала баха-индонезийский, Мозамбик — португальский.

Определение отношения к языкам меньшинств. Поддерживать ли языки меньшинств, терпеть их или подавлять? Использовать ли их в управлении, в образовании? Если выбирается политика подавления, то она может быть как явной, так и скрытой; в последнем случае языковое планирование часто ведет к отмиранию языков меньшинств.

Языковое строительство[1]. Этот этап включает создание алфавита и правил орфографии для языка, существующего в устной форме, развитие терминологии, развитие школьного преподавания, издание литературы.

Термин «языковое строительство» может ввести в заблуждение. Следует отчетливо понимать, что попытки оказать прямое воздействие на структурную сторону языка обычно ни к чему не приводят. Нельзя заставить население страны перестать употреблять тот или иной падеж или грамматическую конструкцию; невозможно прямыми действиями изменить речь людей. Попытки воздействия тем эффективнее, чем большее влияние оказывается на структурную сторону языка через его функциональную сторону.

> Сознательная воля влияет на структуру языка только через посредство его функциональной стороны, и это влияние, хотя и нарастает со временем, все же по сравнению со стихийным развитием имеет весьма ограниченные пределы (Аврорин 1970: 32).

Направление языковой политики выбирается исходя из разных принципов; существует два основных подхода к проблеме «оптимального языка», т. е. такого, который наилучшим образом обслуживал бы языковую общность.

---

[1] В некоторых публикациях термин *языковое планирование* используется как «западный» (т. е. переводной с английского языка) аналог «российского/советского» термина *языковое строительство* (см., например: Мечковская 2000: 224). На наш взгляд, такое разделение выглядит искусственным.

Инструментальный подход, т. е. подход к языку как к инструменту. Этой точки зрения обычно придерживаются непрофессионалы: подразумевается возможность оценки языка, его изменения, регулирования, улучшения и даже создания нового языка. Лингвисты якобы способны указать, какие конструкции логичны, а какие нет, в особенности если речь идет не о языке в целом, а о какой-либо конкретной подсистеме языка. Так, можно сказать, что та или иная *языковая черта в одном языке лучше, чем в другом, с какой-то определенной точки зрения*. Например, по мнению сторонников такого подхода, фонетическая система одного языка может быть проще, чем другого (см.: Tauli 1968). Однако ловушка здесь в словах «*с какой-то определенной точки зрения*», поскольку та же самая «менее логичная» черта с другой точки зрения может оказаться как раз, наоборот, более логичной и экономной. Э. Хауген (Haugen 1971) совершенно справедливо критикует такой подход, считая, что он бесперспективен, — тем не менее именно этот «любительский» подход довольно распространен.

Сторонники **социолингвистического подхода** утверждают, что подобное прямое сравнение языков с целью выяснить, какой из них «лучше», невозможно и бессмысленно. Эта позиция базируется на двух принципах: а) все известные языки представляют собой знаковые системы, имеющие равную ценность; б) при языковом планировании необходимо обращать внимание не столько на структурную, сколько на социальную сторону проблемы. По этому поводу Э. Хауген писал:

> ...оценивая языки по стандартам формальной логики, мы видим, что естественные языки избыточны и неоднозначны. Человек, знакомый с двумя языками, полностью отдает себе отчет, что ни тот ни другой не являются «идеальными». Это, скорее всего, и есть причина развития логики и математики, которые позволяют избежать логического несовершенства естественного языка. Но кому взбредет в голову заменить язык математикой в повседневной жизни? Богатое разнообразие языков — это часть условий существования человека. Уничтожить это

разнообразие, чтобы сделать языки полностью логичными или одинаковыми, — не только сизифов труд, но и чудовищная, недостойная гуманиста цель (Haugen 1971: 288).

При этом подходе, следовательно, не существует примитивных языков, т. е. таких, которые по своим *структурным* характеристикам не могли бы претендовать на роль государственных. Другое дело, что по своим *функциональным* характеристикам многие языки не могут претендовать на эту роль.

Таким образом, с точки зрения социального подхода, языковое планирование — это часть социального планирования; это — *совокупность сознательных мер воздействия на функциональную сторону языка.*

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ШАГОВ ПРИ ЯЗЫКОВОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Языковое планирование предполагает определенную последовательность действий.

1) **Социолингвистические исследования.** Для многих стран эта задача очень дорогостоящая. Известен четырехлетний проект в Эфиопии (середина 1970-х годов), в котором участвовало около десятка исследователей — изучалось положение с 70 языками (с числом носителей от почти 8 миллионов до 250 человек).

Иногда такого рода исследования дают неожиданный результат. Известен английский проект по изучению языковых меньшинств (Linguistic Minority Project in Great Britain), целью которого было изучить, на каком языке говорят жители разных частей Англии. Среди прочего обнаружилось, что в одном из районов Лондона школьники разговаривают на 87 языках, из которых самые крупные — отнюдь не английский, а турецкий и греческий.

2) **Определение целей и конкретных шагов языкового планирования.** Осуществляется *отбор* языка (так, в Танзании был избран суахили, в соседней Кении — английский) и определяется *отношение к языкам меньшинств.*

Часто целью языкового планирования является *стандартизация* языка, для чего нужна *кодификация* как обязательный этап. Это серьезная проблема, когда дело касается языка с сильным диалектным дроблением. В таких случаях государство вынуждено выбрать один из диалектов («базовый диалект») и развивать на его основе стандартный язык, хотя заведомо известно, что носителям других диалектов придется учиться писать на языке, который достаточно далек от их разговорного варианта.

Многочисленные трудности возникают и при выборе системы письма. Хороший пример — язык *кечуа* ('Kechua', Эквадор). Выбор алфавита сомнений не вызывал, проблема заключалась в том, как записывать слова. Ср.:

Звучание	Значение	Письменный вариант	
		1-й	2-й
[kasa]	«мороз»	kasa	casa
[kiri]	«зуб»	kiri	quiri
[wasi]	«дом»	wasi	huasi/guasi
[wira]	«жир»	wira	huira

Лингвисты, работавшие в Эквадоре, предложили первый вариант как более простой и логичный. Однако буква [w] присутствует только в английском алфавите, в испанском ее нет. Буква [k] в испанском есть, но только в иностранных словах. Эти буквы ассоциируются в сознании большинства грамотных испано-говорящих эквадорцев с американским английским и через него — с «американским империализмом»; если бы индейцы кечуа стали писать на своем языке с использованием такой орфографии, они бы автоматически были отождествлены другими этническими группами как «проамерикански настроенные». В то же время второй вариант технически неудобен и, поскольку он близок к испанской орфографии, как бы подчеркивает зависимость кечуа (народа и языка) от испанского. Аналогичные примеры можно привести и из истории языкового строительства в СССР в 1930-е годы.

3) Наконец, важным элементом языкового планирования является **модернизация языка**. Основное проявление модернизации — *развитие словаря*. Это особенно касается новых государственных языков, которые не имеют развитых лексических систем, способных охватить такие, например, сферы, как преподавание точных наук. Классический и самый поразительный пример — *иврит*: когда этот язык стал государственным, в нем не было огромного количества самых необходимых слов: названий деталей автомобилей, военных терминов, названий инструментов, да и просто мебели и кухонной утвари. За несколько десятков лет эти термины были созданы и введены в повседневный оборот.

Существуют разные пути развития словаря: а) образование сложных слов, б) образование новых форм слова с использованием словообразовательных возможностей языка, в) адаптация иностранных слов, г) расширение значений имеющихся слов. Приведем один пример.

Язык *пилипино* 'Pilipino', государственный язык Филиппин, создан на основе языка *тагалог* 'Tagalog'. С 1964 года Научный Комитет Филиппин разрабатывает словарь основных научных и технических терминов. Ниже приведены примеры некоторых результатов словарной работы этого Комитета.

Словосложение	buumbilang *целое* (число) bahagimbilang *дробь*	bou + bilang 'целое' + 'число' bahagi + bilang 'часть' + 'число'
Деривация	pamahiga *знаменатель* sabansain *национализировать*	pang- + bahigi инструментальный префикс + 'часть' sa- + bansa + -in префикс деятеля + 'нация' + суффикс деятеля
Сочетание деривации и словосложения	dalibwikaan *лингвистика*	dalib + wika + -an 'знаток' + 'язык' + суффикс процесса

Адаптация иностранных слов: eruplano 'самолет', ampir 'ампер'
Расширение значения слов или использование диалектных слов:
тагалог: mikmik 'очень маленький' → *пилипино*: mikmik 'микроскоп'
тагалог: lupa 'земля', *весайский диалект тагалог*: duta 'земля' → *пилипино*: lupa 'земля — почва', duta 'Земля — планета'.

С проблемой модернизации языков столкнулись после обретения независимости некоторые бывшие советские республики. Введение полного среднего и высшего образования потребовало разработки дополнительной терминологии.

Нужно подчеркнуть, что процесс модернизации языка в действительности не является новым. Как показал Фергюсон (см.: Ferguson 1996), это тот же процесс, который наблюдался в английском языке в XV, в русском — на рубеже XVIII–XIX, в венгерском — в XIX веке. В некоторых случаях «модернизация» языка происходила без всякого сознательно осуществлявшегося языкового планирования. Языковое планирование подобно неосознанному, естественному развитию языка, но с той оговоркой, что существенно ускоряет процесс и делает его универсальным и контролируемым.

4) **Внедрение всех предложенных лингвистами разработок** — заключительная стадия языкового планирования. Оно предполагает печатание нормативных словарей и справочников, школьных и вузовских учебников, подготовку учителей, организацию обучения дикторов радио и телевидения и т. п.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ЯЗЫКА ПРИ ЯЗЫКОВОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Можно выделить несколько групп таких факторов.

1) **Социально-демографические факторы** включают число языков, число говорящих на них и их географическое распространение. Например, в Нигерии более 200 языков,

из которых главные *хауса* (20 млн), *йоруба* (20 млн) и *ибо* (5 млн). Из-за примерного численного равенства этих народов и соответственно относительного языкового равновесия в качестве официального языка был выбран *английский*. С другой стороны, в Эфиопии, где около 40 % населения[2] — народ амхара, официальным языком стал *амхарский*.

2) **Географическое «расположение» языка** также играет важную роль. Например, Индонезия и Малайзия — островные государства, состоящие из тысяч островов. Основным морским торговым путем для архипелага всегда был Малаккский пролив, разделяющий остров Суматра (Индонезия) и Малайзию. По обе стороны пролива живут малайцы; их язык стал вначале своего рода лингва франка для всего региона, а затем и официальным языком Малайзии и основой для языка *баха-индонезия*, или официального индонезийского языка, притом что ни в культурном отношении, ни по численности носителей малайский не является основным языком региона.

3) **Языковые факторы.** Здесь имеется в виду генетическая близость языков, их сравнительная «простота», а также степень модернизации. Языки недостаточно модернизированные не могут претендовать на роль официальных языков; языки, генетически удаленные от значительной части языков страны, также имеют меньше шансов стать официальным или государственным языком. Так, в Танзании более 90 % населения говорит на языках группы *банту*, и поэтому *суахили*, один из главных банту языков, легко «победил» в борьбе за звание официального.

4) **Социально-психологические факторы.** Сюда включается отношение людей к разным языкам в широком смысле. Например, при численном преобладании русскоязычного населения в Латвии к 1991 году, почти 100-процентном владении русским языком жителями этой страны и, следовательно, очевидном удобстве выбора русского языка как официального, у русского не было никаких шансов стать

[2] По другим данным — 25 %.

официальным языком Латвии из-за того, что он ассоциировался в сознании латышей с «советской оккупацией».

5) **Политические факторы.** В качестве примера можно привести латинизацию и последующую кириллизацию языков среднеазиатских народов. До 1917 года письменность для некоторых из этих языков отсутствовала, в других случаях (таджикский, узбекский языки) грамотная часть населения (духовенство) писала и читала по-арабски; арабский как язык Корана преподавался и в религиозных школах. В 1920-е годы был введен единый алфавит на латинской основе: одна из причин избрания латиницы состояла в попытках избежать слишком резкого перехода от «мусульманского» арабского письма к «советскому», избежать ассоциаций с культурным подавлением «русскими». В 1935 году политика правительства изменилась, и постепенно латинские алфавиты узбекского, таджикского и других языков были заменены на кириллический.

6) Наконец, **религиозные факторы** также воздействуют на языковую политику. Например, в Судане поначалу, после получения независимости, официальным языком стал *английский*; впоследствии, по мере исламизации страны, он был заменен на арабский.

ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Есть два варианта употребления этого термина: обыденное и юридическое. С обыденной точки зрения, меньшинство — это численно небольшая группа, отличающаяся от других групп данного государства по какому-либо признаку (по языку, религии, цвету кожи и др.). Юридическое определение старательно исключает из понятия «меньшинство» иммигрантов, беженцев, временных рабочих, образованную элиту, различные группы, складывающиеся ad hoc, и т. п. Кроме того, это определение противопоставляет меньшинство не большинству, а «всему остальному насе-

лению». Существует множество определений юридического понятия «меньшинство». Приведем одно из них.

> Группа, численно уступающая остальному населению государства, находящаяся в недоминирующем положении, члены которой, являясь гражданами данного государства, имеют этнические, религиозные или языковые характеристики, отличающие ее от остального населения, и демонстрируют, пусть и не в явной форме, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка.

Меньшинства могут быть религиозные, расовые, этнические, культурные, языковые, сексуальные и др. Разумеется, в большинстве случаев мы имеем дело с комбинацией факторов. Само по себе название «меньшинства» не должно вводить в заблуждение: это не обязательно *численное* меньшинство по сравнению с другими группами. Так, в Эфиопии политически доминирующей этнолингвистической группой является *амхароязычная*, однако в численном отношении она уступает говорящим на кушитских языках — *сдамских* и *оромо*. Таким образом, когда говорят о меньшинствах, имеют в виду прежде всего группы, не обладающие политической властью (не доминирующие в политическом отношении).

На Земле не менее 6000 языков, как минимум такое же число групп, говорящих на этих языках, и всего около 200 суверенных государств. Поэтому подавляющее большинство языковых групп неизбежно оказывается в положении меньшинства на территории «чужого» национального государства и ведет постоянную борьбу за автономию и право голоса. В каком-то смысле можно сказать, что быть меньшинством — это правило, и как раз исключение — это жить на некоторой («своей») государственной территории и составлять на ней большинство.

Некоторые территории с проживающими на них этническими меньшинствами остаются в составе одного и того же государства на протяжении очень долгого времени, другие переходят «из рук в руки», как, например, Эльзас-Лотарингия (Франция — Германия), Трансильвания (Румыния — Венгрия) и др.

Стремление этнических меньшинств к самоопределению стало в значительной мере заметно после Второй мировой войны и особенно в 1960-е годы, с окончательным распадом колониальных империй. Количество суверенных государств в период с 1939 года до конца 1980-х увеличилось с 50 до примерно 200.

На вопрос о числе языковых меньшинств в мире иногда дают приблизительный ответ, основываясь на «формуле» *число языков минус число государств* (т. е. порядка 5800). Однако результат заведомо неточен и занижен в несколько раз (например, немецкоязычное меньшинство в Польше и немецкоязычное меньшинство в США — это, несомненно, два разных меньшинства). Можно сказать только, что меньшинств значительно больше, чем хочется считать многим государствам и правительствам. Например, исследования Дж. Фишмана в США (Fishman 1985) выявили 6553 школы, в которых преподаются языки меньшинств, 1031 различное печатное издание, 2590 радио- и телепрограмм и 13 638 этнических религиозных организаций, использующих языки меньшинств, — и это в стране, которая в течение большей части XX века проводила политику «плавильного котла».

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Языковой конфликт — это социальный конфликт, тем или иным способом связанный с языковой политикой государства. Причины этого конфликта могут лежать в экономической, политической, социальной, религиозной и т. п. сферах, однако он приобретает конкретную форму выражения в связи с языковым вопросом. Доминирующая в социальном отношении группа, которая пытается ограничить социальные (экономические, культурные и т. п.) возможности других групп, будет в этом случае рассматриваться именно как языковая группа.

В других случаях причины конфликта могут быть сосредоточены именно в языковой области, т. е. именно языковая политика доминирующей группы оказывается той точкой социального недовольства, из которой вырастает конфликт. Однако чаще все же встречается первый вариант, когда о реальных экономических, политических, социальных или культурных причинах конфликта забывают (или сознательно умалчивают) и сводят его к проблемам языковой политики.

В связи с ситуациями языкового конфликта в социолингвистике чаще всего затрагиваются такие темы, как многоязычие, языки меньшинств, социолингвистические результаты миграционных процессов, передача языка от поколения к поколению, переход на другой язык, усвоение языка, соотношение этнических и языковых границ. Все это темы более или менее самостоятельные, но их приходится касаться при анализе конкретного языкового конфликта.

Часто причиной языкового конфликта является политика *глоттофагии* — подавление и вытеснение языка меньшинства языком доминирующей группы, переход от многоязычия к одноязычию (переход на другой язык), или, иначе, языковая ассимиляция. Самый распространенный пример — эмигранты в чужой стране. Языковые конфликты «глоттофагического» типа, кроме того, типичны для территорий, которые оказались внутри какой-либо страны, но по которым проходят языковые границы, например романо-германские языковые границы (Эльзас-Лотарингия, Бельгия, Швейцария, Южный Тироль). Все эти области остаются зонами потенциального языкового конфликта.

СЛЕДСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЛИКТОВ. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В ситуации языкового конфликта индивид ведет себя в зависимости от того, к какой языковой группе (меньшинства или доминирующей) он относится.

Представители языкового меньшинства могут реагировать на создавшуюся ситуацию одним из трех способов.

1) В случае, когда их знания языка большинства недостаточны, они прекращают попытки общения на доминирующем языке и в ситуации, когда говорить на родном языке невозможно, предпочитают молчать.

2) Они могут «бунтовать»: отказываются учить доминирующий язык, сопротивляются давлению и во всех ситуациях говорят на родном языке.

3) Языковое меньшинство может выработать новую, сбалансированную стратегию двуязычного поведения.

Представители доминирующей группы, как правило, выбирают одну из следующих моделей поведения.

1) Отказываются признавать существование языкового конфликта.

2) Признают наличие конфликта, но принижают его значимость, стараются его не замечать.

3) Признают языковой конфликт как социальную проблему и пытаются найти пути его разрешения.

Нейтрализации языкового конфликта способствует *взвешенная языковая политика*, ставящая своей целью уравнять значимость конфликтующих языков, притом что доминирующий язык получает статус «международного» языка на данной территории, а также *выравнивание возможностей* реализации в социально-экономической, политической и культурной сфере для представителей разных языковых групп.

Чем больше государство старается «не замечать» языковые проблемы, тем больше на них сосредоточивается меньшинство. Язык становится символом этнической самобытности, и любое «неуважение» к языку со стороны государства немедленно порождает конфликт, который население осознает как языковой. Положение каталанского языка во Франции является ярким тому примером: языковое меньшинство не удовлетворено мерами, принимаемыми госу-

дарством в отношении поддержки этого языка, и в любой момент может возникнуть языковой конфликт.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СССР — ПОЛИЭТНИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА

По меткому выражению В. О. Ключевского, Россия — страна, которая колонизировала сама себя: процессы складывания нации и складывания империи в России безнадежно перемешались. Даже в XVII и XIX веках, когда государство сознательно, военным путем, «прибавляло земли», темпы колонизации и готовность, с которой русские переселенцы заимствовали обычаи, производственные техники, верования, даже языки покоренных народов, стирали грань между колонией и метрополией — грань, всегда четко проводившуюся в европейских империях.

Русские правители следовали тому, что Р. Пайпс называет «французской моделью колонизации» (Pipes 1975): в отличие от англичан французы старались дать покоренным народам такие же права, как у «природных французов». Московская Русь и Российская империя следовали похожей линии: привилегированное сословие (дворянство) было открыто для элиты завоеванных стран. Советская власть поступала так же: элиты национальных меньшинств республик и областей СССР и стран Восточной Европы, хотя и ограниченно, но получали доступ к высшему уровню партийной иерархии.

Русский язык в течение нескольких веков оставался самым распространенным вторым языком для всех народов огромной империи и сохраняет этот статус, несмотря на распад Советского Союза. Однако «языковое сближение» между разными группами населения не происходило в со-

ветские времена и тем более не происходит сегодня. Территория Российской Федерации (как и территория бывшей империи) остается многонациональной, многоэтничной и пестрой в языковом отношении.

Отсюда важность макросоциолингвистической проблематики для России. Вопросы языковой политики государства, языкового строительства для вновь образовавшихся независимых государств, проблематика «языка и школы» и подобные вопросы долго еще будут занимать умы как государственных деятелей, так и лингвистов.

ДВЕ ТРАДИЦИИ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В ряде работ (см., например: Kreindler 1984, со ссылкой на Дж. Фишмана) выделяют две традиции, два направления государственной языковой политики. Первая из них, условно называемая «восточная», полагает разнообразие человеческих языков и культурных традиций естественным и желательным. Идеалом для второй традиции, «западной», является единая система ценностей, одна вера, один язык. Между этими двумя традициями происходит постоянное противоборство; разные страны следуют в своей языковой политике, как правило, то одной, то другой традиции.

Россия также относится к тем странам, где в разные периоды истории чередовались и противоборствовали эти традиции. Исторически «восточная» традиция в России сильнее; корни ее уходят во времена принятия славянами христианства. Благодаря трудам Кирилла и Мефодия русские и другие восточно-славянские народы получили ясное представление о своем языке (языках) как о чем-то особом, отдельном — прежде всего, этому способствовала специально разработанная система письма (кириллица) и перевод Священного Писания. В последующие века эта традиция была продолжена: православные миссионеры стремились изучить языки тех народов, которым они проповедовали (коми, марийцы,

чуваши, татары, казахи, дагестанские народы, народы Сибири и Севера и др.). Образовательная комиссия, созданная при Екатерине II, рекомендовала школам на территориях, где проживают инородцы, в преподавании принимать в расчет их язык и культуру. Документы, раскрывающие ход реформ Сперанского в 1822 году в Сибири, содержали положения, согласно которым коренное население получало право пользоваться своим языком для официальных целей.

Однако постепенно «восточная» традиция отношения к языкам в России начала сменяться «западной», и прежде всего для западных областей империи (Польша, Балтия, Финляндия): отношение к народам, живущим на западе империи, переменилось, их языковые права были значительно ущемлены, и это касалось в первую очередь школьного образования. При том, что в западных районах страны проводилась политика русификации, важная роль всех инородческих языков на востоке страны была официально признана. Например, в то время как польский и украинский языки были вытеснены из школьного преподавания, казахский был введен как один из предметов и языков преподавания.

Общую ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: при несомненной политике, направленной на русификацию, в последние три-четыре десятилетия перед революцией власть не подавляла отдельные попытки энтузиастов наладить преподавание местных языков, особенно в восточных районах империи.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ДВЕ ТРАДИЦИИ

Было бы логично ожидать, что большевики — носители идеологии марксизма, принесут после революции 1917 года в Россию на смену «восточной» традиции отношения к языковой и национальной политике другую традицию — «западную». Маркс смотрел на нации, как на нечто «иррациональное», как на «пережиток прошлого»; марксисты выступали за скорейшую ассимиляцию «малых отсталых на-

ций» и рассматривали ее как шаг на пути формирования единых для всех народов культуры и языка.

Однако этот марксистский подход поначалу не утвердился, по крайней мере в отношении языка. Сыграло свою роль и противодействие политике русификации в последние предреволюционные десятилетия, и признание, по крайней мере на словах, всеобщего равенства и соответственно равных демократических прав. В первой программе большевиков (1903) было заявлено о равных языковых правах для всех этнических меньшинств России, хотя русский объявлялся государственным языком. Во второй программе (1919) также утверждалось равенство всех языков: после прихода к власти Ленин продолжал отстаивать «отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках» (подробнее об этом см.: Алпатов 2000).

В течение первых двух десятилетий Советской власти восточная традиция была доминирующей. В 1925 году Конституция РСФСР (ст. 13) в законодательном порядке признала за всеми гражданами право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Проводимая политика предусматривала обеспечение преподавания в школах на всех местных языках. В этой области многое из задуманного было реализовано.

Известны успехи языкового строительства в 1920–30-е годы. Создавались алфавиты и орфографии для ранее бесписьменных языков, в частности — для двух десятков языков народов Севера. Вполне благополучно шел процесс развития мордовского и чувашского языков. Значительные усилия были предприняты в отношении развития языка идиш. К 1932 году у более чем 80 национальностей в СССР существовали своя письменность и школьное преподавание, причем у половины из этих национальностей они впервые появились после революции. Известный лингвист Н. Ф. Яковлев писал: «Несомненно, еще до конца второй пятилетки задача охвата всех национальностей письменностью на родном языке будет окончательно разрешена» (Яковлев 1932: 27).

Однако к средине 1930-х годов языковая политика резко изменилась. Создание новых алфавитов было свернуто. Вопреки первоначальным планам, ни на одном языке, кроме русского, в пределах РСФСР так и не было введено высшее образование, и только в Татарии и Башкирии существовали средние школы, где преподавание велось на родном языке. В 1938 году постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома русский язык был введен как обязательный предмет во всех национальных школах СССР с первого класса. Знаком новой политики стал и начавшийся в 1935 году частичный, а с 1938 года полный перевод алфавитов с латиницы на кириллицу.

В условиях единого централизованного государства, укрепления экономических и культурных связей между регионами важной стала задача распространения единого для государства языка общения, а им мог быть только русский. Как отмечает В. М. Алпатов, при всей жесткости сталинских методов произошел возврат к обычной языковой политике в многонациональном государстве на индустриальной основе. В то же время официальные лозунги о «свободном развитии» и «равноправии» наций и языков сохранялись: в Конституции 1936 года (ст. 121) провозглашалось право на образование на родном языке (подробнее см.: Алпатов 1994).

После Второй мировой войны «западная» тенденция расцвела в полной мере. И если языки союзных республик находились в привилегированном положении и играли официально признанную роль, то положение языков, которые имели статус ниже языка союзной республики, было сложным. Значительно сократилось количество публикаций на этих языках, были сокращены часы преподавания их в школах и т. п.

Хрущёвская «оттепель» имела разнообразные последствия для языковой политики. Относительная либерализация разных сторон жизни поначалу смягчила русификацию. В лингвистике стало появляться больше работ, посвященных различным языкам и особенно диалектам. Несколько увеличилось число публикаций не на русском языке. Однако все эти естественные следствия общего «потепления» общественной атмосферы были нейтрализованы активным

утверждением марксистской традиции, которую Хрущёв пытался «очистить» и «развить», притом что пропагандистское прикрытие этой политики оставалось. С одной стороны, при Хрущёве в Программе КПСС появилось положение о ведущей роли русского языка как языка межнационального общения СССР. С другой стороны, в 1958–59 годах было вновь объявлено полное равенство всех языков в области образования; выбор языка, на котором можно было получить образование, объявлялся свободным выбором родителей ребенка. Однако выбор свелся к тому, что выбирался *второй* язык, который также преподавался в школе, а основное образование шло на русском языке.

Вполне официально объявлялось, что главная задача национальных школ — готовить учащихся, которые бы знали и любили русский язык. Это затронуло все без исключения национальные школы. Для многих из языков малочисленных народов такая языковая политика была «последней каплей» — она ускорила процесс языкового сдвига.

Во многих случаях политика русификации была успешной, в том смысле, что предполагаемые ею результаты были достигнуты. Например, по данным переписи населения 1989 года, 50 % карелов, 30 % башкиров, коми, мордвы, удмуртов, 20–25 % татар, марийцев, чувашей не считали родными этнические языки. За 1970–1985 годы число не владеющих родными языками бурятов, марийцев, татар, удмуртов, чувашей, якутов увеличилось в два раза, мордвы и карелов в полтора раза.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 1991 года

После распада СССР в так называемом постсоветском пространстве для языковых конфликтов сформировалась благоприятная почва. Это связано с реструктуризацией в политической, социальной и экономической сферах, с измене-

нием соотношения между языками титульных наций и русским языком, который резко изменил свой статус. В 1989–1990 годах были приняты законы о языке во всех бывших советских республиках. В большинстве из них (кроме Белоруссии) государственным языком объявлен язык титульной нации.

Переход нового государства на новый язык имеет несколько аспектов. Прежде всего, это вопрос политический: язык титульной нации становится государственным и часто единственным официальным; однако нельзя сбрасывать со счетов и психологический аспект (русские, чей язык до этого был языком большинства, вдруг обнаруживают, что говорят на языке меньшинства, — это, разумеется, вызывает психологический дискомфорт). Возникают и проблемы в области образования (мало или совсем нет русских школ, не говоря уже о вузах, — притом, что многие родители, и не только русскоязычные, предпочитали бы отдать своих детей в русские школы), а также индивидуальные трудности (вдруг оказывается, что нужно выучить новый язык в короткий срок).

В 1991 году принят Закон РСФСР «О языках народов РСФСР»[3], в котором русский язык закреплен в качестве государственного языка в Российской Федерации. Одновременно признается и право субъектов федерации устанавливать на своей территории свои государственные языки. Начиная с 1991 года аналогичные законы стали приниматься в Российской Федерации: на Алтае, в Адыгее, Чувашии, Туве, Калмыкии и т. д. Языкам титульных наций придается статус государственного — это создает юридическую основу для предполагаемого расширения функций этих языков в разных сферах деловой, общественной и культурной жизни (подробнее см.: Письменные языки мира 2000: *Введение*).

[3] В июле 1998 года был принят закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О языках народов РСФСР"», который уточнил некоторые положения закона 1991 года, но не изменил его принципов (см.: Письменные языки мира 2000: XX–XXI).

Таким образом, в соответствии с республиканскими и федеральным законами, на территории Российской Федерации законодательно устанавливается многоязычие.

ДВУЯЗЫЧИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

В двуязычной ситуации, когда доминирующий язык сосуществует с родным языком какой-то части населения, естественным было бы такое положение школьного обучения, когда дети этой группы получают в школе образование на двух языках. Однако на деле это далеко не всегда так. В различных странах мы находим примеры, когда дети этнических меньшинств получают образование в школе на языке, который они знают хуже, чем их сверстники, либо не знают вообще. В Швеции дети этнических финнов ходят в школы, где единственным языком обучения является шведский. На Сардинии дети, разговаривающие с родителями на сардском языке, не имеют возможности пользоваться им в школе и учатся на итальянском.

Главная причина такого положения, как правило, заключается в неодинаковой престижности языков, связанной с разными социально-экономическими возможностями, которые открываются перед человеком в зависимости от того, на каком языке он получил образование. Школьная система не спешит вводить образование на языке меньшинства из-за низкой престижности этого языка; дети этого меньшинства вынуждены в первые школьные годы учиться на языке, который они недостаточно знают. Это приводит к низкой успеваемости и отсутствию у детей мотивации учиться. Возникает порочный круг: низкую успеваемость детей меньшинств объясняют тем, что дети говорят дома не на государственном (доминирующем) языке, что способствует еще большему падению престижа языка меньшинства.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ В ШКОЛЕ

В прошлом языки меньшинств занимали в школьном образовании маргинальное место, хотя в некоторых странах были исключения. Так, в США в XIX — начале XX века многие эмигрантские сообщества организовали школы, где преподавание велось на их родном языке. В Индии после получения независимости начальное образование во многих штатах давалось не на английском или хинди, а на местных языках. В России после революции 1917 года также был провозглашен принцип преподавания в начальных классах на родном языке.

Проблему получения образования детьми этнических меньшинств начали активно обсуждать с 1950 года. Важной вехой стал 1951 год, когда под эгидой ЮНЕСКО состоялся съезд специалистов в области образования. С этого времени ситуация в мире начала медленно меняться. Так, в первой половине XX века в США проводилась так называемая *политика плавильного котла*: по мысли инициаторов этой политики, единство образования, языка, гражданства должно было «сплавить» пестрое и разноязыкое население США в единый «американский народ». Однако политика не дала ожидаемых результатов, и с начала 1960-х годов постепенно стал возрождаться интерес к языкам меньшинств. В 1963 году во Флориде появилась первая школа с преподаванием на испанском языке — прежде всего для резко возросшего числа беженцев с Кубы. В 1967 году был принят Закон о двуязычном образовании (Bilingual Education Act), согласно которому власти штатов получили право выделять средства на образовательные программы на языках меньшинств.

Вопросы использования языков меньшинств в школе интенсивно обсуждаются и в настоящее время. В ходе этих обсуждений выдвигаются различные аргументы (частично друг друга перекрывающие) как в пользу преподавания языков меньшинств в школе, так и против этого.

В пользу преподавания на языках меньшинств приводят следующие аргументы.

1) Родной язык ребенка должен быть использован как язык преподавания, чтобы добиться успехов, улучшить *успеваемость*. Что касается языка большинства, он должен изучаться в школе как предмет. Специалисты в области образования считают, что родной язык — лучший инструмент преподавания, особенно на ранних стадиях обучения. Они также уверены в том, что ребенок должен сначала научиться читать и писать на родном языке и только потом на втором.

2) Если ребенок не получает образования на родном языке, то его *познавательные способности* будут заторможены. Для полноценного развития ребенок должен получить некоторое («пороговое») образование на материнском языке. Поскольку обычно языки меньшинств не имеют высокого престижа, то у ребенка нет особых стимулов совершенствовать владение языком и дальше, поэтому задача школы — заинтересовать ребенка, убедить его освоить родной язык на начальном этапе обучения.

3) Преподавание на родном языке — необходимое условие для *полноценного развития личности* и формирования позитивного представления о самом себе.

4) В развитие предыдущего аргумента выдвигается следующий: преподавание на родном языке ребенка может *смягчить культурный шок*, который испытывает ребенок из этнического меньшинства, попадая в школу.

5) Преподавание на родном языке поможет ребенку полностью *раскрыть свои языковые способности*. Это, в свою очередь, является непременным условием для полноценного овладения языком большинства.

6) Преподавание на языках меньшинств может помочь *избежать* лингвистической и культурной *ассимиляции*. Именно язык часто является той основой, на которой базируется групповая идентичность.

7) Признание языков и культур меньшинств поможет установить нормальные, *ровные отношения между эти-*

ми группами и обществом в целом. Укрепление идентичности всех меньшинств, представленных в обществе, поможет избежать поляризации и предотвратит языковые конфликты.

8) Налаживание преподавания на языках меньшинств может способствовать *вовлечению в общественную жизнь* групп населения, до которых в другом случае добраться было бы гораздо труднее из-за их изоляции (жители горных районов, кочевники и т. п.). Получение образования на своем языке постепенно даст им возможность получить образование и на языке большинства и таким образом включит их в жизнь общества.

Время от времени ситуация для развития языков меньшинств становится менее благоприятной, в первую очередь из-за периодических спадов в экономике. Использование языков меньшинств в преподавании требует немалых затрат, что для многих стран оказывается обременительным делом. Обострение этнических проблем в мире (в частности, в Западной Европе) в целом также влияет на ситуацию. В связи с этим высказываются следующие аргументы **против** преподавания на родных языках меньшинств.

1) *Единая культурная идентичность* населения страны может быть достигнута только в том случае, если все граждане получают образование на одном и том же языке.

2) *Политическое и социальное единство* страны может быть достигнуто только при условии, если все граждане получают образование на одном языке. В рамках этой аргументации утверждается, что укрепление положения языков меньшинств предполагает неизбежное формирование политической идентичности меньшинств, что создает угрозу политическому единству страны.

3) Если дети, относящиеся к меньшинствам, и их родители хотят обеспечить *гарантированное в социально-экономическом отношении будущее*, они должны стремиться к получению образования на языке большинства. Это даст им возможность приобрести соответствующую квалификацию и работу.

4) Лингвистическая ситуация слишком сложна, и все равно цель наладить преподавание на всех языках меньшинств в *принципе недостижима* — прежде всего по экономическим мотивам.

5) Многие *родители* — представители меньшинств — сами *негативно относятся к получению образования их детьми* на родном языке.

6) Часто дети приходят в школу и обнаруживают, что *язык*, который преподается в школе, *не совпадает с тем, на котором говорят их родители*. Это связано с проблемой диалектов, создания литературного (письменного) языка.

7) Образование на языках меньшинств *искусственно удерживает детей в социально неблагоприятном* или даже подавляемом положении.

ТИПЫ ПРОГРАММ ДВУЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Двуязычное образование предполагает одновременное использование в школьном преподавании доминирующего (государственного) языка и одного из языков меньшинств. Эти два языка могут сосуществовать в рамках единой школьной пограммы в разных сочетаниях в зависимости от ответов на следующие вопросы.

1) Используются ли оба языка на всем протяжении обучения или только на некоторых его этапах?

2) Используются ли оба языка как средство общения в классе (как язык преподавания)?

3) Как соотносятся языки и преподаваемые предметы: каждому языку — свой набор предметов (история на одном, математика на другом) или каждый предмет (кроме самого языка) преподается на обоих языках?

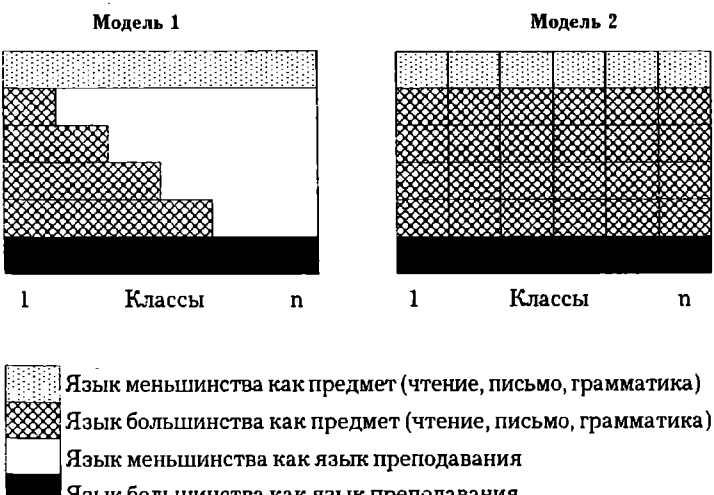
4) Преподаются ли оба языка как предмет, и является ли целью преподавания грамотность на обоих языках?

5) Только ли дети меньшинств участвуют в двуязычном образовании, или это касается и детей большинства?

Что касается ответа на третий вопрос, то обычно используется первый вариант ответа: каждый предмет имеет свой язык преподавания. Одно из наиболее известных исключений — проект Редвуд-сити (Калифорния), где чередование английского и испанского идет по дням недели: предмет преподается по-испански в понедельник, среду и пятницу, по-английски — во вторник и четверг. Там же введена (в сочетании с указанной выше) и система «Введение–заключение»: учитель дает введение к теме урока на одном языке, объясняет тему на другом и дает заключение снова на первом языке. Таким способом учитель помогает тем ученикам, которые не чувствуют себя одинаково уверенно на каком-либо из двух языков.

Этот же Редвудский проект — пример довольно редкого варианта ответа на пятый вопрос: здесь дети и меньшинства и большинства занимаются по программе двуязычного обучения.

Что касается вопросов 1, 2 и 4, то в зависимости от ответа на них выделяют две модели двуязычного образования.



Время начала или окончания того или иного этапа может варьировать: преподавание языка меньшинств как предмета может заканчиваться в 3-м или в 5-м классе, преподавание языка большинства может начинаться с 1-го или с 3-го класса, и т. п.

Если воспользоваться этой схемой, то преподавание, например, эскимосского языка в 1930-е и в 1970-е годы будет выглядеть так:

1930-е
1970-е
1 2 3 4 5 6
Классы
1 2 3 4 5 6
Классы
Язык меньшинства как предмет (чтение, письмо, грамматика)
Язык большинства как предмет (чтение, письмо, грамматика)
Язык меньшинства как язык преподавания
Язык большинства как язык преподавания

Иными словами, если в 1930-е годы существовали программы двуязычного образования, то в 1970-е эти программы сменились обучением только на русском языке, а родной язык (в значительной степени забытый к тому времени) остался в школьном расписании только как предмет.

Первая модель обычно называется **переходной**, или **ассимиляторской**. Основная задача этого типа обучения — перебросить мост от дома к школе, от семейного *домена* к «взрослой жизни». Язык меньшинства используется в школе, чтобы ребенку было легче выполнить требования формального обучения: в каком-то смысле язык меньшинства рассматривается как болезнь, от которой ребенка нужно

излечить. Такие программы не оказывают влияния на школу как проводника потребностей одноязычного общества, двуязычие при таких программах не поддерживается, задача программы — «гуманный языковой сдвиг» в отличие от одноязычных программ, которые составляют «грубый вариант» языкового сдвига.

Вторая модель называется **программой поддержки**, или **плюралистической**. Ее задача — поддержать языковое разнообразие. В этом случае проблемой является не сам язык меньшинства, а негативное отношение к нему со стороны общества. Язык меньшинства в этом случае рассматривается как ценность сам по себе, наравне с языком большинства. В подобных программах язык меньшинства занимает в школьном преподавании более важное место, чем язык большинства, именно потому, что он слабее, имеет низкий престиж и, следовательно, требует более интенсивной поддержки.

Хотя в теории педагоги склоняются ко второй, плюралистической модели, на практике государства чаще поддерживают первую, ассимиляторскую, — не в последнюю очередь из-за ограниченности финансовых ресурсов.

Наряду с программами для языков меньшинств существуют особые программы для детей — носителей доминирующего или более престижного языка — так называемые *программы погружения*. Здесь детей, живущих в двуязычном регионе и говорящих на языке большинства, «погружают» в язык меньшинства. Такие программы разработаны, например, для англо-говорящих детей Квебека (французская) или англо-говорящих детей Калифорнии (испанская). Программы погружения используются тогда, когда первый язык имеет значительную общественную поддержку, когда он престижен, силен, а второй менее престижен и требует специальных мер, чтобы уравнять его с первым. Характерно, что закон провинции Квебек запрещает в школах программы погружения в *английский* язык для франкоговорящих детей: считается, что такие программы укрепят позиции и без того сильного английского языка в ущерб французскому.

Программы двуязычного образования для детей меньшинств могут принести пользу, но гарантировать или предсказывать результат нельзя: слишком велико влияние других, внешних факторов — социальных, экономических, политических, психологических. Среди этих факторов важное место занимает отношение к первому и второму языку в среде взрослых, где ребенок живет. Если это отношение резко негативное и если в обществе существует много сегрегационных элементов, введение двуязычной программы может иметь негативный эффект.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.

Сигуан М., Макки У. Ф. Образование и двуязычие. М., 1990.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., 1976. С. 145–156 (Разд. «Языковая политика и языковое строительство»).

Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London, etc. 1987. P. 46–58 (Ch. 5. Language Planning), 59–71 (Ch. 6. Bilingual Education).

Fasold R. The Sociolinguistics of Society. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995. P. 292–315 (Ch. 11. Vernacular Language Education).

Inglehart R., Woodward M. Language Conflicts and the Political Community // Language and Social Context: Selected Readings / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1982. P. 358–378.

Kreindler I. T. The Non-Russian Languages and the Challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future / Ed. by I. T. Kreindler. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1984. P. 345–367.

Nelde P. H. Research on Language Conflict // Sociolinguistics/Soziolinguistik: An International Handbook of the Science of Language and Society / Ed. by U. Ammon, N. Dittmer, J. K. Mattheier. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1987. Vol. 1. P. 713–730.

Дополнительная литература

Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования. Принята 14 декабря 1960 г. // Статус малочисленных народов России. М., 1994.

Михальченко В. Ю. Языковые проблемы Содружества Независимых Государств // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С. 9–28.

Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982.

Рекомендации Международной конференции «Национальная школа: концепция и технология развития». Якутск, 16–21 марта 1993 г. Приняты 21 марта 1993 г. // Статус малочисленных народов России. М., 1994. С. 109–112.

Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.

Туманян Э. Г. Законы о языках и возможность их реализации // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С. 72–82.

Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 71–82.

Ferguson Ch. A. Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959–1994 / Ed. by J. Huebner. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996 (Pt 4. Language Planning).

Fishman J. Critique of Language Planning: A Minority Language Perspective // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1994. Vol. 15, N 2–3. P. 91–99.

Ornstein-Galicia. Ethnic / Linguistic Minorities: Selected Situations and Research Perspectives // Sociolinguistics/Soziolinguistik: An International Handbook of the Science of Language and So-

ciety / Ed. by U. Ammon, N. Dittmer, J. K. Mattheier. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1987. Vol. 1. P. 713–730.

Pipes R. Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union // Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D. P. Moynihan. Cambridge, etc.: Harvard Univ. Press, 1975. P. 453–465.

Solchanyk R. Language Politics in the Ukraine // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future / Ed. by I. T. Kreindler. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1984. P. 55–105.

Глава 7
ЯЗЫК И ВЛАСТЬ

Индивиды и группы людей по-разному используют язык, в зависимости от того, какое место в социальной иерархии они занимают и какие цели они преследуют. Или, как со свойственным ей напором формулирует эту мысль одна из самых активных исследовательниц, работающих в данной области, Р. Т. Лакофф, «язык — это политика, политика предполагает власть, от того, сколько у человека власти, зависит, как он говорит и как его понимают» (Lakoff 1990: 7). В настоящем разделе затрагиваются некоторые наиболее важные аспекты сложной и обширной темы — как использование различных лингвистических практик соотносится с распределением властных полномочий.

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ОБЩЕСТВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Как было показано в гл. 3, биологически заданные различия по полу и возрасту (к такого рода различиям следует отнести также отношения кровного родства)[1] практи-

[1] Сведения по этому вопросу, как правило, содержатся в учебниках по так называемой лингвистической антропологии (linguistic anthropology; в России чаще используется название «этнолингвистика»). См., например, один из лучших учебников такого рода, написанный У. Фоули (Foley 1997), в частности гл. 6 «Родство» («Kinship»).

чески во всех известных обществах становятся культурно значимыми, что проявляется в разнообразных культурных практиках, в том числе лингвистических. Однако социальное устройство большинства обществ (по крайней мере, это относится к так называемым индустриальным обществам), конечно, основано не только на отмеченных выше различиях; для этих обществ характерна *социальная стратификация* (см. гл. 2). Несколько упрощая, можно сказать, что эта достаточно сложная система классификации людей в конечном счете представляет собой всего лишь способ контролировать ресурсы. Причем стремление к нематериальным ресурсам (уважение, власть) часто проявляется не в меньшей, а в большей степени, чем к материальным (земля, недвижимость, украшения, машины и т. п.)[2]. Существующая социальная система распределяет людей таким образом, что доступ к ресурсам или облегчается или затрудняется. Люди, принадлежащие к более высоким классам (люди, имеющие более высокие социальные статусы), контролируют эти ресурсы в большей степени и обладают большим их объемом по сравнению с людьми низших классов (людьми, имеющими более низкие социальные статусы)[3]. Индивидам и группам, занимающим различные места в социальной иерархии, свойственны разные формы социаль-

---

[2] Это связано с проблемой «представления себя другим в повседневной жизни» (см.: Гофман 2000). Ср. понятие «positive face» ('положительное лицо'), введенное в ставшей классической работе П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson 1987), которое, в свою очередь, является развитием идей И. Гофмана (см. сборник: Goffman 1967; см. также сокращенный вариант одной из статей этого сборника — On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction — в хрестоматии: Discourse Reader 1999). Подробнее об этом см. гл. 8 настоящ. изд.

[3] Мы не ставим своей целью досконально описывать основные понятия, связанные с социальной структурой общества (социальный статус, социальная роль и т. д.); все они многократно и детально разбирались в различных социологических работах; необходимые сведения об этом, как правило, приводятся и в учебниках по социолингвистике (см., например, подробный обзор: Foley 1997. Ch. 16; на русском языке см.: Беликов, Крысин 2001. Разд. 3.1).

ного поведения. Это относится и к языку, так как он представляет собой одну из таких форм. Ранее уже было показано (см. гл. 3), что лингвистические практики различных социальных групп неодинаковы[4].

Еще одним важным социолингвистическим аспектом, который связан с различиями, определяемыми существующей социальной структурой, является стремление поддержать сложившееся положение вещей группами с большими властными полномочиями и соответственно желание изменить это положение группами, стремящимися расширить свои возможности контроля над ресурсами. Это может достигаться разными средствами, в том числе лингвистическими. Использование языка в качестве орудия[5] власти оказалось в центре многих работ в значительной мере под воздействием исследователей, во многом определивших интеллектуальную моду последнего времени — П. Бурдьё, М. Фуко, Ю. Хабермаса. Понятия *власть* (power) и *солидарность* (solidarity), введенные Р. Брауном с соавторами в работах начала 1960-х годов об использовании личных местоимений при обращении к собеседнику (Brown, Ford 1964; Brown, Gilman 1972), прочно заняли центральное место в социолингвистических исследованиях, посвященных межгрупповым и межличностным отношениям[6]. Задача, сформулированная Д. Хаймсом применительно к исследованию этнографии речи, — выявить «происхождение и основания неравенства между говорящими» (Hymes 1973: 45)[7] —

---

[4] Разумеется, речь не идет о классовых диалектах в псевдомарксистском духе. Ср.: «Существование социальных диалектов порождается в конечном счете классовой дифференциацией общества, но конкретные формы социальной дифференциации не прикреплены прямолинейными и однозначными признаками к определенным классовым носителям» (Жирмунский 1968: 32).

[5] Ср. название работ Д. Болинджера «Язык: Заряженное оружие» (Bolinger 1980), Дж. Лакоффа «Метафора и война» (Lakoff 1991) или Р. Т. Лакофф «Языковая война» (Lakoff 2000).

[6] Проблемы межличностной коммуникации рассматриваются в гл. 8.

[7] Об этом см. также: Gal 1989: 345.

в дальнейшем стала одной из центральных в дискурсном анализе и социолингвистике речевого взаимодействия (см. гл. 8 и 9).

В рамках дискурсного анализа[8] сложилось новое направление исследований — так называемый *критический анализ дискурса* (далее КАД; *англ.* 'critical discourse analysis'), — сосредоточившееся на анализе власти, идеологии и контроля на уровне дискурса. КАД анализирует устные и письменные тексты с целью выявления их скрытых политических и идеологических признаков, которые являются ключевыми для воспроизводства существующих или продуцирования новых властных отношений в процессе межгруппового взаимодействия. Формирование КАД как научной (можно сказать, научно-практической) дисциплины было обусловлено стремлением западных интеллектуалов левой ориентации (чаще всего неомарксистских взглядов)[9] «открыть глаза» той части общества, которая имеет абсолютно меньшую часть властных полномочий, на то, что меньшинство, обладающее значительной властью, при помощи языковых средств манипулирует сознанием большинства с целью сохранения выгодного для себя положения. Последний фактор стимулировал становление так называемой *теории воздействия*, объектом которой являются «когнитивные, психологические, социальные языковые и другие механизмы, позволяющие влиять на сознание, на процесс принятия человеком тех или иных решений» (Баранов 2001: 213). Из приведенного определения ясно, что теория воздействия имеет междисциплинарный характер.

---

[8] О понятиях *дискурс* и *дискурсный анализ* существует обширная литература. Из работ на русском языке прежде всего см.: Ван Дейк 2000; см. также хрестоматию: Discourse Reader 1999. Кроме того, см. гл. 9 настоящ. изд., посвященную этому вопросу.

[9] Об истоках КАД см., например: van Dijk 1998: 368–369.

ЯЗЫКОВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ИМПЛИЦИТНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ

Языковые механизмы воздействия на сознание связаны с принципиальной возможностью *языкового варьирования*. Говорящий всегда оказывается перед выбором — каким именно образом выразить в каждом случае то или иное содержание. Выбор всегда делается с учетом конкретной коммуникативной ситуации, так как один и тот же языковой вариант в различных условиях может получить совершенно неодинаковые интерпретации и наоборот — казалось бы, различные варианты в зависимости от коммуникативных условий могут интерпретироваться одинаково.

В работе Р. М. Блакара (Блакар 1987: 89) приводится пример с предложениями *Бутылка наполовину пуста* и *Бутылка наполовину полна*. В одной коммуникативной ситуации эти предложения могут оказаться эквивалентными (или, по крайней мере, различие не окажется коммуникативно значимым), в другой — едва ли не противоположными.

В зависимости от коммуникативной установки один и тот же смысл может иметь разные коммуникативные «упаковки» (термин, иногда употребляемый в структурной лингвистике). Это приводит к тому, что различные компоненты плана содержания высказывания получают различную степень эксплицитности. К *эксплицитным* компонентам относятся, например, пропозиция, фокус, рема, к *имплицитным* — пресуппозиция, установка, модальный компонент, импликатура дискурса[10]. Если говорящий помещает некую информацию в имплицитный компонент плана содержания высказывания, воздействие на адресата будет имплицитным, скрытым и соответственно более эффективным.

[10] Подробные сведения об этих понятиях достаточно легко найти в лингвистической литературе (см., например: Касевич 1988; Кобозева 2000; Кронгауз 2002).

В качестве примера рассмотрим прием, который иногда называют *навязыванием пресуппозиции*. Он часто используется в рекламе и пропаганде.

В примере, приводимом А. Н. Барановым (2001: 218), *Почему наш комфортабельный спортивный автомобиль признан самым удобным автомобилем года* «ассерция маскируется под пресуппозицию» (Шмелёв 1996: 405; см. также: Николаева 1988), т. е., иными словами, некоторая идея, которую в качестве утверждения еще надо было бы доказывать и обосновывать, подается как сама собой разумеющаяся, а именно адресату незаметно внушается мнение, что рекламируемый автомобиль отличает комфортность[11]. Этот же прием иллюстрирует следующий пример А. Д. Шмелёва (Шмелёв 1996: 405). Журналист или ведущий на радио (телевидении), проводящий опрос, может в своих целях в ходе опроса внушить опрашиваемым то, что ему выгодно и что на самом деле не является очевидным (этот прием также нередко используется в недобросовестных социологических опросах). Так, вопрос *Каковы, по Вашему мнению, причины снижения жизненного уровня в стране?* заранее заставляет согласиться с тем, что жизненный уровень в стране снизился, это как бы не требует доказательств. В качестве утверждения такая мысль могла бы показаться опрашиваемому не очевидной, и с ней можно было бы не согласиться, поскольку любое утверждение можно подвергнуть отрицанию. Пресуппозиция же отрицанию не подлежит.

Как было отмечено выше, воздействие на адресата, осуществляемое в имплицитной форме, становится особенно эффективным. Однако следует иметь в виду, что имплицитная информация может быть планируемой автором (см. примеры выше), но она может оказаться и нежелательной.

Рассмотрим пример из политической рекламы (см.: Борисова, Пирогова 1999: 146). Один из кандидатов в президенты России

[11] Реклама, единственное назначение которой заключается в воздействии на целевую аудиторию, дает множество примеров для анализа. Здесь не рассматриваются все стратегии, используемые в рекламных текстах. Из работ на русском языке см.: Рекламный текст 2000; Пирогова 2001. См. также: Shrank 1994.

во время предвыборной кампании использовал слоган *Я выбираю свободу*. Имплицитная информация, которая из него легко извлекается, сводится к выводу: «Если ты выберешь меня, то тоже получишь свободу». Однако из этого слогана можно также извлечь имплицитную информацию, которая, скорее всего, не была учтена организаторами предвыборной кампании кандидата (впрочем, не исключено, что ею пренебрегли как несущественной). В советские годы фраза *Я выбираю свободу* означала эмиграцию из СССР на Запад. Вряд ли возможность отъезда кандидата (будущего Президента) за рубеж воспринималась избирателями в качестве нормального явления.

Анализ структуры того или иного текста часто помогает обнаружить намерения его автора: выбирая те или иные варианты, автор тем самым определенным образом структурирует содержание. Особенно очевидным это становится на примере анализа материалов средств массовой информации. Лингвистический анализ того, каким образом представлено одно и то же событие в различных средствах массовой информации, помогает определить идеологическую ориентацию журналиста или всего издания. Рассмотрим (с некоторыми изменениями) пример, который приводится Ван Дейком (Ван Дейк 2000: 125).

Как известно, синтаксис предложения отражает распределение семантических ролей участников ситуации. В заголовке *Полиция убивает демонстранта* агенс совпадает с подлежащим, которое стоит в предложении на первом месте. В предложении с конструкцией пассивного залога *Демонстрант убит полицией* место подлежащего занимает пациенс, в то время как агенс («полиция») является непрямым дополнением. Ясно, что информация в этих двух вариантах заголовка поразному актуализируется, и журналист может выбрать тот или иной в зависимости от коммуникативных намерений. Более того, для описания той же самой ситуации возможен заголовок *Демонстрант убит*. Агенс в синтаксической структуре этого предложения не представлен. Предложение воспринимается как констатация и дает возможность нескольких интерпретаций, в том числе и таких, которые предполагают, что полиция была не при чем и что демонстрант погиб в результате несчастного случая (например, кирпич упал с крыши во вре-

мя демонстрации) или что даже он был убит другими демонстрантами, и т. п.[12]

Языковое манипулирование может осуществляться при помощи использования лексических средств: например, *демонстрация* может быть названа *беспорядками*, *бесчинствами* и т. д. (см.: Ван Дейк 2000: 126). Фонетические и просодические характеристики также оказывают воздействие на радиослушателя (телезрителя) (см., например: Кодзасов 2000: 214–221). Разумеется, было бы большим упрощением ограничиться упоминанием механизмов воздействия на сознание, сгруппировав их в соответствии с традиционно выделяемыми языковыми уровнями. Воздействие на адресата может достигаться и за счет варьирования макроструктурных стратегий, т. е. способов организации текста[13] — средств, издавна изучаемых риторикой, стилистикой, а позже — лингвистикой текста и дискурсным анализом. Важным приемом может быть сознательный отбор тех или иных естественно-языковых метафор или использование «поэтических» метафор[14]. Следует отметить, что анализ текстов в средствах массовой коммуникации занимает основное место в КАД[15].

ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Идея о появлении во всемирном масштабе новой общественной формации, которая будет бесклассовой и еди-

[12] Английский вариант заголовка «Demonstrator killed», приводимый Ван Дейком, является гораздо более двусмысленным и позволяет ассоциировать участника демонстрации с убийством.

[13] О понятии макроструктуры см.: Ван Дейк 2000: 41–67.

[14] Из обширной литературы о метафоре можно указать следующие важнейшие работы: Лакофф, Джонсон 1987; Lakoff 1987; Metaphor 1996.

[15] О различных направлениях исследований в этой области см., например: Approaches 1998.

ной, в том числе и в языковом отношении, ассоциируется прежде всего с именем Н. Я. Марра (Рабинович 2000: 96; см. также: Алпатов 1994: 36–38). «Речевой революции», создания «нового и единого языка, где высшая красота сольется с высшим развитием ума» (выражения Н. Я. Марра, — см.: Алпатов 1994: 37–38), не произошло. Однако советская эпоха, по крайней мере в официальной сфере, несомненно, имела свой язык, точнее, собственный стиль, большинство черт которого, впрочем, присуще языку в любом тоталитарном обществе. Именно в тоталитарном дискурсе особенно ярко проявляются приемы языкового манипулирования, о которых шла речь в предыдущем разделе этой главы.

ТОТАЛИТАРНЫЙ ДИСКУРС

Прежде чем говорить о конкретных языковых чертах советского языка (или, как его нередко называют, «деревянного языка», *франц.* 'langue de bois'), необходимо сказать несколько слов о самых общих признаках *тоталитарного дискурса* (ТД) вообще.

В первую очередь это гораздо больший, по сравнению с «нормальным» обществом, удельный вес ритуализованной речевой сферы (см.: Левин 1994)[16]. Вся ритуализованная речевая сфера построена на формулах[17]. При этом совершенно не важно, насколько эти формулы соответствуют тому, о чем говорится. Весь смысл их употребления сосредоточивается именно в самом соблюдении ритуала. Как пишет по этому поводу в указанной работе Ю. И. Левин, в ТД

[16] В настоящем разделе использованы многие положения этой работы (см., в частности, разделы 4.2. Ритуализованная речь и 4.3. Тоталитарный дискурс, — Левин 1994: 147–150).

[17] Иногда в связи с этим говорят об «автоматизации», которая, в свою очередь, является результатом многократного повторения; это повторение вызывает «эрозию языка», что проявляется в появлении десемантизованных слов и т. п.

оппозиция *истина/ложь* замещается оппозицией *правильно/неправильно*.

> Герою известной песни А. Галича, «знатному рабочему» Климу Петровичу Коломийцеву, референт по ошибке дает текст речи, предназначенный женщине, однако прочитанные им с трибуны слова «Израильская <...> военщина известна всему свету // Как мать говорю и как женщина: // Требую их к ответу» не вызывают в зале никакой реакции, так как никто не обращает внимания на смысл произнесенного. То, что сказано, сказано в «правильной» форме, в «правильное» время и в «правильном» месте. Смысл высказывания отходит на второй план, учитывается прежде всего то, что произнесенное имеет требуемые формальные признаки, не выходит за рамки дискурса.

В ТД не допускается никакой деятельности, которая не была бы полностью предсказуема. Это относится и к речевой деятельности, по крайней мере осуществляемой публично. Соблюдение «правил игры» обеспечивается простым, но надежным методом — нарушителю грозит уголовное наказание.

Разумеется, ритуализованная речевая сфера есть в любом дискурсе (ср., например, стандартные ответы на приветствия типа «как поживаете?» или «как дела?», сюда же относится и *деловой* субдискурс с его формулами из служебных характеристик («пользуется заслуженным уважением») или «писем-отношений» («настоящим свидетельствую»)[18]. Однако в ТД роль ритуализованной речевой сферы гипертрофирована: ритуализованным становится весь дискурс средств массовой информации, все тексты речей, докладов и выступлений, независимо от того, где происходит дело — на профсоюзном, партийном собрании или собра-

[18] Говоря о ритуальных текстах вообще, Ю. И. Левин отмечает, что они могут иметь различную степень жесткости (каноничности): на одном конце воображаемой шкалы оказываются богослужебные и инициационные тексты (например, присяга); ближе к ее центру — некролог, тост, надгробная, поздравительная, юбилейная и т. п. речи; на противоположном конце — еще более свободные тексты, например текст ритуала ухаживания.

нии жилищной конторы, на заводе, в школе или в университете. «Застывают» и ритуализуются все речевые практики, вся языковая сфера вплоть до художественной литературы и кинофильмов.

Центральное место в ТД занимает субдискурс, который Ю. И. Левин называет *лозунговым*[19]. В виде спущенных сверху лозунгов-констатаций он «задает узловые точки тоталитарного дискурса» в целом (*Народ и партия едины; Да здравствует великий Советской народ — строитель коммунизма; СССР — оплот мира и прогресса; Вперед к победе коммунизма* и т. д.). Несмотря на то что ТД носит ритуальный, или, по словам Ю. И. Левина, даже орнаментальный характер, в нем есть и практическая сторона (то, что Левин называет «деловой частью», указывая прежде всего на донос, тайный или публичный). Однако «деловая» составляющая содержится и в любом публичном выступлении, газетной статье, радио- или телепередаче. Сверху исходит установка *как* и *что* следует говорить и делать; встречное движение снизу — свидетельство лояльности, преданности, «энтузиазма», «глубокого удовлетворения».

«Неделовая часть» ТД представляет собой преимущественно имитацию *праздничного* (в широком смысле)[20] субдискурса. Для тоталитарного общества характерна гиперсемиотизация всех сфер жизни, причем используется это для того, чтобы придать жизни хоть какое-то подобие праздничности. (Ср. название улиц в новых и, как правило, безликих районах советских городов: проспект Героев, шоссе Энтузиастов; то же — названия колхозов «Светлый путь», «Новая жизнь»; то же — строки из песен типа «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью»; «И никто на свете не умеет // Лучше нас смеяться и любить» и т. п.)

---

[19] См. об этом специальную работу Ю. И. Левина (Левин 1988).

[20] Как отмечает Ю. И. Левин, ритуализованная речь в целом тяготеет к «праздничному» субдискурсу, разновидностями которого можно считать церковный, некрологический, инициационный и прочие субдискурсы.

Ю. И. Левин (Левин 1994: 149) ссылается на Ханну Арендт, которая пишет про «ужасный, деморализующий восторг, возникавший от одного предположения, будто гигантская ложь и чудовищный обман смогут... утвердиться как безусловные факты, что человек будет в силах менять свое прошлое как захочет и что разница между правдой и ложью уже не будет объективной, а станет... делом власти и хитроумия, давления и бесконечных повторов». В художественной литературе эта ситуация особенно ярко представлена в романе Дж. Оруэлла «1984 год» («министерство правды»). В работе Ю. И. Левина утверждается, что для достижения необходимого эффекта не обязательно, чтобы все высказывания текста были ложными. В условиях, когда ложь становится настолько чудовищной, гипертрофированной, что выходит за рамки здравого смысла, высказывания, которые невозможно оспорить (*Широка страна моя родная, // Много в ней лесов, полей и рек*), как бы заражаются от ложных (*Я другой такой страны не знаю, // Где так вольно дышит человек*) и в тексте (в данном случае знаменитой песни) становятся совершенно равноправными.

Учитывать эту особенность важно, когда рассматриваются возможные подходы к ТД. Ю. И. Левин выделяет два принципиально различных подхода — «извне» и «изнутри». Первый считается неадекватным, так как не учитывает отмеченную выше «нейтрализацию» истинностного значения в ТД. В рамках этого похода (условно называемого советологическим, так как он широко использовался в западной советологии) в текстах ТД все высказывания проверяются на истинность, истина тщательно отделяется от лжи, однако в силу указанных выше причин это оказывается бессмысленным или малопродуктивным занятием.

В рамках подхода «изнутри» возможны две точки зрения: 1) *конформистская*, или *официальная*, согласно которой любое высказывание, надлежащим образом представленное, является истинным; однако в данном случае само понятие истинности становится нерелевантным, так как истинность ставится в зависимость от внешних формальных

свойств высказывания; 2) *конконформистская* точка зрения: эта позиция предполагает принципиальное неразличение истины и лжи в ТД, приравнивание их друг к другу по причинам, указанным выше.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Одной из первых серьезных работ, посвященных *советскому политическому дискурсу* (СПД), стала работа П. Серио (Seriot 1985; см. также публикацию на русском языке: Серио 1999: 337–383). Принципиальная позиция автора заключается в том, что рассматривать особенности русского языка советского периода имеет смысл только в рамках анализа всего СПД. Исследуя этот дискурс как целое, П. Серио выделяет его конкретные языковые черты[21]. В работе детально анализируются два типичных для обсуждаемой эпохи текста: Отчет ЦК XX съезду (1961, доклад Хрущёва) и Отчетный доклад ЦК XXIII съезду (1966, доклад Брежнева). В результате лингвистического анализа автор выявляет две яркие черты, присущие языку советского периода: номинализацию и сочинение.

Под **номинализацией** имеется в виду свертывание предикации, наподобие случая *Ряды наших сторонников за последнее время значительно выросли → Рост рядов наших сторонников за последнее время*. Это распространенный и совершенно нормальный для русского (и не только) языка синтаксический механизм. Однако его использование в СПД, с точки зрения П. Серио, приобретает до крайности гипертрофированные масштабы и преломляется особым образом. Вот типичный пример из доклада Брежнева (случаи свернутой предикации выделены жирным шрифтом).

[21] См. также: Thom 1989. Среди других стран с тоталитарным режимом наибольшего внимания лингвистов удостоилась Германия гитлеровского периода (см., например: Good 1975; Young 1991; Клемперер 1998).

Главным источником **роста** производительности труда должно быть **повышение** технического уровня производства на основе **развития** и **внедрения** новой техники и прогрессивных технологических процессов, широкого **применения** комплексной **механизации** и **автоматизации**, а также **углубления специализации** и **улучшения** производственного **кооперирования** предприятий.

В итоге многочисленных номинализаций (которые в большинстве случаев выглядят на поверхностном уровне как замена личных форм глаголов производными отглагольными существительными) говорящему удается как бы вывести за пределы обсуждения важных актантов ситуации (происходит обезличивание текста) или оставить того участника ситуации, который необходим с точки зрения говорящего (ср.: *Одобрение политики партии, Одобрение народом политики партии,* — см.: Серио 1999: 345).

Другая важная особенность использования номинализаций в текстах СПД заключается в том, что интердискурсивное их функционирование преобладает над интрадискурсивным. Интрадискурсивное функционирование номинализаций предполагает отсылку к предикации, ранее упомянутой в этом же тексте, например:

Коммунистическая партия Советского Союза насчитывает ныне 12 миллионов 471 тысячу членов и кандидатов партии. **Ее ряды** за отчетный период **выросли** на 2 миллиона 755 тысяч человек. **Рост рядов КПСС** отражает высокий авторитет партии и безграничное доверие к ней советского народа.

Однако в большинстве случаев номинализация в текстах СПД выполняет интердискурсивную функцию, т. е. отсылает к предикации, не представленной в данном тексте. Таким образом, она отсылает к другому дискурсу, однако, как отмечает П. Серио, часто оказывается так, что дискурс, к которому делается отсылка, никогда не существовал. В этом отношении СПД несколько напоминает *академический* дискурс, однако если в академическом дискурсе такого рода (казалось бы, «безадресные») номинализации, часто встречающиеся в научных текстах, так или иначе со-

относятся с существующими научными направлениями и подходами, то в СПД за этими номинализациями ничего не стоит или, если посмотреть на это с другой стороны, за ними стоит некий универсальный субъект, существование которого нигде не эксплицируется[22].

Случаи номинализации (*увеличение, углубление, ускорение, укрепление, улучшение, разоблачение, пресечение, рост, отрыв* и т. д.) бесконечно встречаются в официальных речах и статьях СПД. Это подтверждается и статистически (ср. частотность глаголов и отглагольных существительных в докладе Брежнева, — см.: Seriot 1985: 248–249):

повышение — 30 раз, повышать — 2, повысить — 8, повышаться — 2, повыситься — 2 раза;
развитие — 74 раза, развивать — 9, развить — 1, развиваться — 11, развиться — 1 раз.

Из-за обилия случаев номинализации в текстах СПД встречается очень много предложений с аналитическими сказуемыми: в состав сказуемого входит отглагольное существительное, ему предшествует «полуслужебный глагол», наполовину десемантизованный:

отражать — находить свое отражение,
выражать — являться выражением,
подтверждать — являться подтверждением,
высоко оценить — дать высокую оценку,
сеять яровые — вести сев яровых,
запустить спутник — осуществить запуск спутника.

Номинализация постепенно стала в СПД признаком любого официального текста и шире — любого текста, претендующего на серьезность.

В качестве еще одной особенности СПД в работе П. Серио выделяется **сочинение**[23]. То, что в данном случае обо-

[22] Подробнее см. указанные работы П. Серио; см. также: Баранов 2001: 223.

[23] Оба этих приема, разобранные у П. Серио (номинализация и сочинение), рассматриваются также в работе Ю. С. Степанова (Степанов 1995: 39–41).

значено этим термином, так же как и номинализация, представляет собой вполне обычный грамматический механизм, однако специфичность его использования в СПД позволяет достигать качественно иных результатов. При помощи сочинительной связи сопрягаются различные понятия. На поверхностно-синтаксическом уровне либо соединяются посредством союза *и* два существительных (*партия и народ*), либо союз *и* вообще не употребляется, а все необходимые понятия представляются в виде перечисления существительных (на письме они даются через запятую, например *партия, весь советский народ* или *комсомольцы, вся советская молодежь*). По мнению П. Серио, в результате многократного и последовательного применения этой процедуры огромное число понятий, не являющихся синонимичными, в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, благодаря чему слушающему внушается идея об их якобы таком же тесном соположении, близости и, наконец, их тождественности не только в рамках СПД, но и в «реальной действительности». В качестве примера приводится гигантский список таких сочиненных понятий. Приведем только часть списка:

> Партия = народ = ЦК = правительство = государство = коммунисты = советские люди = рабочий класс = все народы Советского Союза = каждый советский человек = революция = наш съезд = рабочие = колхозники = беспартийные = рабочие совхозов = специалисты сельского хозяйства = народы всех братских республик Советского Союза = общество = инженеры = техники = конструкторы = ученые = колхозное крестьянство = крестьяне = делегаты 22 съезда = народы других стран = все человечество = трудящиеся всех стран = весь социалистический лагерь = социализм = массы = миллионы.

П. Серио делает интересное замечание относительно докладчиков на съездах. Что делает Хрущёв или Брежнев с докладом: зачитывает его, произносит доклад, делает доклад? Очевидно, все эти формы предполагают разную степень ответственности за текст доклада. Приемлемо практически только одно выражение: *выступил с докладом* (см. также:

Степанов 1995: 41). Эта ситуация напоминает ту, которая описывалась выше в случае с номинализацией: затушевывается авторство, появляется некая безличность и соответственно исчезает ответственность. К тому же результату (отсутствие авторства и исчезновение ответственности) ведет и сочинение. Источником текста оказываются:

> я (генеральный секретарь) = ЦК = вся партия = наша страна = мы,

а его получателем, адресатом:

> делегаты съезда = все коммунисты = народ = все прогрессивное человечество = все люди = мы.

Таким образом, круг замыкается: *мы* являемся коллективным говорящим и *мы* же оказываемся коллективным слушающим. Такое положение вещей создает своего рода идеального адресата дискурса. «Идеальный адресат, — утверждает П. Серио, — может быть определен как тот, кто принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдодиалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции. В самом деле, отрицать пресуппозиции было бы равносильно отрицанию правил игры и тем самым отрицанию за говорящим-докладчиком его права на место оратора, которое он занимает»[24].

В рамках того же явления сочинения П. Серио рассматривает и предложения с именным сказуемым без глагола-связки. Такие предложения построены в абсолютном соответствии с правилами русского языка, но удельный вес их в текстах докладов гораздо выше, чем в среднестатистическом разговорном тексте.

> Молодежь — наше будущее.
>
> Ленинская партия — организатор борьбы за победу коммунизма.

[24] Русский перевод цитаты дается по: Степанов 1995: 42.

Сюда же относится явление, которое в русской грамматической традиции называется приложением (выделено жирным шрифтом).

Мы, **советские люди**, верили албанским руководителям...

Все мы можем сказать, что нет ничего интереснее и важнее для нас, **коммунистов**, чем партийная работа, душой которой является живое общение с массами, **с народом**.

Наша Родина — **великий Советский Союз** — основана на братстве, дружбе и сотрудничестве всех народов страны...

Все мы высоко ценим деятельность боевого помощника партии — **славного комсомола**.

Для языка советской эпохи характерны также некоторые риторические приемы (приводятся ниже в основном по: Young 1991). Эти приемы также не специфичны именно для СПД, однако в нем их концентрация и последовательность употребления доведены до предела.

«Догматическая дедукция». Пример взят из одной из речей Брежнева.

Наши противники хотели бы найти силы, которые противостоят социализму внутри страны. Так как таких сил не существует, потому что в социалистическом обществе нет угнетаемых или эксплуатируемых классов или национальностей, наши враги...

Первая посылка: *Политическая оппозиция не может возникнуть в отсутствие эксплуатируемых классов и угнетаемых национальностей.*

Вторая посылка: *В социалистическом обществе нет эксплуатируемых классов и угнетаемых наций.*

Вывод: *В социалистическом обществе нет политической оппозиции.*

Подобным же образом обосновывалось отсутствие в социалистических странах многопартийности, невозможность рабочих забастовок и т. д.

«Как сделать сомнительное несомненным». Широко известный метод, нередко применяемый и в научных дис-

куссиях: то, что необходимо доказывать, подается как общеизвестный и общепринятый факт.

Ленин: *Всем известно*, что это составляет суть учения Маркса.
Маленков: *Все знают*, что Соединенные Штаты напали на Корею и пытаются поработить ее.
Черненко: Сегодня *всем хорошо известно*, что именно внешняя агрессия против революционного Афганистана, организованная...

«Коллективная порука». Употребление сочетаний *вся прогрессивная общественность, все человечество, все миролюбивые силы* и т. п. включают сторонников в максимально широкую («все») общность с положительными признаками («миролюбивые силы», «прогрессивная общественность», «человечество») и одновременно оставляет противников «на обочине».

«-Измы». Когда мы называем какую-нибудь фамилию, например *Троцкий*, пусть даже приписывая ее носителю некие злодеяния, это выглядит как частный случай, так как речь идет о конкретном человеке. Если же употребляется слово *троцкизм*, это представляется как глобальное явление, и борьба с ним должна иметь соответствующий масштаб. Точно такой же эффект, но с обратным знаком, дает использование этого суффикса в таком случае, как *марксизм-ленинизм*.

«Ироническое цитирование»[25]. Непревзойденным мастером такого цитирования был Ленин. Еще Ю. Н. Тынянов (Тынянов 1924) отмечал, что все ленинские работы пестрят кавычками. Такого рода примеры обильно представлены в текстах советского периода: «свободный мир», «свободный рынок», «рыночная экономика», «права человека». Те же функции выполняют слова «так называемый» и «пресловутый»: *пресловутая советская угроза, так называемая свобода личности, так называемые свободные выборы, так называемая либеральная пресса*.

[25] Об этом же явлении на материале языка фашистской Германии см.: Клемперер 1998: 95–97.

«Пейоративные»[26] префиксы. А н т и: *антипартийная группа, антикоммунизм, антисоциалистические силы;* п с е в д о -: *псевдосоциал-демократы*; к о н т р -: контрреволюция (ср. также существительное на базе этого префикса: *контра*); а н а р х о - (именной корень, превращенный в «советском языке» в префикс) — анархо-троцкисты, анархо-синдикалисты. С помощью этих префиксов достигается несколько целей: высмеять противника (*псевдо-*), уничтожить как личность (мало кто из людей предпочитает анархию, поэтому такое слово удобно употребить для характеристики врага); акцентировать монолитное единство всего «нашего». Префикс *анти-* дает производные слова, которые относятся ко всему тому, что противостоит некоему монолиту, — тому, что обозначено производящим словом; кроме того, его использование упрощает ситуацию, позволяет создать иллюзию существования всего двух противоборствующих сил: с одной стороны — «наши», с другой — все остальные, и они против нас. Например, в Чехословакии во второй половине 1960-х годов существовало много разных групп, выступавших с различных позиций за реформирование существующего строя, однако все они были объединены под одним ярлыком — *антисоциалистические силы*.

«"Эластичные" слова». Слова, значение которых трактуется очень широко (ср. выше пример с *антисоциалистическими силами*). К этой группе слов относятся: *шпион, диверсант, вредитель, предатель, враг народа, социально опасный элемент, фашист, реакционный, троцкист, саботаж, буржуазный, мелкобуржуазный, кулак* и т. д. Благодаря «эластичности» этих ярлыков под определение *контрреволюционная агитация* подпадал и настоящий контрреволюционер, и солдат, пожаловавшийся на плохое обмундирование. А. И. Солженицын, когда пишет о временах раскулачивания, упоминает слова *кулак* и *подкулач-*

[26] *Пейоративный* — имеющий неодобрительный, уничижительный оттенок.

ник: «Слова были пущены в оборот, и хотя они ничего не значили, они легко запоминались, они упрощали дело, думать теперь было необязательно».

«"Эвфемизмы", или "эзопов язык"». Хорошо известный прием, когда слово или выражение употребляется взамен другого, которое по тем или иным причинам представляется нежелательным, слишком недвусмысленным, резким. Примеры:

> Коллективизация, стройки коммунизма, раскулачивание, ошибки, десять лет без права переписки, культ личности, ограниченный контингент, воины-интернационалисты, народная демократия, освобождение народов Западной Европы, братская семья социалистических стран, всеобщее и полное разоружение, конструктивный подход к решению задач разоружения, ослабление напряженности, нормализация обстановки, взаимовыгодное сотрудничество, улучшение политического климата в Европе, разрядка международной напряженности (ср., впрочем, популярный эвфемизм уже постсоветского времени: восстановление конституционного порядка).

Следует отметить, что такое «переименование» использовалось вполне осознанно как один из пропагандистских приемов (ср. слова Карла Радека на заседании IV Конгресса Коминтерна: «Многие товарищи говорят: очень трудно агитировать с лозунгом диктатуры пролетариата; давайте будем говорить *рабочее правительство* — это звучит нежно и невинно»)[27].

«Изменение смысла слов». В работе Дж. Янга (Young 1991) выделяются следующие способы такого рода изменения[28].

Сужение значения. В качестве примера приводится слово *мир*. В СПД значение слова *мир* предполагает

---

[27] Вообще говоря, искусство воздействия на сознание при помощи языка, разумеется, было хорошо известно вождям тоталитарных обществ (ср., например, высказывание Гитлера о пропаганде, — см.: Pratkanis, Aronson 1991: 250–251).

[28] Из всех механизмов воздействия на сознание лексическое варьирование изучено наиболее детально (обширную библиографию по этому вопросу см.: Баранов, Паршин 1986).

не просто отсутствие войны, но имеет коннотацию, связанную с обязательным противостоянием (*ленинская миролюбивая политика, Брестский мир, мирное сосуществование*). В словаре наряду с определением «согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры» приводится и такое: «отсутствие войны, вооруженных действий между государствами, согласное сосуществование государств или народов». Последняя формулировка, так же как и приводимые в качестве иллюстрации примеры (*Борьба народов за мир; Проводить политику мира*), демонстрирует попытку дать иное толкование значения слова.

В словаре Ожегова (1952) слово *агрессия* толкуется как «вооруженная агрессия одной или нескольких капиталистических стран против других стран...», что предполагает агрессивность только со стороны капиталистических стран.

«Г и б к о с т ь». В словаре Ушакова (1935) «космополит» означает всего лишь «гражданин мира». В Советской энциклопедии, вышедшей в том же году, это «человек, который утверждает, что не принадлежит ни одной национальности, и считает весь мир своим домом». Однако уже в издании Советской энциклопедии 1949 года слово *космополит* толкуется следующим образом: «Человек антипатриотических, буржуазных взглядов, который лицемерно утверждает, что его родиной является весь мир, и который отказывается защищать свою страну». Число таких примеров легко умножить. Разумеется, подобная «языковая гибкость» была следствием гибкости политической. В качестве примера можно привести отрывок из речи Молотова 1939 года на заседании Верховного Совета, в которой он пытался объяснить изменение политики по отношению к гитлеровской Германии:

> В связи с этими важными изменениями в международном положении (после 23 августа 1939 г.) некоторые старые формулы, которые нами использовались еще совсем недавно, устарели и являются неприменимыми. Мы знаем, например, что за последние несколько месяцев такие понятия, как агрессия и агрессор, приобрели новый конкретный смысл. Нетрудно

понять, что мы не можем больше использовать эти понятия в том же значении, что и раньше, скажем, три-четыре месяца назад. Сегодня Германия стремится к миру, в то время как Великобритания и Франция противятся заключению мира. Эта война ничего не принесет рабочему классу, кроме кровавых жертв и трудностей. Теперь подумайте сами, изменился смысл таких понятий, как агрессия и агрессор, за последнее время или нет.

«Манихейский словарь». По мнению Дж. Янга (Young 1991), в СПД словари отражают манихейскую систему ценностей[29]. Выделяют три группы терминов.

Группа 1. «Гонорифические[30] термины»: *коммунист, пролетариат, прогрессивный, народ, мир, революция, солидарность, борьба, красный, героический, материализм* и т. д. Все эти слова имели исключительно положительные коннотации и ассоциировались только с советской политической системой. Исходя из этого, сопротивление финнов в 1939 г. или венгров в 1956 г. советскому вторжению не было героическим, и соответственно они не были героическими народами, поскольку Советская энциклопедия определяла героизм как «прогрессивную» черту.

Группа 2. «Пейоративные термины»: *капитализм, империализм, милитаризм, фашизм, реакционный, буржуазный, неоколониализм, терроризм, идеализм, холодная война, религия* и т. д. Так, *холодная война* определялась в словаре политических терминов как «политика, проводимая реакционными кругами империалистических стран по отношению к СССР и другим социалистическим странам после Второй мировой войны». Из этого следовало, что СССР не мог быть инициатором такой политики.

---

[29] *Манихейство* — религиозное течение, возникшее в III веке н. э. в Персии. Суть его состоит в признании в качестве изначальных и равноправных двух противоположных начал, лежащих в основе мира: добра и зла, света и тьмы, духа и материи и т. д.

[30] *Гонорифический* — означает выражение преувеличенного почтения, чрезмерное восхваление достоинств.

Группа 3. Слова, которые могут использоваться и в положительном и в отрицательном смысле: *демократия, патриотизм, свобода, пропаганда, безжалостный, ненависть, беспощадный* и т. д. Положительные или отрицательные коннотации реализуются в зависимости от референции. Так, Энгельса хвалят за то, что он учил проявлять «беспощадную ненависть к врагу», а Сомосу[31] ругают за то, что он «ведет беспощадную войну против народа Никарагуа». Если речь идет о пропаганде в СССР, то это должно вызывать положительные эмоции, поскольку она характеризуется как правдивая, научная. Однако слово «пропаганда», употребленное в связи с «американской пропагандистской машиной», имеет отрицательные коннотации.

Казалось, можно было бы, по рецепту Оруэлла, заменить «неугодные» слова на новые, например вместо слова *демократия* ввести другое слово. Однако, во-первых, произведение Оруэлла — художественный вымысел; даже при тоталитарном режиме возможности манипуляций с языком имеют границы. Во-вторых, здесь, вероятно, как раз работает иной механизм, позволяющий извлечь пользу из, казалось бы, неудобного термина. Слово *демократия* имеет положительные коннотации, от которых вряд ли возможно избавиться. Поэтому предпринимаются попытки так или иначе представить это слово своим и таким образом улучшить собственную характеристику. Демократия в странах противоположного лагеря снабжается прилагательным «буржуазная» или заключается в кавычки; слово «демократия» применительно к СССР используется без кавычек и часто получает определение «социалистическая»; в странах, дружественных Советскому Союзу, демократия называется «народной».

---

[31] *Анастасио Сомоса*, диктатор, президент Никарагуа в 1936–47, 1950–56 годах; убит в 1956 году. Президентом Никарагуа в 1967–72, 1974–79 годах был также его сын Анастасио Сомоса Дебайле, продолжавший политику отца; свергнут и убит в 1979 году.

«Появление новых слов, в том числе для старых понятий», например: *коллектив, бригада, слет, ударник, передовик* и т. д.[32] В отличие от романа Оруэлла число слов, пожалуй, не сокращается, а, скорее, увеличивается.

Заключая перечисление риторических приемов, типичных для языка советского периода, приведем цитату из романа Артура Кёстлера «Слепящая тьма», содержащую оценку этих языковых средств.

> Повторы; прием, применяемый в катехизисе, который заключается в использовании риторических вопросов и повторении вопроса целиком в ответе; стереотипные прилагательные, сокрытие собственного отношения или самого факта при помощи постановки слов в кавычки и придания им тем самым иронического смысла (напр., «революционное» прошлое Троцкого; «гуманистическое» блеяние «либеральной» прессы и т. д.) — все это важнейшие черты того стиля, непревзойденным мастером которого является Иосиф Джугашвили, стиля, который, благодаря своей монотонности, производил гипнотический эффект. Пара часов этого диалектического бу-бу-бу — и вы уже даже не могли вспомнить, какого вы пола, и готовы были сразу же поверить чему угодно, в зависимости от того, что будет на сей раз подвергнуто наказанию кавычками. Вы готовы были поверить также, что социалисты это: а) ваши самые страшные враги, б) ваши естественные союзники; что социалистические и капиталистические страны а) могут жить в мире; б) не могут жить в мире; и что когда Энгельс писал о невозможности построения социализма в одной стране, он имел в виду нечто совершенно противоположное.

Как справедливо замечает Е. Г. Рабинович (Рабинович 2000: 36), «редкостная некрасноречивость» была фирменной

---

[32] Обычно, когда говорят о новых словах, появившихся после революции, упоминают прежде всего аббревиатуры разных типов, как слоговые, так и инициальные, наподобие *детсад*, *комбед*, *Ленлесбумстройснабсбыт* или *СЗО ВНИИПИ «Энергопром»*. Следует отметить, однако, что огромное число аббревиатур, появившихся после революции, возможно, отражает общую тенденцию, характерную для многих европейских языков. В русском языке аббревиатуры наподобие *Главковерх* стали появляться еще до революции.

чертой советских политиков. Однако это было следствием даже не столько отсутствия в СССР жанра политической дискуссии, сколько общего свойства СПД: то, что говорится, должно быть сказано в правильной форме и в правильное время. В публичной сфере возможно только употребление «церемониального новояза» (выражение Ф. Том, — см.: Thom 1989). Тексты речей обычно заранее пишутся экспертами (референтами) с соблюдением всех необходимых норм. Выступить публично «без бумажки», с одной стороны, почти невозможно, поскольку разговорный язык недопустим, а породить без подготовки гладкий текст на «церемониальном новоязе» мало кому по силам; с другой стороны, это опасно, так как, импровизируя, можно допустить случайную ошибку, за которую потом придется дорого заплатить.

ЯЗЫКОВОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Засилье официального советского языка, прежде всего в публичной сфере, естественно, вызывало сопротивление и порождало «антитоталитарный язык» (см.: Вежбицка 1993)[33], используемый в устном общении, которое труднее всего было контролировать «сверху». Характерными чертами *языкового сопротивления*, в зависимости от социальной группы, было употребление множества иностранных слов, арготизмов, обсценной лексики, обыгрывание значения и формы слов (ср. анекдоты, обыгрывающие, например, дефекты произношения Брежнева, и т. п.).

---

[33] В этом отношении важно также упомянуть и другую работу (см.: Halliday 1978), где вводится понятие «анти-язык», относящееся к разновидностям языка, используемым теми группами, которые противопоставляют себя принятым общественным устоям и выражают это различными способами, в том числе и языковыми. Сюда попадают различные арго, тайные и детские языки и т. д. По мнению автора, использование всех этих разновидностей объединяет то, что они являются выражением языкового сопротивления принятой языковой норме и, таким образом, элитам, контролирующим власть в обществе.

Именно с языковыми особенностями можно связать увлечение в поздний советский период некоторых людей Лениным. Разумеется, его риторические таланты могут относительно высоко оцениваться только на фоне удручающего косноязычия более поздних советских руководителей. Его работы не отличаются блестящим стилем, однако по сравнению с докладами Брежнева или Черненко, которые написаны на сложившемся, зрелом новоязе, они обнаруживают по крайней мере некоторую живость (см.: Рабинович 2000: 36–37). Подсознательная посылка поклонников ленинских текстов могла быть такой: Ленин писал и говорил не так, как это делают нынешние лидеры; его язык живее и ярче, следовательно — ярче и живее его мысли, а нынешние косноязычные вожди «все испортили» — и язык и идеи.

В связи с этим можно также вспомнить о том, что в советские годы многие любили посещать политинформации — не те политинформации, когда кто-то из своих, по обязанности, по очереди читал вслух газету, а когда приезжал инструктор райкома или штатный партийный лектор. Дело, разумеется, было не только в том, что аудитория надеялась услышать что-то такое, о чем не писали советские газеты. Профессиональные лекторы были «посвященными», но в особом смысле слова: они излагали те же события в том же идеологическом ключе, что и газеты, но делали это почти «нормальным» языком. Другие не имели на это права, да и не смогли бы это сделать — из-за боязни ошибиться, сказать о чем-либо «не теми» словами. Лекторы представали как бы штатными толкователями, переводчиками с «деревянного».

Горбачёв в начале перестройки стал популярен еще и потому, что начал разрушать «деревянный язык». Его попытки говорить на публике «без бумажки» заканчивались тем, что куски речи на привычном всем «деревянном языке» оказывались разбавленными грамматическими ошибками, густо перемешанными с южнорусскими диалектизмами и просторечными словами. Позднее, когда Горбачёв стал терять популярность, эту его манеру стали зло высмеивать. В начале же перестройки его неграмотная, косноязычная

речь производила поразительное впечатление: это был первый советский руководитель, чьи выступления слушали не по обязанности. Благодаря этой новой манере публичных выступлений с Горбачёвым стали связывать надежды на изменения не только в языке[34]. Его стиль был воспринят как сигнал к разрушению «деревянного языка». Важным событием, обозначившим начало этого разрушения, стал Первый съезд народных депутатов. Огромный интерес, проявленный к нему в обществе, объяснялся не только содержанием выступлений, но и их языком. Это были первые попытки найти иную форму публичных выступлений взамен «церемониального новояза».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С. 208–286 (Гл. 5. Оптимизация социальной функции языка, функционирование языка как средства воздействия).

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–124.

Ван Дейк Т. А. Структура новостей в прессе // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 228–267. (См. также более раннее издание: М., 1989).

Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. 1994. Вып. 34 (Разд.: 4.2. Ритуализованная речь; 4.3. Тоталитарный дискурс).

Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 55–73.

[34] Высказывались предположения, что высокий рейтинг Путина, по крайней мере в первый период после его прихода к власти, также мог отчасти объясняться особенностями его речи («петербургская фонетика»), которая на фоне ельцинского «красноречия» выглядит вполне благополучно как в грамматическом, так и в фонетическом отношении. Такой контраст мог породить надежду и на благоприятные перемены в политике (см.: Бонч-Осмоловская б. г.).

Шмелёв А. Д. Приемы языковой демагогии: Апелляция к реальности как демагогический прием // Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. (Работа также была опубликована в: Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 405–416).

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MA: Polity Press in association with Blackwell, 1991. (См. также отрывки в: The Discourse Reader 1999: 502–513).

Seriot P. Analyse du discours politique Soviétique. Paris: Institut d'études slaves, 1985. (См. также: *Серио П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 337–383).

van Dijk T. A. Principles of Critical Discourse Analysis // The Sociolinguistics Reader. Vol. 2. Gender and Discourse / Ed. by J. Cheshire, P. Trudgill. London, etc.: Arnold, 1998. P. 367–393.

Young J. W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Communist Antecedents. Charlottesville; London: Univ. of Virginia Press, 1991.

Дополнительная литература

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986. С. 100–143.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.

Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae: Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 181–208.

Пирогова Ю. К. Современные творческие рекламные стратегии и их отражение в тексте // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 9–51.

Shrank J. The Language of Advertising Claims // Language Awareness. 6th edition / Ed. by P. Escholz, A. Rsa, V. Clark. New York: St. Martin's Press, 1994.

Thom F. The Language of Soviet Communism (La langue de bois). London; Lexington: The Claridge Press, 1989.

Глава 8

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Цель настоящего раздела — дать представление об области, которая по-английски называется interactional sociolinguistics; соответствующее русское название, используемое в настоящем разделе, — *интеракционная социолингвистика*. В предыдущих разделах в основном затрагивались вопросы, относящиеся к макросоциолингвистической проблематике, т. е. все явления рассматривались в масштабе языкового коллектива, а не индивида. Интеракционистский подход предполагает переход с макроуровня на микроуровень социолингвистического анализа: внимание сосредоточивается на межличностном общении, на анализе непосредственно самого процесса разговора (диалога).

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В большинстве современных работ, посвященных проблемам межличностной коммуникации, развиваются идеи и методы, которые впервые были предложены двумя американскими исследователями — социологом И. Гофманом (Erving Goffman) и лингвистом Дж. Гамперцом (John Gumperz). Истоки научного творчества И. Гофмана можно обнаружить в работах классиков социологии Э. Дюркгейма (Emile Durkheim) и Г. Зиммеля (Georg Simmel). Однако работы И. Гофмана выходят за рамки социологии и затрагивают такие области, как социальная психология, лингвистика, теория коммуникации, психиатрия, политология.

«СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ» И. ГОФМАНА

И. Гофман перенес изучение взаимоотношения *я* (*self*, т. е. нашего ощущения себя, нашего представления о себе: кто мы и как индивиды, и в социальном смысле) и общества на микроуровень анализа, а именно сосредоточил внимание на мелких, повседневных актах взаимодействия, в которые мы оказываемся вовлеченными едва ли не ежесекундно. И. Гофман определяет *взаимодействие лицом к лицу* (face-to-face interaction) как «взаимное влияние индивидов на действия друг друга в условиях непосредственного физического присутствия всех участников» (Гофман 2000: 47).

По И. Гофману, то, что мы из себя представляем (или думаем, что представляем), — это продукт не только социальных процессов, которые происходят на уровне социальных институтов (семья, школа, работа и т. д.), но и социальных процессов, которые на первый взгляд незаметны и происходят на уровне повседневных ситуаций общения. Эти микроуровневые процессы помогают нам некоторым образом организовать наше повседневное поведение и придать ему смысл в каждую данную секунду; они дают нам возможность ощущать себя как личность. Разнообразные приемы, используемые в повседневном поведении, служат не только для того, чтобы конструировать и поддерживать социальное взаимодействие, но и в равной степени для того, чтобы конструировать наше представление о самих себе и о тех, с кем это взаимодействие осуществляется.

Таким образом, наше повседневное поведение и взаимодействие с окружающими оказываются чрезвычайно важными, с одной стороны, для того чтобы создавать и поддерживать те *социальные роли, которые мы играем* (т. е. наши social identities), с другой стороны, для того чтобы конструировать *личностные представления о себе и о других* (personal identities). Те «идентичности», которые создаются в процессе взаимодействия лицом-к-лицу и которые принимаются коммуникантами, в конечном счете утверж-

дают некоторый социальный порядок и обеспечивают стабильность, наполняют смыслом социальные институты и установления.

И. Гофман предлагает рассматривать *я* (*self*) как социальную конструкцию, применяя понятие *face* (*букв.* лицо) — «позитивная социальная ценность, которую каждый утверждает в процессе коммуникации с другими и которая принимается остальными» (Goffman 1999: 306). Таким образом, особенность позиции И. Гофмана заключается в том, что он не помещает *face* в область человеческой психики. По его мнению, *face* «диффузно растворено в потоке событий, происходящих в процессе взаимодействия, и находит свое выражение только тогда, когда эти события прочитываются и интерпретируются для того, чтобы выявить те оценки, которые в них заключены» (Goffman 1999: 307).Таким образом, само существование (поддержание) *self* и *face* встроено в ткань социального взаимодействия и взаимной дополнительности *я* и *другого*.

Один из способов поддержания *face* — то, что Гофман называет *межличностными ритуалами*[1] (interpersonal rituals). Гофман выделяет два их типа. *Презентационные ритуалы* (presentational rituals) — это те «акты, через которые индивид дает понять реципиентам, как он их воспринимает» (Goffman 1967: 71, — цит. по: Schiffrin 1996: 309). *Ритуалы избегания* (avoidance rituals) — это «такие формы выражения уважительного отношения, при помощи которых актор может держаться на расстоянии от реципиента» (Там же). То, каким образом люди используют язык, сводится к искусному балансированию между этими двумя аспектами понятия *face*. Это балансирование вызывает употребление так называемых непрямых речевых актов, или, другими словами, маскировку речевых актов. Так, прямая просьба,

[1] И. Гофман объясняет выбор именно этого термина следующим образом: акты социального взаимодействия содержат «символический компонент, посредством которого актор демонстрирует, в какой степени он заслуживает уважительного отношения или в какой степени, с его точки зрения, его заслуживают другие» (Goffman 1999: 312).

адресованная партнеру по коммуникации, может создать угрозу его *face*, поскольку для выполнения просьбы ему, скорее всего, придется изменить свои первоначальные планы. Поэтому предпочтение отдается не императивному предложению, например «Откройте окно» (или даже «вежливому императиву» «Откройте, пожалуйста, окно»), а предложению с императивом 1-го лица, множественного числа, указывающему на общую заинтересованность (включенность в ситуацию) как говорящего, так и слушающего: «Давайте откроем окно?» Возможны также другие варианты, демонстрирующие, что говорящий не хочет накладывать на слушающего никаких обязательств, например: «Простите, не могли бы Вы, если Вас это не затруднит, открыть окно?»

Выбор той или иной стратегии поддержания (сохранения) *face* связан с тем, как именно говорящий хочет представить свое *я*. Для того чтобы представить *я* наиболее выгодным, с точки зрения говорящего, образом, используются материальные и символические ресурсы, существующие в обществе благодаря социальным институтам и установлениям. И. Гофман разделяет *self* на *публичный персонаж* (public character) и *частный персонаж* (private performer). Действующие лица (акторы) в каждом конкретном акте взаимодействия выбирают, какую из этих двух сторон *self* выдвинуть на первый план. Это достигается благодаря тому, что участники коммуникации демонстрируют свою связь с теми или иными социальными институтами или, напротив, дистанцируются от них. Для этой цели используются как материальные ресурсы (например, в университете оказывается важным, где расположены и как устроены аудитории и кабинеты университетского начальства, как расставлены столы в аудиториях, какие учебные материалы используются и т. д.), так и символические (эксплицитно выраженные, например выбор одежды, или имплицитно — речевое поведение, система оценок, принятые правила поведения)[2]. В свою очередь, способы представления *self* в

[2] Пример заимствован из: Schiffrin 1996: 310.

процессе социального взаимодействия тесно связаны с проблемой «язык и власть» (см. гл. 7).

Как уже отмечалось выше, повседневное социальное взаимодействие играет ключевую роль в складывании нашего представления о некотором порядке и социальной стабильности, сбалансированности. И. Гофман отмечает, что все мы втянуты в эти отношения и что от каждого из нас зависит поддержание *face* другого: он сравнивает эту ситуацию с цепочкой людей, которые стоят взявшись за руки, — они должны надлежащим образом передать то, что получено от индивида, стоящего слева, тому индивиду, который находится справа[3]. Такая межличностная зависимость может быть вполне распространена и на процесс вербальной коммуникации. Речь при этом идет не только о том, что конструкция *self* и значение высказываний, используемых при коммуникации, во многом зависят от того, как происходит процесс социального взаимодействия, — от повседневного социального взаимодействия зависит и наше знание того, что мы должны делать с языком, как именно и в каких ситуациях его использовать.

ТЕОРИЯ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ» П. БРАУН И С. ЛЕВИНСОНА

Сформулированные И. Гофманом положения имели важнейшее значение как для социологии, так и для социолингвистики. Пожалуй, самая известная из лингвистичес-

[3] Работы И. Гофмана отличает активное использование метафор — это хорошо видно из приведенного примера. Самая важная из используемых в работах Гофмана метафор — метафора театра: участники социального взаимодействия — актеры; performance — исполнение, разыгрывание пьесы; все участники конкретной ситуации социального взаимодействия уподоблены театральным зрителям, которым известны «правила игры», но которые не знают сюжета разыгрываемой пьесы. Не случайно метод И. Гофмана иногда называют «социологической драматургией» или «драматической социологией».

ких работ — ставшая классической монография П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson 1987). Отталкиваясь от гофмановского понятия *face*, авторы разрабатывают теорию *«лингвистической вежливости»*, или *«лингвистического этикета»*. Совершенно очевидно, что вежливость связана с понятием *face*. Понятие «вежливость» подразумевает, что все возможные социальные средства используются для того, чтобы все участники коммуникации чувствовали себя комфортно, чувствовали себя «на месте» в процессе этой коммуникации. В конечном счете *вежливость* — это умение использовать в процессе коммуникации правильные стратегии.

Развивая идеи И. Гофмана, П. Браун и С. Левинсон вводят понятия *positive face* и *negative face*. Под *positive face* понимается то, что у И. Гофмана называется просто *face*, ср.: «наполненный положительным содержанием образ себя (self-image), или личность, востребованная партнером по коммуникации (этот образ себя обязательно подразумевает желание коммуниканта, чтобы он был положительно оценен и одобрен партнером по коммуникации)» (Brown, Levinson 1987: 61). *Negative face* — это свобода действий, это право оставаться самим собой, право на свободу действий и право на то, чтобы не испытывать давления, право не принимать на себя неприятных обязательств (ср. выше гофмановские «межличностные ритуалы», которые, в свою очередь, делятся на «презентационные ритуалы» и «ритуалы избегания»). Таким образом, авторы усматривают в *face* два аспекта, которые выражаются в определенных требованиях, предъявляемых любым коммуникантом к взаимодействию: быть поддержанным, быть положительно оцененным хотя бы некоторыми из окружающих, а также не испытывать препятствий в своих действиях. Социальное взаимодействие представляется как совместная («кооперативная»)[4]

[4] Слово «кооперативный» употреблено здесь сознательно, чтобы связать это с так называемым *принципом кооперации* Г. П. Грайса (об этом см. с. 234).

деятельность: коммуниканты взаимодействуют, чтобы поддержать *face* друг друга.

Однако в процессе коммуникации неизбежно возникают ситуации, которые включают в себя действия, несущие угрозу *face* другого. Некоторые речевые акты (обещания, приказы) несут угрозу *negative face* другого — препятствуют свободе действий (особенно ясно видно на примере приказов). Другие речевые акты (такие, как извинения или несогласие) угрожают *positive face* (например, несогласие с точкой зрения, взглядами другого угрожает положительной самооценке другого и, следовательно, его *positive face*).

Вежливость, выражаемая языковыми средствами, не что иное как маскировка речевых актов, которые несут угрозу *positive* или *negative face* партнера по коммуникации. Соответственно вежливость тоже бывает позитивная и негативная. Цель *позитивной вежливости* — замаскировать угрозу *positive face*. Говорящий использует специальные средства, чтобы показать, что он уважает желание собеседника иметь свое собственное почитаемое (признаваемое) *positive face*. Обычно говорящий демонстрирует, что он учитывает (принимает) по крайней мере часть притязаний слушающего. *Стратегии позитивной вежливости* включают утверждения, свидетельствующие о доброжелательности, дружеских чувствах, солидарности. Ниже приводятся (с некоторыми изменениями) примеры высказываний, демонстрирующие эти стратегии[5].

1) **Выражай участие по отношению к нуждам, запросам слушающего.**
   Почему ты такой грустный? Могу я чем-нибудь помочь?

2) **Используй специальные маркеры внутригрупповой солидарности.**
   О, привет, старик, одолжи полтинник до завтра.

3) **Будь оптимистичным.**
   Так, отлично. Если не возражаешь, я тебе немного помогу.

[5] Подробнее см.: Brown, Levinson 1987: 101–129.

4) **Включай и говорящего и слушающего в совместную деятельность.**
Ну, если мы вместе за это возьмемся, то уж или сегодня же закончим, или никогда.

5) **Делай предложения и давай обещания.**
Давай, если ты посуду помоешь, я квартиру уберу.

6) **Проявляй преувеличенный интерес к слушающему или его интересам.**
Ой, где ты такую прическу сделала? Как тебе идет!

7) **Избегай открытого несогласия.**
Ср. знаменитый анекдот, демонстрирующий один из безопасных способов несогласия с начальством:
А крокодилы летают? — Нет, конечно. — А товарищ майор говорит, что летают. — Ну, они летают, но только очень низко.

8) **Шути.**
У, да это не рыба, а целая акула!

Все перечисленные стратегии направлены на то, чтобы слушающий чувствовал уважительное отношение: говорящий заботится об интересах слушающего.

Негативная вежливость ориентирована на *negative face* собеседника, она учитывает желание слушающего быть независимым. Обычно стратегии негативной вежливости подчеркивают отсутствие давления на собеседника (ср. приводимые ниже примеры высказываний, демонстрирующие стратегии негативной вежливости)[6].

1) **Не говори прямо.**
Вы не скажете, как пройти в библиотеку?

2) **Используй модальность возможности (необязательности) и вопросы.**
Вы не могли бы передать соль?
Может быть, он случайно взял книгу, я уверен, что случайно.

3) **Будь пессимистичным (в отношении своих интересов).**
Не знаю, ты, наверное, сейчас не сможешь мне одолжить сто рублей.

[6] Подробнее см.: Ibid: 129–211.

4) **Преуменьшай неудобства и обязательства.**
Да это совсем рядом, в двух шагах от твоего дома, к восьми ты уже вернешься.

5) **Избегай прямого обращения к говорящему (используй номинализацию, пассивную конструкцию, «общие» высказывания).**
Курение опасно для здоровья.
Надеюсь, все будет сделано в срок.
У нас не курят.

6) **Проси прощения, извиняйся.**
Извините, очень неудобно просить, но не могли бы Вы закрыть окно?

7) **Используй местоимения множественного числа.**
Мы с прискорбием сообщаем...

Иногда говорящий считает угрозу *face* слушающего настолько серьезной, что полагает использование стратегий позитивной и негативной вежливости недостаточным и изобретает какой-нибудь «окольный путь», например: «Что-то здесь прохладно» вместо «Закройте окно»; «Гардероб работает до 21.15» вместо «Собирайте вещи и уходите» (ср. также знаменитую фразу голодного Бендера: «В Берлине есть очень странный обычай: там едят так поздно, что нельзя понять, что это — ранний ужин или поздний обед»). Чем большей представляется говорящему угроза *face* слушающего, тем тщательнее она маскируется. Разумеется, самая надежная в этом отношении стратегия — не использовать в речевом поведении вообще ничего, что могло бы угрожать *face* партнера по коммуникации.

ПРИНЦИП КООПЕРАЦИИ. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ Г. П. ГРАЙСА

В модели вежливости, предложенной П. Браун и С. Левинсоном, важнейшую роль играет *принцип кооперации* между коммуникантами, используемый при взаимном под-

держании *face* в процессе коммуникации. В идеальном случае коммуниканты совершают различные речевые акты для поддержания *face* друг друга. Лингвистический аналог этого явления (и отправная точка для П. Браун и С. Левинсона) обнаруживается в работе философа и логика Г. П. Грайса[7] (Грайс 1985). Он пытается вскрыть логику рационального поведения, которая стоит за взаимодействием в процессе устного общения.

Наиболее значительным вкладом Г. П. Грайса в теорию речевых актов стали *коммуникативные постулаты*, или *коммуникативные максимы* (conversational maxima). Это предписания говорящему, вытекающие из некоторого общего *принципа кооперации*, который состоит в том, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания. Каждому постулату (если исходить из того, что все постулаты соблюдаются) соответствует правило, позволяющее выводить из прямого смысла высказывания так называемые *коммуникативные импликатуры* (conversational implicatures) — компоненты содержания высказывания, не входящие в собственно смысл предложения и в то же время передаваемые с достаточной надежностью от говорящего к слушающему[8]. Те же самые постулаты, если принять точку зрения говорящего, а не слушающего, можно представить как правила, позволяющие говорящему построить высказывание таким образом, чтобы адекватно воплотить свое коммуникативное намерение, не выражая эксплицитно того, что не требует эксплицитного выражения, а будет понятно благодаря принципу кооперации.

Коммуникативные постулаты Г. П. Грайса делятся на четыре группы.

1) **Максимы количества, или постулаты информативности**: «Ты не должен давать слишком много или, наоборот, слишком мало информации в конкретной коммуникативной ситуа-

[7] В некоторых более поздних работах — П. Грайс.

[8] Подробнее см.: Грайс 1985: 220–221.

ции», т. е., иными словами, «Твое высказывание должно быть достаточно информативным»; «Оно не должно содержать лишней информации». Допустим, вы встретили на улице знакомого и в коротком разговоре спросили, как поживает его жена. В ответ он говорит вам, что она сейчас перешла на работу в компьютерную фирму, очень довольна работой и вообще у нее все в порядке. Это количество информации отражает адекватное использование максимы количества. Если же в ответ на ваш вопрос он говорит: «Она жива», — это нарушение указанного принципа, так как высказывание содержит слишком мало информации. Если же, напротив, встреченный приятель в ответ на простой и достаточно формальный вопрос о жене начинает рассказывать, что она устроилась на работу в компьютерную фирму, работа ее устраивает, но она рассчитывает на повышение через полгода, а еще она на прошлой неделе ходила на ужасно модный концерт, месяц назад купила потрясающее вечернее платье, а до этого еще и новую мебель, вчера сделала новую прическу, а летом собирается поехать на Балеарские острова и будет нырять там с аквалангом, — это будет явный избыток информации и нарушение соответствующих постулатов.

2) **Максимы качества, или постулаты истинности**: «Не говори того, что считаешь ложным», «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Эти максимы предполагают искренность собеседника или по крайней мере то, что он не введет вас в заблуждение.

3) **Постулат релевантности**: «Не отклоняйся от темы», «Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу». Следование этой максиме обеспечивает связность коммуникации. Например, проходя по улице, вы видите, что одно из окон распахнулось, оттуда высунулся человек и кричит: «Помогите, пожар!» Если Вы кричите ему в ответ: «Я вызываю пожарную команду, без паники, они через минуту приедут», — это будет адекватной реакцией. Если же Вы, услышав его крики, спрашиваете: «Как мне пройти в библиотеку?», — то коммуникацию вряд ли можно признать успешной.

4) **Максимы формы выражения (Maxim of Manner), или постулаты ясности выражения**: «Избегай неясных выражений», «Избегай неоднозначности», «Будь краток», «Будь упорядочен». Если Вы на вопрос о том, как прошел доклад X, ответите: «Доклад был не самый впечатляющий, отсутствовала ло-

гика изложения, выводы выглядят очень сомнительно», то такой ответ, несомненно, будет отличаться ясностью. Если же Вы скажете: «Ну что же, доклад был сделан на ту тему, которая была объявлена, говорил Х минут двадцать», то такой ответ не будет отвечать постулату ясности (другое дело, что нарушен он был намеренно).

В определенных контекстах говорящий может сознательно использовать тот или иной коммуникативный постулат для передачи информации в завуалированной форме, не выражая своих намерений эксплицитно, — тем самым он заставляет слушающего вывести соответствующий компонент содержания высказывания в качестве коммуникативной импликатуры. Г. П. Грайс (Грайс 1985: 228–236)[9] отмечает, что многие приемы такого рода носят устойчивый характер, т. е. закрепились в качестве *фигур речи*[10].

1) **В тавтологических высказываниях** типа *Закон есть закон* нарушен постулат информативности, поскольку их прямой смысл тавтологичен. Это заставляет слушающего полагать, что их подлинный смысл — в импликациях, входящих в смысл слов. Так, для данного высказывания это будет «Закон надо выполнять».
2) **Ирония, метафора, литота (мейозис), гипербола** — использование всех этих приемов приводит к порождению высказываний, имеющих формально ложный смысл, и, таким образом, к нарушению постулата истинности. Это заставляет слушающего искать в высказывании скрытый смысл.
3) Если в диалоге ответ лица *B* на реплику лица *A* очевидным образом нарушает постулат релевантности, то в нем может содержаться импликатура «*A* сделал **бестактное заявление**».
4) **Каламбур** представляет собой прием, используя который, говорящий эксплуатирует постулат ясности: он намеренно порождает неоднозначное высказывание. Высказывание, допускающее два или более осмыслений, следует признать «семантически аномальным» (выражение Е. В. Падучевой): назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-

[9] См. также: Падучева 1997: 192.
[10] Приводятся здесь в том виде, как они представлены в указанной работе Е. В. Падучевой.

либо из его смыслов, а в том, чтобы использовать более одного смысла и привлечь внимание слушающего к игре смыслов.

Следует заметить, что принцип кооперации Г. П. Грайса находит параллели в работах И. Гофмана, который выделяет два вида взаимодействия: *несфокусированное взаимодействие* (unfocused interaction) и *сфокусированное взаимодействие* (focused interaction) (Goffman 1961). В качестве примера несфокусированного взаимодействия можно привести ситуацию, когда два незнакомых человека глазами изучают друг друга, при этом каждый из них вынужден корректировать свое поведение, понимая, что за ним наблюдают. В то же время встречаются ситуации, когда люди договариваются на какое-то время поддерживать «единый фокус когнитивного и визуального внимания, например в случае речевого общения, настольной игры или общей задачи, разделяемой узким кругом вовлеченных в тесное взаимодействие лиц» (Goffman 1961: 7). Ситуации такого типа И. Гофман называет сфокусированным взаимодействием; оно имеет очевидные параллели с принципом кооперации Г. П. Грайса.

ТЕОРИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЖ. ГАМПЕРЦА

Выше уже отмечалось, что невозможно переоценить значение идей И. Гофмана для социолингвистики. Появилось множество работ, которые развили и уточнили многие сформулированные им положения. Особенно важными в этом отношении оказались исследования Дж. Гамперца, в сочетании с идеями И. Гофмана заложившие основание общей теории вербальной коммуникации.

В своих работах, включенных в сборник 1982 года, Дж. Гамперц (Gumperz 1982) разрабатывает интерпретативный социолингвистический подход к процессам, имеющим место в межличностном общении. По его мнению,

внимательное изучение всех без исключения языковых средств показывает, «что то, каким именно образом работает наше восприятие, и то, что откладывается в нашем сознании, является производной функцией от нашей предустановки на восприятие, которая культурно специфична» (Gumperz 1982: 12). Наше речевое поведение, так же как и сама лингвистическая структура, на которой это поведение базируется, открыто внешнему влиянию, как социальному, так и культурному. Для того чтобы понять, как именно происходит это влияние, необходимо, по мнению Дж. Гамперца, соединить то, что нам известно о грамматике, культуре, интеракционных конвенциях в рамках общей теории вербальной коммуникации. Такая теория должна строиться на некоторой единой концептуальной основе и аналитических процедурах.

В работах Дж. Гамперца важное место занимает проблема *межкультурной коммуникации* (intercultural communication) и анализ механизмов *коммуникативной неудачи* (miscommunication, communication failure). Следует особо подчеркнуть, что понятие межкультурной коммуникации охватывает не только те случаи, когда один из коммуникантов говорит на неродном языке (при этом он может допустить так называемый *социолингвистический перенос* (sociolinguistic transfer), т. е. применить правила использования языка, принятого в его культуре, что приводит к коммуникативной неудаче), но и те случаи, когда у обоих коммуникантов один и тот же родной язык. Основная причина непонимания в такой ситуации — социальная и культурная неоднородность общества. Поскольку часто в контакт вступают люди с очень разным социальным и культурным опытом, при коммуникации могут возникать затруднения и непонимание. Разный предшествующий опыт включает и разное представление о языке и о том, как именно им надо пользоваться в различных ситуациях.

Существуют и другие аспекты, которые осложняют дело и затрудняют эффективную коммуникацию. Культурному влиянию и реинтерпретации могут подвергаться не

только черты, относящиеся к тем языковым уровням, которые считаются основными (синтаксис, фонология, семантика). Точно такому же влиянию поддаются и те черты языковой системы, которые часто считают периферийными: интонация, темп речи, ритм, существующий выбор в области лексики, фонетики, синтаксиса. Так как среднестатистический носитель, как правило, не осознает, что эти черты также самым активным образом используются в речи, ему трудно осознать их коммуникативную значимость. Анализируя различия в речевом поведении белых и черных в США, а также британцев «коренных» и британцев индийского происхождения, Дж. Гамперц показывает, как разное восприятие и разная интерпретация именно этих, казалось бы, периферийных черт приводят к непониманию, к формированию расовых и этнических стереотипов, увеличивают социальный разрыв между индивидами с неодинаковыми социальными статусами.

«Периферийные» механизмы, о которых шла речь выше (Дж. Гамперц называет их также *сигнальными механизмами* (signalling mechanisms), — см.: Gumperz 1982: 16), представляют собой *контекстуализирующие зацепки* (contextualization cues). Эти аспекты вербального и невербального поведения, в свою очередь, связаны с *контекстными пресуппозициями* (contextual presuppositions). Знание «контекстных пресуппозиций» при условии правильного определения и «прочтения» «контекстуализирующих зацепок» позволяет слушающему делать *ситуативные выводы* (situated inferences) относительно того, что́ говорящий хочет сообщить в процессе коммуникации.

Рассмотрим один из примеров, приводимых Дж. Гамперцем (Gumperz 1982: 147)[11].

Teacher: James, what does this word say?
James: I don't know.
Teacher: Well, if you don't want to try, someone else will. Freddy?

[11] Этот пример разбирается также в работе Д. Шифрин: Schiffrin 1996: 313.

Freddy: Is that a *p* or *b*?
Teacher: (encouragingly) It's a *p*.
Freddy: Pen.

Из диалога ясно, что учительница интерпретирует ответ Джеймса как отказ попробовать поразмышлять и дать ответ. Однако в данном случае важно, что фраза Джеймса имеет повышающуюся интонацию. Дж. Гамперц замечает, что повышающаяся интонация в афро-американском сообществе (а Джеймс принадлежит к нему) выражает желание получить поддержку. Учительница этого не знала, поэтому не смогла определить эту интонацию как соответствующую «контекстуализирующую зацепку» и интерпретировала сказанное в соответствии со своими представлениями об использовании речевых средств.

Этот пример показывает, что «контекстуализирующие зацепки» могут определять значение высказывания. Благодаря тому что члены одного языкового сообщества имеют постоянную практику общения друг с другом, у них вырабатываются общие «контекстуализирующие зацепки». Разумеется, члены другого сообщества могут «выучить» их. Процесс выучивания предполагает внимательное наблюдение за тем, как происходит языковое взаимодействие: индивид должен следить за тем, какую реакцию вызвала та или иная интонация и прочие «периферийные» языковые средства.

Важно еще раз подчеркнуть: в основе всех разобранных выше работ лежит положение о том, что язык представляет собой социально и культурно обусловленную символическую систему, использование которой, с одной стороны, помогает отражать макроуровневые социальные значения (групповая идентичность, статусные различия), а с другой стороны, одновременно позволяет создавать микроуровневые социальные значения (что́ индивид говорит и делает в каждый конкретный момент). То, каким образом мы используем язык, указывает на нашу принадлежность к определенной социальной группе. Вместе с тем наше речевое поведение содержит указания на то, кто́ такой говорящий, кем он себя считает, что́ именно он хочет сообщить, а также

демонстрирует знание говорящим того, каким именно способом всего этого можно достигнуть. Способность производить в своем речевом поведении такие указания и умение понимать их в речи других являются частью нашей *коммуникативной компетенции*[12].

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Когда говорят о *межкультурной коммуникации*, то прежде всего, как правило, анализируют случаи непонимания между представителями разных культурных групп. Непонимание это основывается на разных ценностных системах, которые характеризуют различные культурные группы, на разных конфигурациях социальных отношений, разных доминирующих идеологических установках. Эти различия в измерениях социального контекста определяют те коммуникативные конвенции, которые вырабатываются внутри группы. Конвенции эти, таким образом, оказываются культурно специфичными. Это дает основание некоторым исследователям поставить под сомнение универсальность представленных выше концепций.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ВЕЖЛИВОСТИ И *FACE*

Рассмотрим с этой точки зрения модель вежливости, разработанную П. Браун и С. Левинсоном (Brown, Levinson 1987). На первый взгляд, у авторов есть все основания на-

[12] Это понятие было введено Д. Хаймсом в дополнение к понятию *грамматическая компетенция* (см.: Hymes 1972a: 269–293; см. также: Hymes 1997: 12–22). Идеи Д. Хаймса о коммуникативной компетенции развиваются в работе Дж. Гамперца (Gumperz 1997: 39–48).

стаивать на ее универсальности, поскольку она базируется на материале таких разных языков, как английский, цельталь (Мексика, язык индейцев майя, группа чаньябаль) и тамильский (Индия, южная группа дравидийских языков). Авторы пытаются выстроить типологию культур в зависимости от того, какой тип вежливости является в них доминирующим, а также на основании того, как различные типы вежливости распределяются в различных социальных группах. В *эгалитарных* обществах, где социальное расстояние между коммуникантами невелико и разница между ними в обладании властью не столь значительна, будут преобладать стратегии позитивной вежливости. В обществах *с жесткой иерархической организацией*, например кастовых, человек принадлежащий к более низкой касте, обращаясь к человеку более высокой касты, употребит весь арсенал стратегий негативной вежливости, в то время как при обращении к нему едва ли вообще будут применяться какие-либо стратегии вежливости.

Говоря о распределении разных типов вежливости в различных социальных группах, Браун и Левинсон приходят в выводу, что классам, обладающим властью в иерархических обществах, свойственна культура негативной вежливости, поскольку они и так обладают свободой действий и нуждаются только в том, чтобы маскировать угрозу накладывания ограничений на эту свободу. Низшим классам в иерархических обществах свойственна культура позитивной вежливости, так как они лишены свободы действий и остро нуждаются в солидарности и поддержании друг друга через позитивную оценку их *face*. Если принять в расчет эти корреляции, становятся понятными результаты гендерных исследований, которые показывают, что общение женщин обычно характеризуется проявлением позитивной вежливости, а мужчин — негативной вежливости (см., например: Brown 1980).

В развитие этого направления появились сопоставительные исследования, в которых рассматривается в сравнении вежливость в двух разных культурах. Так, в

современных учебниках по социолингвистике[13] часто ссылаются на работу М. Сифиану (Sifianou 1992), в которой отмечается неодинаковая значимость, придаваемая двум аспектам *face* в Англии и Греции. У англичан больше ценятся приватность и индивидуальность (*negative face*), греки всегда стремятся подчеркнуть соучастие, включенность в коллектив и внутригрупповые отношения (*positive face*). В случае с Грецией в процессе социального взаимодействия индивид всегда рассматривается в связи с другими индивидами, входящими в его микрогруппу. Членами микрогруппы считаются все те, кто поддерживает его благополучие. Эта микрогруппа покрывается понятием *positive face*, так что в данном случае уместна формулировка «друг твоего друга — мой друг», т. е. на членов этой микрогруппы будут распространяться поддержка и одобрение. Члены этой микрогруппы используют позитивную вежливость при общении между собой, или они могут в процессе внутригрупповой коммуникации вообще не использовать никакой вежливости. Что касается негативной вежливости, то ее оставляют для чужих, т. е. для тех, кто не входит в данную микрогруппу. Во внутригрупповом общении могут вообще не использоваться стратегии вежливости. Все члены микрогруппы считают своей обязанностью всячески поддерживать друг друга. Они не видят необходимости извиняться или благодарить за что-то — это воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Поэтому просьбы (даже приказы) и пожелания выражаются открыто, они не маскируются, как это имеет место, например, в английской культуре[14]. В английской культуре приняты гораздо менее прямые формы взаимодействия с *другими*, и помощь (поддержка) полагаются зависящими от личности того, с кем взаимодействуешь. Поэтому

[13] См., например: Foley 1997: 274.

[14] Специальные исследования такого рода в России не проводились, однако можно предположить, что будут получены результаты, скорее сходные с греческими, чем с английскими.

благодарности и извинения даже за совершенно незначительные одолжения и действия считаются естественными. Даже среди близких люди, на внутригрупповом уровне это считается нормой. Такая ситуация отражает индивидуалистические представления о *face*, и, таким образом, на первый план выходит *negative face*.

Еще более критически по отношению к теории П. Браун и С. Левинсона настроены авторы некоторых других работ, особенно тех, которые опираются на материал ряда азиатских культур. В этих работах утверждается, что деление на *positive face* и *negative face* для этих культур нерелевантно; что значимость, которая придается *negative face* (возможность свободно действовать, не испытывать ограничений, которые накладываются *другими*), — лишь следствие той важной роли, которую играет индивидуализм в западной концепции личности. Так, в работе Й. Мацумото (Matsumoto 1988)[15] отмечается, что для японца важно не то, имеет он свободу действий или нет, а то, какое место он занимает внутри группы, как он воспринимается другими членами этой группы и какие обязательства это на него накладывает. Это отличие связано с разницей между эгоцентрической, индивидуалистской концепцией личности, принятой в «западных» обществах, и социоцентрической, коллективистской концепцией личности, принятой в таких странах, как Япония, Китай и др. *Face* как позитивная самооценка (*positive face*), конечно, «работает» и в японском обществе, однако это понятие следует рассматривать с учетом социоцентричности японского общества.

Почтительность в английской культуре ассоциируется прежде всего со стремлением не причинять собеседнику неудобств, не стеснять его свободу, не накладывать на собеседника никаких обязательств. Если все же таких последствий нельзя избежать, то говорящий старается «понизить градус», замаскировать свое вмешательство. По мнению Й. Мацу-

[15] Эта работа разбирается также в книге У. Фоули (Foley 1997: 274–275).

мото (Matsumoto 1988: 409), в японской культуре отсутствует то, что П. Браун и С. Левинсон называют *negative face*. Почтительность в японской культуре ассоциируется не со стремлением свести к минимуму причиняемое неудобство и ограничение свободы, а с репрезентацией позитивных взаимоотношений между коммуникантами («позитивная вежливость»). Й. Мацумото приводит хороший пример, который буквально переводится так: *«Пожалуйста, я прошу тебя обращаться со мной хорошо»*. Это выражение используется при знакомстве и выражает надежду, что взаимоотношения пойдут на пользу обеим сторонам. С формальной точки зрения, это выражение ограничивает свободу коммуниканта, накладывает на него определенные обязательства. Кроме того, оно ставит говорящего в подчиненное положение и выражает почтительность. Однако одновременно оно со всей очевидностью выражает взаимозависимость — главную добродетель японской культуры. В японском обществе считается самой большой честью, если вас просят позаботиться о ком-либо. Человек, которого просят об этом, получает определенный статус, и это «работает» на *positive face* адресата. Однако используя это выражение и ставя себя в зависимость от своего коммуниканта, говорящий укрепляет и собственный *positive face*. Таким образом, для японской культуры противопоставление *positive face* — *negative face* оказывается нерелевантным: *face* рассматривается только как положительная самооценка, которая нуждается в поддержке партнера по взаимодействию. При этом речевое поведение может поддерживать *face* или угрожать ему. Разница между японской и «западными» культурами сводится к противопоставлению эгоцентрического и социоцентрического. Собственно говоря, приведенные факты ставят под сомнение разделение *face* на два аспекта, которое было сделано П. Браун и С. Левинсоном, и фактически возвращают нас к тому, что было у И. Гофмана, — единому понятию *face* (напомним, что оно совпадает с тем, что у П. Браун и С. Левинсона выступает как *positive face*).

Следует отметить, что, несмотря на справедливую критику, которой подверглась теория П. Браун и С. Левинсона, а также на ряд не укладывающихся в их концепцию фактов, в книге содержится много интересных наблюдений, а также положений, которые являются универсальными.

УНИВЕРСАЛЕН ЛИ ПРИНЦИП КООПЕРАЦИИ?

Справедливо задать вопрос: имеют ли коммуникативные постулаты Г. П. Грайса, рассмотренные выше, универсальный характер? Обычно считается, что они никак не связаны с конвенциональными свойствами конкретных языков и являются следствием самых общих требований успешной коммуникации. Казалось бы, соответствующие ограничения естественно наложить на себя любым участникам социального взаимодействия. Однако появились работы, в которых этот принцип подвергся справедливой критике, в частности за то, что он базируется только на материале «западных» культур[16]. Одна из таких работ — статья Э. Кинэна (Keenan 1976: 67–80). Оспаривая положения работы Г. П. Грайса, автор анализирует коммуникативные практики, принятые в малагасийской культуре, в частности практики, распространенные среди малагасийских крестьян[17].

---

[16] В настоящем разделе не рассматривается еще одна важная проблема, связанная с межкультурными различиями в представлении о *face*, концепте личности, с различными вариациями коммуникативных постулатов в разных культурах. Речь идет о возможности рассматривать все эти явления в рамках *принципа лингвистической относительности* (в его современной интерпретации) (см. об этом, например: Hymes 1972b, а также более поздние работы — в частности, библиографию и описание проблемы см.: Foley 1997: ч. 4 и, кроме того, с. 282–285; см. также: Duranti 1998).

[17] *Малагасийский (мальгашский) язык* — один из австронезийских языков (малайско-полинезийская ветвь), на нем говорят на о. Мадагаскар, а также частично на находящихся неподалеку Коморских и Сейшельских островах.

Малагасийские крестьяне, особенно мужчины, по степени информативности, проявляющейся в устной коммуникации, не могут сравниться с американцами, европейцами или австралийцами: максимы количества (постулаты информативности) ими, строго говоря, не соблюдаются. Это указывает на то, что представление о том, что значит быть информативным, не является универсальным и зависит от конкретной культуры. Малагасийские крестьяне рассматривают любую информацию как ценный ресурс, который в сельском обществе, устроенном на эгалитарных принципах, работает на создание престижа. В маленьких малагасийских деревушках, где все знают друг друга и друг о друге всё, чрезвычайно ценится та информация, которая не является достоянием других (разумеется, такой статус этой информации — временный, и тем она ценнее). Именно поэтому, когда малагасийцу задается вопрос, спрашивающий вряд ли получит абсолютно ясный, исчерпывающий ответ. Скорее всего, ответ будет довольно расплывчатым. Скажем, если по деревенской улице идет группа мужчин и вы спросите их, куда они направляются, то вряд ли услышите, что они идут в магазин за пивом, потому что у них намечается вечеринка. Скорее, ответ будет таким: «Да вот идем, немножко так в северном направлении двигаемся». Понятно, что о соблюдении постулата информативности в этом случае говорить не приходится: спрашивающий и сам может легко определить, в каком направлении идет компания.

Другой важный фактор, определяющий использование (неиспользование) постулата информативности в малагасийской культуре, — нежелание ассоциировать себя с тем или иным открытым, прямым заявлением, поскольку последнее может в определенной ситуации нести угрозу собственному *face*: в случае, если это прямое заявление окажется ложным или предсказание о будущем не осуществится, репутация говорящего пострадает. Поскольку малагасийцы не хотят нести ответственности за сообщаемую информацию, то в случае, если какая-то информация все-таки в разговоре передается, ее количество сводится к ми-

нимуму и она представляется в завуалированной форме — последнее означает еще и нарушение постулатов ясности. Малагасийцы в особенности предпочитают не брать на себя ответственность за сообщаемую информацию, если событие, о котором идет речь, относится к будущему: чрезвычайно высока вероятность того, что оно не состоится. Даже если спросить деревенского жителя о будущем событии, которое, казалось бы, произойдет наверняка (например, о ежегодном празднике), то ответ будет примерно таким: «Я точно не знаю» или «Кажется, где-то в июне», хотя точная дата праздника известна всем в деревне. Таким же образом объясняется нежелание малагасийцев давать советы: с их точки зрения, конкретный совет исключает все другие возможности, которые всегда, хотя бы потенциально, присутствуют в любой ситуации. Если вы спрашиваете одного из членов какой-либо семьи, когда другой член этой семьи вернется домой, ответ будет примерно такой: «Если ты придешь до заката, то вряд ли застанешь его». С «западной» точки зрения, такой ответ звучит почти издевательски — настолько он неинформативен и уклончив. Однако если принять в расчет малагасийские культурные ценности, становится понятно, что это чуть ли не единственный возможный способ ответить, при этом не взяв на себя обязательств за еще не совершившееся событие.

Недостаточная (с «западной» точки зрения) информативность типична также для ситуаций, когда малагасийцы вынуждены говорить о конкретных людях. В разговорах они избегают идентифицировать *другого* как индивида. Они верят, что это может принести ему вред. Это убеждение также согласуется с социоцентрическим устройством малагасийского общества. В отличие от индивидуалистического западного общества, где индивид всегда величина постоянная и конкретная, в малагасийском социоцентрическом обществе индивид — контекстно-зависим, он никогда на рассматривается как нечто абсолютно конкретное, сам по себе. Поэтому в разговоре, если речь заходит об индивиде, он обозначается при помощи выражений, кото-

рые не определяют его как конкретного индивида, а, скорее, указывают на его положение в коллективе. Говорящий старательно избегает любых индивидуализирующих черт, поэтому жители деревни, говоря друг о друге, используют слова «человек», «мальчик», «старик» и т. п. Например, женщина, обращаясь к сыну, может спросить у него: «Человек еще спит?», при этом «человек» — ее собственный муж, спящий в соседней комнате. Или, обращаясь к вам, малагасиец может сказать: «Тебя кто-то ищет», и этот кто-то может быть вашим братом, о чем говорящему хорошо известно. С нашей точки зрения, сказать так можно только в том случае, если нам действительно не известно, о ком идет речь.

Как отмечает У. Фоули (Foley 1997: 279), можно посмотреть на эти культурные ограничения немного под другим углом. Действительно, при вербальной коммуникации самые большие проблемы возникают при использовании речевых актов, выражающих приказ или просьбу. Однако, возможно, не столько потому, что, как полагают Браун и Левинсон, они накладывают ограничения на свободу действий и, таким образом, угрожают *negative face*, сколько потому, что они угрожают входящим в понятие *positive face* малагасийским представлениям о равенстве и неконфронтационности, а также потому, что если такие речевые акты используются, то они накладывают на говорящего ответственность за совершение будущего действия. Просьбы обычно формулируются в завуалированной форме, в виде намеков, это происходит даже в том случае, если вполне конкретная просьба является единственной причиной коммуникативной ситуации. Э. Кинэн и Э. Окс (Keenan, Ochs 1979)[18] приводят пример из собственной полевой практики. Однажды в дом, где они жили во время полевой работы, неожиданно пришли несколько мальчиков. Минут двадцать разговор шел буквально ни о чем. Потом кто-то из мальчиков заговорил (также очень туманно) об опасности порезать ноги:

[18] Сведения из этой работы приведены по: Foley 1997: 280.

земля в деревне покрыта камнями вулканического происхождения, все они имеют острые края, поэтому среди малагасийцев, которые не носят обуви, такие порезы не редкость. Разговор еще некоторое время шел о порезах вообще, и только потом мальчик, который до этого прятался за спинами других, показал свою ногу, на которой была глубокая рана. Мальчики пришли к исследователям с единственной целью — попросить у них медикаменты. Но сказать об этом сразу было бы нарушением принятых в малагасийском обществе культурных норм.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение [1975] // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. (См. также отрывки из этой работы в: The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999. P. 321–335).

Foley W. A. Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Blackwell, 1997 (Ch. 14. Politeness, Face, and the Linguistic Construction of Personhood).

Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1982. (Некоторые главы из этого сборника также перепечатаны в сокращенном виде в хрестоматиях, в частности: Ch. 7. Sociocultural Knowledge in Conversational Inference // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999. P. 98–106; Ch. 8. Interethnic communication // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 395–407).

Ochs E. Transcription as Theory [1979] // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999. P. 167–182.

Schiffrin D. Interactional Sociolinguistics // Sociolinguistics and Language Teaching / Ed. by S. L. Mckay, N. H. Hornberger. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 329–348.

The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London, New York: Routledge, 1999. P. 289–404 (Pt 4. Negotiating Social Relationships — works by B. Malinowski, E. Goffman, P. Brown and S. C. Levinson; J. Holmes, D. Tannen and C. Wallat; A. Kendon, G. Kress and T. van Leeuwen).

Дополнительная литература

Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002 [1992]. С. 9–108 (Гл. 1. Социолингвистический аспект социального статуса человека).

Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла [1982] // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 184–226.

Goffman E. The Neglected Situation [1964] // Language and Social Context / Ed. by P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 61–66.

Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review. 1983. N 48. P. 1–17.

Глава 9
ДИСКУРС И ДИСКУРСНЫЙ АНАЛИЗ

Как правило, в пособиях по социолингвистике не содержится самостоятельного раздела, посвященного дискурсу. Поскольку это понятие в последние годы играет заметную роль в гуманитарных исследованиях, в том числе в социолингвистике, мы сочли полезным представить в последней главе основные определения, термины и идеи этого подхода. В настоящем учебнике это понятие уже использовалось, когда речь шла о критическом анализе дискурса (см. гл. 7); это понятие может применяться и при анализе межличностной коммуникации (см. гл. 8), а также при исследовании самоидентификации (см. гл. 1, 2, 5).

ЧТО ТАКОЕ ДИСКУРС?

Дискурс понимается по-разному различными исследователями, соответственно этот термин употребляется в различных контекстах. Приведем некоторые, наиболее типичные из них[1]:

> С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является *дискурс* (le discourse) (Бенвенист 1974: 139)[2].
>
> Изучение дискурса — это изучение всех аспектов использования языка (Fasold 1996: 65).

[1] Подробнее см.: Schiffrin 1994: 20–43; Jaworski, Coupland 1999: 1–3.

[2] В русском переводе этой работы слово «le discourse» передано как «речь».

Дискурс — это «использование языка на уровне, более высоком, чем предложение или простое предложение» (Stubbs 1983: 1).

Анализ дискурса с необходимостью сводится к анализу того, как употребляется язык. Как таковой, он не может быть ограничен описанием лингвистических форм независимо от целей или функций, которые должны реализовываться в ходе человеческой деятельности» (Brown, Yule 1983: 1).

Огромное множество дискурсов активно используется индивидами в их постоянном взаимодействии с идеологией, опытом и социальной организацией (Fowler 1981: 199).

Для меня дискурс — это гораздо больше, чем *просто* использование языка: это такое использование языка, когда речь или письменный язык рассматриваются как тип социальной практики (Fairclough 1992: 28).

Дискурс *конституирует* социальное. Можно выделить три измерения социального: знание, социальные отношения и социальную идентичность — и эти три измерения соотносятся с тремя важнейшими языковыми функциями... Дискурс формируется властными отношениями и существует, видоизменяясь в зависимости от идеологий (Там же: 8).

Выражения естественного языка вообще, и дискурс в частности, могут употребляться для того, чтобы указывать на что-либо, обозначать что-либо «в мире» или в некотором социокультурном контексте. Дискурс дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, т. е. о некотором фрагменте мира, который мы именуем *ситуацией* (Ван Дейк 2000а: 68–69).

Под дискурсом... понимается то, как используется язык, использование языка как социально обусловленный процесс. Однако... можно пойти и дальше: обсуждать конструктивную и динамическую роль устного или письменного дискурса в структурировании областей знания, а также социальных и институциональных практик, которые с ними ассоциируются. В этом смысле дискурс является средством, при помощи которого можно говорить и писать о мирах, воздействовать на них; средством, которое конструирует и конструируется социальными практиками, существующими в пределах этих миров. Таким образом, дискурс воспроизводит и конструирует заново конкретные социально-дискурсивные практики, кото-

рые появляются как порождение более крупных макродвижений, происходящих в общей социальной конструкции» (Candlin 1997: ix).

Discourse — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, — это точка зрения, «этнография речи»... Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями (Демьянков 1982: 7).

Из приведенных цитат ясно, что употребление термина «дискурс» можно свести к двум вариантам, в соответствии с которыми некоторые авторы (см., например: Gee 1999: 6–7) предлагают различать два значения (и два написания) термина: *дискурс* (со строчной буквы «д») следует использовать в тех случаях, когда речь идет лишь обо всех аспектах использования языка; *Дискурс* (с прописной буквы «Д») — когда помимо различных аспектов языка рассматривается и вся совокупность нелингвистических факторов (см., например, два последних определения). Следует иметь в виду, что в большинстве работ такого разделения не делается, поэтому необходимо каждый раз заново решать, что́ вкладывает в понятие «дискурс» тот или иной автор. В настоящей главе мы будем придерживаться второго значения этого термина (ему полностью соответствует определение В. З. Демьянкова).

ИСТОКИ ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА

Историю *дискурсного анализа* можно проследить вплоть до античных трактатов по риторике и поэтике. Что касается его современного развития, то появление этого направления можно датировать примерно серединой 1960-х годов. С одной стороны, дискурсный анализ находился и находится под влиянием структурной лингвистики, особенно в области методологии. С другой стороны, он основывается на исследованиях в области этнологии и ее связях с поэтикой и семиотикой.

Выделяют несколько наиболее важных источников современного дискурсного анализа (подробнее см., например: van Dijk, Kintsch 1983: 1–4; Jaworski, Coupland 1999: 14–20; Ван Дейк 2000б: 113–121).

1) **Структурализм, семиотика, анализ нарративов и этнография.** Важную роль в формировании нового направления сыграл *французский структурализм*. Он складывался под влиянием переводов русских формалистов на французский язык, а также достижений структурной лингвистики и структурной антропологии К. Леви-Строса[3]. Важная особенность этого структуралистского направления — *анализ художественных произведений, «повседневных» нарративов, социальных мифов*, представленный в работах Р. Барта, А. Греймаса, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, У. Эко и др.

Элементом, объединившим эти различные подходы, стала *семиотика*. Семиотика как общая теория знаковой деятельности дала возможность антропологам, лингвистам, литературоведам, социологам вести исследования в терминах, позволяющих устанавливать междисциплинарные соответствия и связи.

Со своей стороны, исследования в области социолингвистики, разрабатываемой в США, заложили основу для ши-

[3] Подробную библиографию, отражающую историю формирования дискурсного анализа, см.: Ван Дейк 2000б [1988]: 155–160.

рокого изучения дискурса. Благодаря прежде всего Д. Хаймсу и Дж. Гамперцу, в середине 1960-х годов сформировались как направления этнография устной речи и этнография коммуникации. Наряду со структурным анализом различного рода текстов, в рамках данного подхода исследовался их этнографический контекст, способы их коммуникативной реализации, а также социальные и культурные условия их употребления.

2) **Анализ речевого общения.** Имеется в виду так называемая *микросоциология* и появившаяся позже *микросоциолингвистика* (подробнее об этом см. гл. 8). Методы микросоциолингвистики, анализ диалогического взаимодействия являются одной из основных парадигм в обширной сфере дискурсного анализа.

3) **Прагматика. Анализ речевых актов.** Работы по философии, в том числе работы 1960-х гг. по анализу речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г. П. Грайс). Ранее не исследовавшиеся прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями важны и при анализе текста как последовательности речевых актов, и при анализе отношений между текстом и контекстом (см.: van Dijk 1981).

4) **Социолингвистика.** Т. А. Ван Дейк (Ван Дейк 2000б: 116–117) отделяет ее от анализа речевого общения — такой подход отражает американскую традицию разделения этих дисциплин. В рамках социолингвистики было предложено заменить достаточно абстрактное, внеконтекстное изучение языка как системы знаков эмпирическим исследованием реального использования языка в конкретном социальном контексте (подробнее об этом см. главы 1, 2 настоящ. изд.).

5) **Обработка текста с точки зрения психологии и искусственного интеллекта.** В конце 1960 — начале 1970-х годов перед психологией открылась новая перспектива — область обработки текста с возможными выходами в сферу педагогической психологии (работы У. Кинча, Т. А. Ван Дейка и др.). Восприятие, запоминание, репрезентация в

памяти, воспроизведение текстовой информации — эти процессы исследовались в рамках данного направления.

6) **Лингвистика текста.** В это же самое время и сама лингвистика, отчасти под влиянием структуралистских работ по анализу нарративов, выходит за рамки одного предложения. Во многих странах, особенно в Западной Европе, предпринимаются первые попытки разработки грамматики текста и теории текста (работы В. Дресслера, Т. А. Ван Дейка, Р. де Богранда и др.). Такие исследования должны были выявить закономерность сочетания предложений, т. е. обосновать понятие связности текста, а также представить возможность семантической интерпретации текста в единицах более высокого уровня — *макроструктурах*. Сходные результаты были получены в работах американских исследователей (см. прежде всего работы Т. Гивона).

До конца 1970-х годов для всех перечисленных областей стремление к интеграции было не очень характерно. Однако примерно в это время целый ряд подходов, изначально представлявших автономные линии развития в отдельных научных дисциплинах (прагматика, лингвистика текста и др.), стал быстро превращаться в одну дисциплину, называемую *дискурсным анализом* (или анализом дискурса). К дисциплинам, сформировавшим эту новую область, вскоре добавились история и правоведение (это объясняется особым вниманием, которое в них уделяется различного рода текстам).

Изложенный выше взгляд на дискурсный анализ как на науку, состоящую из нескольких областей исследования, которые, в свою очередь, тесно связаны со своими исходными дисциплинами, возможно, не дает исчерпывающего представления о предмете обсуждения, однако в значительной степени отражает суть дела и демонстрирует, с одной стороны, *междисциплинарную основу* понятия «дискурс», а с другой — *теоретическую* и *методологическую разнородность* дискурсного анализа. Ключевыми словами, характеризующими дискурсный анализ, являются *комплексность* и *междисциплинарность*.

Взгляды различных исследователей на дискурсный анализ во многом зависят от национальных традиций. Работы англоязычных авторов (США, Англия, Австралия) отличаются по своим философским (и даже идеологическим и политическим) установкам, по методологии и терминологии от работ, выходящих в романоязычных странах (например, во Франции очень сильна ориентация на «левых»). Кроме того, как отмечает Т. А. Ван Дейк (Ван Дейк 2000б: 120), в англоязычных странах следует отличать исследователей, работающих строго в рамках анализа непосредственного речевого общения, от исследователей других типов дискурса. Первые традиционно придерживаются исконных микросоциологических методов; вторая группа (изучая, по сути дела, те же самые явления) более свободно пользуется различными методами для анализа речевого взаимодействия, беря их из лингвистики, психологии и других социальных наук. Однако при этом результаты, полученные первой группой («интеракционистами»), все остальные исследователи считают важным вкладом в анализ конкретных дискурсов и используют их в своих работах, посвященных дискурсному анализу.

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» В СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ

Следует иметь в виду, что далеко не все серьезные исследователи (в частности, в России) считают необходимым использование понятия «дискурс». Некоторые полагают, что оно избыточно, что, не имея, по сути дела, своих собственных методов, дискурсный анализ не вправе претендовать на статус самостоятельной научной дисциплины. Эти исследователи считают, что понятие «дискурс» эклектично, а выражение «дискурсный анализ» — неудачная попытка объединить под одним названием несколько разных методов анализа, применяемых в других дисциплинах.

Перейдем к более подробным комментариям относительно того, что скрывается за понятием «дискурс» в современных работах. Люди постоянно конструируют свои миры (миры, в которых они находятся), свою социальную активность и создают социальные институты, в деятельность которых они оказываются включенными. Очень важную роль в этом конструировании играет язык (устный и письменный). Но этот процесс осуществляется не только через язык, но через язык в сочетании с различными действиями, со взаимодействием с другими индивидами, с нелингвистическими системами символов, с объектами, инструментами, техникой, в сочетании с определенными способами думать о вещах, со способами оценивать вещи, с различными чувствами и эмоциями и т. д. Иногда то, что конструируется, повторяет (воспроизводит) то, что уже было построено раньше, иногда нет, т. е. в процессе конструирования могут вноситься инновации.

Мы демонстрируем, строим определенную проекцию себя в отношении того, в какую деятельность мы вовлечены, что именно мы делаем. Если в отношении какого-то человека мы не понимаем, кто он и чем занимается, то мы не понимаем, каков смысл того действия, которое он только что совершил, т. е. мы оказываемся неспособными понять, что́ он сказал, что́ он написал и т. д. Мы пытаемся создать разное представление о себе, по-разному проецируем себя в зависимости от того, находимся ли мы, например, на званом обеде в гостях или обедаем дома в кругу семьи. И хотя и в том и в другом случае мы, казалось бы, в конечном счете поглощаем пищу, это совершенно разные занятия.

Мы постоянно оказываемся включенными в самые разные виды деятельности. В связи с этим следует заметить, что в конструировании социальной деятельности, в «представлении себя другим» (см. гл. 8) на нас накладываются определенные ограничения: люди имеют неодинаковый доступ к различным идентичностям и различным видам деятельности, а это связано с разными социальными статусами и разными социальными ценностями (имен-

но это и является причиной социального неравенства; см. также гл. 8).

Из всех средств конструирования дискурсов язык является самым важным. Когда мы говорим или пишем, мы используем все ресурсы языка для того, чтобы проецировать себя на реальность, позиционировать себя в качестве индивида совершенно определенного типа, причем какого именно типа — зависит от социальных обстоятельств.

Устное или письменное высказывание значимо только тогда, когда оно указывает на два следующих важных момента: 1) социально обусловленную ситуативную идентичность (т. е. «кем» в конкретной ситуации говорящий хочет предстать); 2) социально обусловленную ситуативную деятельность («что происходит»). Иными словами, любое высказывание должно содержать ответ на два вопроса: кем является конкретный человек и что он делает.

Социальные идентичности иногда могут сложным образом соотноситься друг с другом. Например, пресс-секретарь объявляет что-то от имени президента. Здесь взаимодействуют несколько идентичностей: президент одобрил чье-то предложение (в этом случае присутствует еще одна идентичность) или сам его инициировал; «спич-райтер» изложил его в письменной форме; пресс-секретарь озвучил его своим голосом, при этом использовал определенные интонации и расставил акценты так, чтобы имитировать (разумеется, не в прямом смысле слова) президента. Таким образом, несколько идентичностей переплелись, оказались «вложенными» друг в друга[4].

Такого рода примеры можно привести не только в отношении людей, но и социальных институтов. Так, в упаковку с лекарством всегда вкладывается листок с указаниями по его применению. В нем перечислены все случаи, когда его нельзя применять: некоторые болезни, беременность, детям до определенного возраста и т. д. Это в ко-

[4] Этот и следующий примеры заимствованы (в несколько измененном виде) из работы Дж. Джи (Gee 1999: 13–15).

нечном счете — «голоса» других идентичностей: голоса тех больных, у которых после применения этого лекарства ухудшалось состояние здоровья, голоса «закона», отражающие судебные прецеденты, связанные с тем, что это лекарство было ошибочно прописано врачом, и т. д. Здесь также взаимодействуют несколько идентичностей, но как бы анонимных или, скорее, обобщенных.

Выше отмечалось, что для того, чтобы позиционировать себя определенным образом и заявить о том, кто вы и что вы делаете, одного языка недостаточно; следует употреблять и различные невербальные средства. В связи с этим важно подчеркнуть, что использовать язык вкупе с этими другими средствами обязательно надо *правильным образом*, а именно координировать, согласовывать это использование с другими людьми, при этом оно должно происходить в *правильном месте* и в *правильное время*.

Рассмотрим ситуацию, описываемую в работах Д. Видера и С. Пратта (Wieder, Pratt 1990a; Wieder, Pratt 1990b)[5]. Речь идет о том, каким образом различные группы североамериканских индейцев США используют понятие «настоящий индеец». Прежде всего, сам этот термин — *инсайдерский*, т. е. предполагается, что его могут применять только члены группы. Именно при помощи такой номинации члены группы обозначают свою идентичность. Проблема идентичности (т. е. в конечном счете проблема узнавания и узнаваемости), несомненно, актуальна для индейцев так же, как и для любой другой общности. Как и любая другая, индейская идентичность утверждается и определяется довольно сложным образом. Для того чтобы быть «настоящим индейцем», недостаточно просто иметь соответствующие кровные связи. Имеющие родственные связи с «настоящими индейцами» могут сами не быть ими или быть по какой-то причине исключенными из «настоящих индейцев». Напротив, тот, кто не имеет «настоящих индейцев» среди кровных родственников, может быть признан «на-

[5] См. также: Gee 1999: 14–17.

стоящим индейцем». То есть эта идентичность не дается от рождения, ее надо «заработать», приложить определенные усилия, соответствующим образом вести себя. При этом в процессе превращения в «настоящего индейца» должны участвовать две стороны: недостаточно одного лишь желания конкретного индивида быть «настоящим индейцем», необходимо, чтобы и другие признавали его «настоящим индейцем»; в свою очередь, этот индивид также должен доказать свое умение признавать других «настоящих индейцев». Разумеется, все практики, работающие на установление настоящей «индейскости», должны происходить в «правильных» местах и в «правильное» время.

Эти практики достаточно сложны и многообразны. «Настоящие индейцы» по возможности не должны разговаривать с незнакомыми людьми. Они не могут, как белые, быть просто знакомыми. Сам факт знакомства (и разговора) двух «настоящих индейцев» устанавливает между ними некоторые особые отношения и предполагает определенные обязательства друг перед другом. Иногда между «настоящими индейцами» (а также «кандидатами в индейцы») устраивается что-то вроде спарринговых, словесных дуэлей: происходит диалог, общение, в ходе которого очень важно правильно держать себя (т. е. правильно использовать невербальные средства) и говорить правильные слова в ответ на слова собеседника (т. е. правильно использовать вербальные средства), — таким способом можно подтвердить свою культурную компетентность и тем самым утвердить свою «индейскость». Кроме того, «настоящий индеец» должен быть скромным, не должен хвастаться, быть выскочкой, он уравновешен и спокоен, не болтлив и даже в определенной степени скрытен — особенно не одобряются рассказы о себе, всякие откровения или просто сообщения о своих планах, своих подвигах, своих талантах. «Настоящий индеец» не должен выказывать своего преимущества перед другими индейцами, обязательства перед ними всегда должны ставиться выше личной выгоды. «Настоящий индеец» должен «правильно» участвовать в разговоре: определенным обра-

зом произносить приветствия, а также строить диалог по особым правилам (например, не вести его непрерывно, диалог должен обязательно перемежаться довольно длинными паузами). «Настоящий индеец» должен знать, что разговаривать вообще необязательно, молчание допустимо всегда (особенно контрастным это свойство выглядит на фоне белых американцев, которые считают необходимым говорить даже тогда, когда говорить не о чем). В зависимости от ситуации «настоящий индеец» должен уметь исполнять роли учителя и ученика, особенно когда дело касается передачи культурных знаний. В роли учителя он должен скупо, лаконично, но вескими словами делиться знанием; в роли ученика — почтительно и внимательно слушать учителя. При этом лишние слова и в той и в другой роли не нужны: учитель скорее демонстрирует, чем рассказывает; ученик внимательно и почтительно наблюдает и перенимает.

Разумеется, пример с «настоящим индейцем» — лишь один из возможных; для иллюстрации того, как конструируется идентичность, можно взять любую другую социальную роль — в обществе существует неисчислимое множество дискурсов. Быть стоматологом, «русским патриотом», преподавателем вуза, феминисткой, водителем-дальнобойщиком, членом преступной группировки, депутатом законодательного собрания, программистом, молодой мамой, «районным» алкоголиком (из тех, что собираются в скверах или у ларьков) — значит находиться в соответствующем дискурсе. Во всех случаях практики (в том числе и вербальные), направленные на узнавание других и обеспечение собственной узнаваемости, будут не менее сложны и разнообразны, чем у североамериканских индейцев.

Приведенный выше пример с индейцами подтверждает сформулированное ранее положение, что для формирования идентичности помимо языка большое значение имеют действия индивида, его взаимодействие с другими, принятые способы осмысления действительности, способы давать оценки; кроме того, все это должно происходить в нужном месте в нужное время в координации с другими людьми. Все

эти факторы (язык плюс все остальные невербальные составляющие — действия, взаимодействия, способы мыслить, давать оценки, использовать символические системы, применять различные объекты и т. д.) во всей их сложной взаимосвязи принято называть *дискурсом*. Если вы умеете использовать все перечисленные выше средства таким образом, что другие узнают в вас определенный персонаж, занятый определенной деятельностью здесь и сейчас, значит вы «попали» в дискурс и при этом сами конструируете его.

Дискурсы взаимодействуют с различными социальными институтами (будь это завод, фирма по продаже мебели, университет, клуб собаководства, армия или общество любителей пива) и социальными установлениями, они связаны с различными объектами и предметами (здания различного предназначения, стадионы, концертные залы, парки и скверы, скворечники для птиц, встроенные кухни и зажигалки, сотовые телефоны и надувные матрасы). Дж. Джи (Gee 1999: 19) удачно сравнивает дискурс с танцем. Танец многокомпонентен и узнаваем. В общих чертах известно, в каких движениях он заключается, но танец, как и дискурс, никогда не повторяется абсолютно, его «конструируют» те, кто танцует, они чувствуют друг друга в танце, они координируют свои перемещения относительно друг друга, танец, как и дискурс, никогда не оказывается застывшим — все время происходит движение, а если партнеры замирают, то и это можно расценивать как часть общего танцевального движения. При этом «отклонения» в танце, как и в дискурсе, допустимы лишь настолько, чтобы он был признан другими именно объявленным заранее танцем, а не беспорядочными движениями.

«СПОСОБЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ» ДИСКУРСОВ

Приведем несколько кратких комментариев относительно «способов существования» дискурсов (см. также: Gee 1999: 21–22):

1) **Дискурсы со временем могут делиться на два и более дискурсов.** Например, то, что в средние века называли натурфилософией, постепенно расщепилось на собственно философию, физику, химию и другие науки.

2) **Два или более дискурсов могут со временем слиться в один.** Раньше в США все уличные банды делились по этническому признаку. После того как на экраны вышел фильм «Colors» («Цветные»), появились (в подражание героям фильма) банды смешанного этнического состава.

3) **С течением времени дискурс может сохранить название, но измениться в содержательном отношении.** Так, современная медицина во многом уже не тот же дискурс, что средневековая медицина.

4) **Новые дискурсы возникают, а старые исчезают непрерывно.** Появление компьютеров породило программистский дискурс, дискурс интернета и т. д. Дискурс «стиляг» появился в конце 1950-х и исчез к середине 1960-х годов. С падением советской власти в России исчезли дискурсы фарцовщиков, комсомольских работников, замполитов в армии и т. д.

5) **Все существующие дискурсы так или иначе взаимосвязаны.** Исчезновение старых или появление новых отражается на всех существующих дискурсах.

6) **Все дискурсы достаточно сложны**, но они совсем не обязательно должны представлять собой нечто величественное и масштабное. Старушки, сидящие на скамейке у подъездов, образуют дискурс точно так же, как и депутаты Думы.

7) **Дискурсы могут быть гибридами других дискурсов.** Так, почти около каждой школы есть спортивная площадка. На них часто во внеурочное время собираются подростки. С одной стороны, они школьники, т. е. представляют школьный дискурс. С другой стороны, сюда приходят школьники разного пола, разного возраста и соответственно из разных классов, причем не только из этой школы, но просто живущие поблизости. Они собираются во дворе школы, как на нейтральной территории (не идут друг к другу во дво-

ры — по соображениями удобства или большей безопасности), и, собираясь именно здесь, они образуют еще один дискурс, но одновременно представляют и другие дискурсы.

8) **Число дискурсов бесконечно.**

9) **Дискурсы никогда не имеют четких границ.** Их границы постоянно изменяются в процессе взаимодействия с другими дискурсами, они никогда не бывают застывшими. Поскольку меняются границы, то меняется и содержание самих дискурсов.

ПРОЦЕДУРА ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА

Говоря о дискурсном анализе, прежде всего надо подчеркнуть, что «полномасштабный», близкий к идеальному дискурсный анализ едва ли осуществлялся в каком-либо исследовании. Причина этого в том, что, приступая к анализу того или иного дискурса, представители различных научных дисциплин — социологии, политологии, психологии, культурной антропологии, литературоведения, социолингвистики и т. д. — стремятся прежде всего получить ответы на вопросы, которые связаны с их профессиональными интересами, в то время как многие другие вопросы просто не затрагиваются или остаются на втором плане. Несмотря на то что далеко не все проблемы попадают в фокус внимания представителя той или иной научной дисциплины, дискурсный анализ, тем не менее, позволяет держать их в поле зрения, дает возможность так или иначе принимать в расчет их «возмущающее» воздействие на центральную для данного исследования проблему.

Процесс порождения дискурса берет начало в *ситуационных моделях*, которые являются формой представления личного опыта (см.: Ван Дейк 2000а: 68, 82–83). Так, модель «хождение на работу» включает движение к определенному университетскому зданию, информацию о форме и расположении зданий, коллегах по работе, роде занятий и т. д. (Там же: 69). Носители языка, описывая ситуацию

с помощью языковых средств, выражают свои модели, свою интерпретацию мира. При этом способы выражения не являются произвольными; ситуационные модели, выраженные в текстах, предстают как структуры фиксированных категорий. Суть дискурсного анализа заключается в том, чтобы, отталкиваясь от анализа языковой формы (формы выражения), обнаружить, какие ситуационные модели были отобраны и представлены говорящим в каждом конкретном случае, и через их анализ понять способ описания и осмысления реальности говорящим.

Процедура дискурсного анализа предполагает выделение *смысловых блоков* (sequences)[6] и анализ их содержания, в частности выделение категорий, которые они выражают. Исследователь определяет ту центральную проблему, вокруг которой, с его точки зрения, строится анализируемый текст, или, иными словами, дискурсивное событие текста.

Важным подходом при анализе дискурса является метод «анализа категоризации взаимодействий», предложенный Х. Саксом (Sacks 1992). В соответствии с этим подходом, социальные категории выступают как своего рода контейнеры, в которых может накапливаться и при необходимости актуализироваться общераспространенное, конвенциональное знание о социальных отношениях, типичных ситуациях, поведении и т. д. (ср. ситуационные модели Т. А. Ван Дейка, упомянутые выше). Выстраивая текст, его автор использует эти категории, реализуя их в определенной интерпретативной *рамке* восприятия происходящего (в терминах Гофмана — *фрейм*; несколько упрощая, можно сказать, что говорящий выбирает, в каком «обрамлении» будет представлен его личный опыт, его знания — в форме делового общения, шутки, признания в любви и т. д.)[7].

---

[6] Некоторые авторы называют их также стансами (stanzas): см., например: Gee 1998 [1989]; Gee 1999: 89).

[7] Подробнее см.: Goffman 1974. Термин «фрейм» впервые встречается в книге Г. Бейтсона (Bateson 1972; его статья, в которой впервые появляется термин, написана значительно раньше). См. также: Tannen, Wallat 1999 [1987]: 347–348. Этот термин в социо-

Исследователь дискурса выделяет основные категории, которые, по его мнению, содержатся в анализируемом тексте. Далее рассматривается, каким образом осуществлена репрезентация этих категорий: выделяются и анализируются лексические номинации категорий, интерпретируются использованные в тексте метафоры, риторические приемы и т. д. При анализе языковых средств в ходе дискурсного анализа может использоваться весь арсенал средств из таких областей, как семиотика, теория речевых актов, интеракционизм[8] (см. гл. 8), вариационистская социолингвистика (variationist sociolinguistics, см. гл. 2) и т. д. На практике жесткие границы между этими областями часто не проводятся; подход к дискурсу, как правило, оказывается эклектичен и включает различные (можно сказать, удобные авторам) методы из разных областей.

С этим связаны как достоинства, так и недостатки дискурсного анализа в том виде, как он представлен в большинстве современных работ. Почти не преувеличивая, можно сказать, что существует столько вариантов дискурсного анализа, сколько авторов заявляют о его использовании в своих исследованиях. Наряду с этим недостатком (произвольный отбор методов) следует упомянуть и другие «слабые места», типичные, впрочем, для любого вида исследований, в которых используются качественные методы, а именно произвольность отбора материала и произвольность интерпретаций (а следовательно, недостаточная репрезентативность), — все они в конечном счете являются неизбежным следствием того, что во главу угла ставится интуиция. Можно сказать, что дискурсный анализ возник в свое время как реакция на засилье

логии и социолингвистике используется в несколько другом значении, чем в работах по искусственному интеллекту и когнитивной психологии, где пионером его использования был М. Минский (русская публикация: Минский 1981); подробнее об этом см.: Ван Дейк 2000в [1981]; см. также: Касевич 1988.

[8] Использование средств из этой области иногда называют этнометодологическим подходом к дискурсному анализу.

количественных методов (при использовании которых почти не учитывалась функциональная сторона изучаемых явлений, отбрасывался контекст) в гуманитарных науках, и в частности в социолингвистике, и по мере развития также достиг крайней точки, когда выводы, сделанные при анализе какого-либо явления, невозможно распространить на другие, казалось бы, подобные явления, так как велика вероятность ошибки.

Выше отмечалось, что представители различных научных дисциплин, прибегая к анализу дискурса, стремятся получить ответы на вопросы, которые связаны с их профессиональной специализацией. Это относится и к социолингвистам, которые таким образом стремятся расширить свои представления о связях языка и общества. Появляющиеся время от времени хрестоматии преследуют не только учебную цель; другая важная их задача — представить последние достижения в конкретных областях исследования. С этой точки зрения полезно взглянуть на хрестоматию по социолингвистике (Vol. 2. Gender and Discourse), содержащую раздел «Дискурс» и включающую работы, написанные не ранее 1986 года (Sociolinguistics Reader 1998). Ниже в сжатой форме изложено содержание работ этого раздела (и соответственно обозначен круг проблем, затрагиваемых различными авторами), что позволяет продемонстрировать возможности применения дискурсного анализа в социолингвистических исследованиях[9].

Дж. Холмс в работе «Извинения в новозеландском английском» (1990) оспаривает распространенную до сих пор точку зрения на язык как на средство прежде всего передачи информации. Она утверждает, что наряду с коммуникативной не менее важными оказываются и другие

[9] Самой объемной хрестоматией, посвященной дискурсному анализу, является (Discourse Reader 1999), однако она в меньшей степени подходит для этой цели, так как помимо современных в ней представлены и работы авторов, в которых обнаруживаются истоки дискурсного анализа, — М. М. Бахтина, Б. Малиновского, Р. О. Якобсона и др.

функции, в частности выражение аффективных значений. В работе представлена модель, которая, по мнению автора, позволяет учитывать оба эти аспекта использования языка. Анализируются формы и функции одного речевого акта — извинений, использование которых чаще всего не предполагает никаких других целей, кроме передачи аффективного значения. В ходе разговора для извинений типично их рутинное использование. Именно по этой причине они должны быть легко узнаваемы, т. е. должны иметь ограниченный набор форм. Таким образом, с формальной точки зрения, извинения легко описать. Однако с функциональной точки зрения, это сделать не так просто. В подобных случаях лингвисты нередко обращаются к некоей общей модели речевого взаимодействия. В качестве теоретической базы Дж. Холмс выбирает модель вежливости, разработанную П. Браун и С. Левинсоном. Анализируя имеющийся в ее распоряжении материал, автор обнаруживает, что далеко не все примеры можно интерпретировать в рамках указанной теории; некоторые получают гораздо более логичное объяснение в рамках других теорий социальных отношений.

В работе С. Ромейн и Д. Ланж «Использование *like* в качестве маркера косвенной речи и мысли: процесс грамматикализации» (1991) также подчеркивается важность коммуницирования аффективного значения, однако на этот раз в контексте языковых изменений. Речь идет о широко известном явлении грамматикализации, когда слово, имевшее ранее только лексическое значение, получает грамматическое значение. В этот разряд попадают также те случаи, когда слово, имевшее грамматическое значение одной категории, начинает использоваться для выражения значения какой-либо другой грамматической категории. Именно такого рода изменения, по мнению авторов, происходят с английским словом *like*. Если раньше оно использовалось как предлог, союз, а также в качестве суффикса прилагательных, то в современном языке оно все чаще употребляется для передачи косвен-

ной речи. Такое употребление отражает сдвиг в сторону передачи аффективного значения. В работе показана важность как референционального, так и аффективного значений. Элементы дискурсного анализа, присутствующие в работе С. Ромейн и Д. Ланж, демонстрируют, что он оказывается полезным и при исследовании, казалось бы, таких нетипичных для этого вида анализа областей, как языковые изменения.

Косвенная речь представляет собой интересный объект для социолингвистов по вполне очевидной причине: вплетая чужие слова в ткань нашего собственного повествования, мы как бы вводим в диалог еще одного участника (обычно физически отсутствующего). При этом мы никогда не передаем слова этого участника в абсолютно нейтральной форме, но подвергаем их творческой интерпретации, в зависимости от наших намерений в конкретной ситуации общения. Все это указывает на то, что передача косвенной речи представляет собой социальный акт. Этой проблеме посвящена работа Дж. Мейбин («Детские голоса: разговор, знания и идентичность», 1994), чье внимание как раз сосредоточено на интертекстуальности косвенной речи. В качестве объекта исследования автор выбирает разговоры между детьми. Их анализ позволяет Дж. Мейбин еще раз подчеркнуть тезис, в более или менее явной форме содержащийся во всех работах, представленных в разделе, посвященном дискурсному анализу: язык многофункционален, в любом высказывании реализуется целый набор когнитивных и социальных функций.

В повседневном общении часто используются нарративы, в которых рассказывается о личном опыте, т. е. в них передаются события, участником которых ранее выступил рассказывающий. С одной стороны, эти нарративы имеют универсальные черты, определяющиеся линейностью речи: так, в любой культуре рассказчик вынужден планировать повествование. Некоторые другие черты оказываются неуниверсальными и могут варьировать в зависимости от культурных норм и социальной принадлеж-

ности рассказчика. Дж. Джи («Два стиля конструирования нарратива и их лингвистические и образовательные импликации», 1989), чьи работы уже цитировались в настоящей главе, анализирует различия между нормой повествования, принятой в черной общине (которая несет на себе черты, присущие устным культурам), и теми нормами, которые пытается привить детям школа. Дети из черной общины, оказываясь в различных социальных контекстах, вынуждены переключаться с одной манеры изложения на другую, что, в свою очередь, связано с изменением социальной и культурной идентичности, со сменой представления знаний и интерпретации мира.

Не будет преувеличением сказать, что работа М. Клайна «Культурные различия в организации академических текстов: английский и немецкий языки», опубликованная в 1987 году, уже стала классической. Внимание автора сосредоточено на культурных различиях в способах организации дискурса и на проблемах межкультурной коммуникации. Сравниваются научные тексты, написанные англоязычными исследователями, и тексты ученых, получивших образование в немецкоязычных университетах, М. Клайн утверждает, что между этими текстами есть серьезные различия: авторы, пишущие по-английски, стремятся сделать текст максимально доступным для читателя, т. е. стремятся облегчить его задачу; немецкая традиция предполагает, что у читателя есть стимул получить новое знание и что он сам должен проделать значительную работу на пути к пониманию текста[10]. Привычка выбирать определенную стратегию организации дискурса столь сильна,

[10] Можно предположить, что способы организации научного текста в русской академической традиции мало чем отличаются от немецкой модели. Именно этим объясняется ложное впечатление о некоторой легковесности академических текстов на английском языке, возникшее у многих российских ученых после того, как в 1990-х годах российская наука получила возможность войти в международное научное сообщество.

что немецкоязычные исследователи, даже если они пишут по-английски (и осознают разницу стилей), невольно совершают перенос (sociolinguistic transfer), что в итоге оказывается препятствием для эффективной межкультурной коммуникации. М. Клайн, таким образом, демонстрирует, что дискурсный анализ позволяет выявить и исследовать проблемы, возникающие в ситуации, когда письменная коммуникация (и не только в области науки) становится все более широко распространенной.

Как уже отмечалось в настоящем разделе, язык является неотъемлемой составной частью социальных практик, организующих социальные институты и установления. Речевое взаимодействие постоянно происходит в рамках таких социальных институтов, как школа, университет, различные фирмы и компании, правительственные учреждения, поликлиники, больницы. В работе М. Стаббса «Оценка фактов: анализ одного текста в его институциональном контексте» (1996) анализируется речевое взаимодействие в суде. В этой ситуации язык приобретает особую социальную значимость, поскольку от результатов его использования во многом зависят судьбы людей. Автор применяет методы *корпусной лингвистики* (corpus linguistics)[11], демонстрируя, как использование компьютерных программ может помочь выделению тех речевых моделей, которые оказываются особенно значимыми с социальной точки зрения. В частности, в работе показано, как судья в своей заключительной речи непреднамеренно подводит присяжных к убеждению, что он считает подсудимого виновным и что это и есть единственный логический путь рассуждения.

Заключительная работа «Принципы критического анализа дискурса» (1993) принадлежит перу Т. А. Ван Дейка. В ней, наряду с изложением истории формирования этой дисциплины и ее основных положений (см. гл. 7), содержится анализ дебатов в британском парламенте. Применение

[11] Подробнее об этом см.: Баранов 2001: 112–136.

методов критического анализа дискурса позволяет автору показать на примере речи одного из парламентариев, что, несмотря на кажущуюся гладкость, в ней обнаруживается скрытая поддержка расизма в британском обществе.

В этой главе была предпринята попытка показать, что дискурсный анализ имеет свои преимущества, однако в то же самое время следует всегда учитывать его ограниченность. В отличие от выводов, основанных на применении количественных методов, результаты дискурсного анализа не могут претендовать на «точность», «объективность» и «масштабность», но они открывают возможность более свободного взгляда на объект исследования, более гибкого использования различных инструментов анализа, отказа от обязательных обобщений, принципиального допущения «неточных» выводов. Очевидно, было бы неверным делать жесткий выбор между количественными и качественными методами: несомненно, использование результатов, которые получены исследователями, подходящими к проблеме с разных позиций, дает наиболее полное представление об объекте исследования.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

Ван Дейк Т. А. Эпизодические модели в обработке дискурса [1987] // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск. 2000а. С. 68–110.

Ван Дейк Т. А. Анализ новостей как дискурса [1988] // Там же. 2000б. С. 111–160.

Ван Дейк Т. А. Контекст и познание: фреймы знаний и понимание речевых актов [1981] // Там же. 2000в. С. 12–40.

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000г.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. London; New York: Routledge, 1999.

Jaworski A., Coupland N. Introduction: Perspectives on Discourse Analysis // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999. P. 1–44.

Дополнительная литература

Garret P., Bell A. Media and Discourse: A Critical Overview // Approaches to Media Discourse / Ed. by A. Bell, P. Garret. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1998. P. 1–20.

Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1994. P. 406–419 (Conclusion: Language as Social Interaction).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Жанр заключения к учебному пособию предполагает некоторое подведение итогов, суммирование сказанного, полезное для тех, кто по этому пособию учится. Вместо этого мы хотели бы высказать некоторые соображения, так сказать, от себя, поделиться с читателям теми мыслями, которые постоянно возникали у нас в процессе чтения курсов социолингвистики аспирантам Европейского университета в Санкт-Петербурге и студентам филологического факультета Петербургского государственного университета.

Прежде всего, в какой мере изложенные в данном пособии идеи, методы, методики, системы понятий и терминов применимы к российской ситуации? Для тех, кто прочитал эту книгу, должно быть ясно — об этом прямо было сказано и во Введении, — что мы опирались прежде всего на англо-американскую традицию социолингвистики; что большинство проблем, подходов и методов исследования возникли на американской почве и проверялись на американских материалах; что чаще всего приводившиеся в этом пособии результаты касаются английского языка и его вариантов, а если речь идет о двуязычии — то именно английский почти всегда является одним из двух взаимодействующих языков.

Более того, всегда, когда речь заходит о социальной стратификации, о тех социальных группах, с которыми мы должны соотносить языковые факты, эти группы также оказываются привязанными к американскому обществу. При этом очевидно, что социальные группы не совпадают в разных странах, в особенности в тех, которые развивались иными путями, чем страны Западной Европы или Северной Америки. Население разных стран по-разному ранжирует себя в терминах социальных групп: «уважаемым человеком» в одном обществе может оказаться совсем не тот, кто будет считаться таковым в другом. Да и языковые характеристики социальных групп могут быть распределены иначе, на базе других языковых переменных. В какой мере модели социальной диалектологии, разработанные для США, применимы, например, к России?

Если оставаться в пределах науки, то существует единственный путь получить ответ на этот вопрос. Необходимо провести в России, на русском материале конкретные социолингвистические исследования, проверить применимость методик и подходов, понять, какие подходы, методы и понятия могут быть использованы без изменений, какие нуждаются в уточнении, а какие совершенно непригодны в российских условиях. Необходимы масштабные и конкретные исследования особенностей мужской и женской речи, этнографии коммуникации, социальной диалектологии, проблематики отношения к языку и языкового выбора, проблематики «язык и власть», языковых контактов и языкового сдвига. Эта задача для нашей огромной, многонациональной, многоконфессиональной, многоязычной страны может показаться попросту невыполнимой, в особенности если принять в расчет «объективные трудности»: время, которое было потрачено на бесплодные дискуссии в рамках «единственно верного учения», неспособность современной социологии во многих случаях дать ясные рекомендации относительно того, на какие факты нашего социального устройства мы можем опереться в работе, и т. д. Однако тут впору вспомнить старую пословицу: «Глаза боятся, а руки делают».

Еще одно соображение, связано с предыдущим. Социолингвистика — наука достаточно молодая: в ее современном виде ей едва исполнилось полвека. Эта наука быстро и бурно развивается; то, что еще вчера было «последним словом», сегодня может оказаться устаревшим, отвергнутым, просто неверным. Возникают новые идеи, обнаруживаются новые факты и явления, на которые пять-десять лет назад просто не обращали внимания. Писать в этих условиях учебник или учебное пособие — занятие неблагодарное: любые положения могут быстро устареть, оказаться вытесненными новыми подходами, новыми открытиями. Мы надеемся, что предпринятая нами попытка изложить основы этой дисциплины, представить ее современное состояние даст повод читателю задуматься о многих вещах, а в будущем поможет ему сделать те открытия и выработать те подходы, появление которых и делает учебники устаревшими.

ЛИТЕРАТУРА

Абельс 2000: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000.

Аврорин 1970: Аврорин В. А. Ленинские принципы языковой политики // Вопросы языкознания. 1970. № 2.

Аврорин 1975: Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Агаев 1968: Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968.

Алпатов 1973: Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.

Алпатов 1988: Алпатов В. М. Япония. Язык и общество. М., 1988.

Алпатов 1991: Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

Алпатов 1994: Алпатов В. М. Общественное сознание и языковая политика в СССР (20-е — 40-е гг.) // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Алпатов 1998: Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. М., 1998.

Алпатов 2000: Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. 2-е изд., доп. М., 2000.

Багичева 1990: Багичева Н. В. Формирование речевого этикета первоклассника // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.

Баранов 2001: Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

Баранов, Паршин 1986: Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.

Беликов 1987: Беликов В. И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1987.

Беликов 1998: Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк. М., 1998.

Беликов 1999: Беликов В. И. Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка: от описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.

Беликов б. г.: Беликов В. И. Краткая социолингвистическая характеристика русско-китайского пиджина. Рукопись.

Беликов, Крысин 2001: Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.

Белл 1980: Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980.

Бенвенист 1974: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Блакар 1987: Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Бок 1975: Бок Ф. К. Структура общества и структура языка // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Бонч-Осмоловская б. г.: Бонч-Осмоловская А. Востребованная фонетика. Почему у премьера Путина чистая артикуляция (http://www.polit.ru/documents/115526.html).

Борисова, Пирогова 1999: Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К. (при участии В. Э. Левит). Имплицитная информация в рекламе и пропаганде // Имлицитность в языке и речи. М., 1999.

Брайт 1975: Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Брок 1992: Брок И. Моя-по-твоя: Русско-норвежский язык-пиджин // Оттар: Норвегия и Россия на севере (Научно-популярный журнал музея г. Трумсе). 1992. № 192.

Брунер 1984: Брунер Дж. С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей. М., 1984.

Вайнрайх 1972: Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Вайнрайх 2000: Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000. (См. также более раннее издание: Киев, 1979).

Вайскопф 2001: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.

Ван Дейк 2000а: Ван Дейк Т. А. Эпизодические модели в обработке дискурса [1987][1] // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.

Ван Дейк 2000б: Ван Дейк Т. А. Анализ новостей как дискурса [1988] // Там же.

[1] Здесь и далее в квадратных скобках указан год первой публикации работы.

Ван Дейк 2000в: Ван Дейк Т. А. Контекст и познание: фреймы знаний и понимание речевых актов [1981] // Там же.

Ван Дейк 2000г: Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000 [1989].

Вахтин 1998: Вахтин Н. Б. Исчезновение языка и языковая трансформация: заметки о метафоре «языковой смерти» // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского. СПб., 1998.

Вахтин 2001: Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

Вахтин 2002: Вахтин Н. Б. Несколько замечаний об этике полевых исследований на Крайнем Севере России // Обычай и закон: исследования по юридической антропологии / Ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2002.

Вежбицка 1993: Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны [1990] // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Винер 1998: Винер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4.

Виноградов и др. 1984: Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский А. И. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М., 1984.

Винокур 1993: Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Возникновение 1987: Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987.

Волошинов 1929: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. [Переиздание этой работы см.: Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995].

Волошинов 1995: Волошинов В. Н. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995.

Вопросы социальной 1969: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Гаврилова 2002: Гаврилова Т. О. Регистр общения с детьми: структурный и социолингвистический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

Гамперц 1972: Гамперц Дж. Переключение кодов хинди-пенджаби в Дели [1964] // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Гамперц 1975: Гамперц Дж. Типы языковых обществ [1968] // Там же. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Геллнер 1991: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991 [1983].

Головко 1988: Головко Е. В. Материалы для изучения языка медновских алеутов. II // Лингвистические исследования 1988: Структура языка и его эволюция. М., 1988.

Головко 1997: Головко Е. В. Язык медновских алеутов // Языки мира: Палеоазиатские языки. М., 1997.

Головко 2001: Головко Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности // Вестник молодых ученых (Мастер-класс). 2001. № 4.

Городское 1984: Городское просторечие: Проблемы изучения / Ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. М., 1984.

Гофман 2000: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000 [1956].

Грайс 1985: Грайс Г. П. Логика и речевое общение [1975] // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

Грановская 1995: Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Данеш, Чмейркова 1994: Данеш Ф., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык, культура, этнос. М., 1994.

Демьянков 1982: Демьянков В. З. Англо-русский словарь терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М., 1982. Вып. 2.

Диахроническая 1993: Диахроническая социолингвистика. М., 1993.

Дьячков 1987: Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1987.

Дьячков 1996: Дьячков М. В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

Елоева, Русаков 1990: Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. Проблемы языковой интерференции. Л., 1990.

Жирмунский 1968: Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. Л., 1968.

Зарубежный 1986: Зарубежный восток: Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.

Земская 1996: Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.

Земская 2001: Земская Е. А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Там же. 2001. № 1.

Земская и др. 1990: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова. М., 1990.

Иссерс 2002: Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.

Казакевич 1994: Казакевич О. А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития. М.: Ин-т языкознания РАН, 1994.

Казакевич 1996: Казакевич О. А. Языки малочисленных народов России // Человек. 1996. Вып. 4.

Карасик 2002: Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

Карцевский 1923: Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин, 1923. (Переиздание см.: Карцевский 2000).

Карцевский 2000: Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2000.

Касевич 1988: Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Клемперер 1998: Клемперер В. LTI: Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998.

Кобозева 2000: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кодзасов 2000: Кодзасов С. В. Голос в телевизионной рекламе // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000. (См.: То же // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1).

Конвенция 1994: Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования. Принята 14 декабря 1960 г. // Статус малочисленных народов России. М., 1994.

Контактологический 1994: Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1. Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. М., 1994.

Крейдлин 1996: Крейдлин Г. Е. Стереотипы возраста // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd 37.

Кристал 2001: Кристал Д. Английский язык как глобальный. М., 2001.

Кронгауз 2001: Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001.

Крысин 1974: Крысин Л. П. Введение // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.

Крысин 1976: Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Крысин 1977: Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М., 1977.

Крысин 1989а: Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Крысин 1989б: Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989.

Крысин 1994а: Крысин Л. П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык, культура, этнос. М., 1994.

Крысин 1994б: Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.

Кукушкина 1994: Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье // Там же.

Культурно-речевая 2000: Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Лабов 1975: Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте [1970] // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Лакофф, Джонсон 1987: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [1980] // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. (Переиздание см.: Благовещенск, 1998).

Ларин 1928: Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. (Переиздание см.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М., 1977).

Ларин 1931: Ларин Б. А. Об изучении языка города // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. (Переиздание см.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М., 1977).

Левин 1988: Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd 22.

Левин 1994: Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. 1994. Вып. 34.

Леонтьев 1968: Леонтьев А. А. и др. [Предисловие]. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Лепская 1994: Лепская Н. И. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языкознания. 1994. № 2.

Макаров 2003: Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Макдэвид 1975: Макдэвид-мл. Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе [1966] // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Малые языки 1997: Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997.

Меновщиков 1964: Меновщиков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопросы языкознания. 1964. № 5.

Методы 1995: Методы социолингвистических исследований. М., 1995.

Мечковская 2000: Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Минск, 2000.

Минский 1981: Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1981 [1975].

Михальченко 1994: Михальченко В. Ю. Языковые проблемы Содружества Независимых Государств // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Наумова 1975: Наумова Т. Н. Роль языка в процессе социализации ребенка // Проблемы психолингвистики. М., 1975.

Николаева 1988: Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

Никольский 1976: Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.

Новое в лингвистике 1972: Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Новое в лингвистике 1975: Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Опыт совершенствования 1982: Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982.

Падучева 1997: Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла [1982] // Семиотика и информатика: Opera selecta. М., 1997. Вып. 35.

Паршин 2000: Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000.

Паршин 2001: Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae: Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.

Пирогова 2000: Пирогова Ю. К. Современные творческие рекламные стратегии и их отражение в тексте // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000.

Пирогова 2001: Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.). М., 2001.

Письменные языки мира 2000: Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. М., 2000. Кн. 1.

Поливанов 1931а: Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931.

Поливанов 1931б: Поливанов Е. Д. Стук по блату // Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931.

Поливанов 1968а: Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Поливанов 1968б: Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандарт-

ного языка // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Поливанов 1968в: Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Там же.

Рабинович 2000: Рабинович Е. Г. Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2000.

Развитие языков 1983: Развитие языков в странах зарубежного востока (послевоенный период). М., 1983.

Разновидности городской 1988: Разновидности городской устной речи. М., 1988.

Рекламный текст 2000: Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000.

Рекомендации 1994: Рекомендации Международной конференции «Национальная школа: концепция и технология развития». Якутск, 16–21 марта 1993 г. Приняты 21 марта 1993 г. // Статус малочисленных народов России. М., 1994.

Речевое общение 2000: Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.

Розенцвейг 1972: Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л., 1972.

Русская разговорная речь 1996: Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Русский язык 1968: Русский язык и советское общество: В 4 кн. М., 1968.

Русский язык 1974: Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.

Русский язык 1996: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Русский язык 2000: Русский язык сегодня. М., 2000. [Вып.] 1.

Селищев 1928: Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928. (Переиздание этой работы см.: М., 2003).

Сепир 1993а: Сепир Э. Аномальные речевые приемы в нутка [1915] // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Сепир 1993б: Сепир Э. Язык [1933] // Там же.

Серио 1995: Серио П. Этнос и демос: дискурсивное построение коллективной идентичности // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.

Серио 1999: Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла. М., 1999.

Сигуан, Макки 1990: Сигуан М., Макки У. Ф. Образование и двуязычие. М., 1990.

Скворцов 1996: Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.

Социально-лингвистические 1976: Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Социолингвистические 1996: Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы междунар. конф. М., 1996.

Социолингвистические проблемы 1975: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

Степанов 1995: Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

Сумерки лингвистики 2001: Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. М., 2001.

Табуре-Келлер 1972: Табуре-Келлер А. К изучению двуязычия в социологическом плане [1964] // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Теоретические проблемы 1981: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

Тишков 2003: Тишков В. А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124).

Трубецкой 1995: Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков» [1923] // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Туманян 1994: Туманян Э. Г. Законы о языках и возможность их реализации // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Тынянов 1924: Тынянов Ю. Н. Словарь Ленина-полемиста // Леф. 1924. № 1. (Переиздание см.: Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка: Статьи. М., 1965).

Фёдорова 2002: Фёдорова К. С. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

Фергюсон 1975: Фергюсон Ч. Автономная детская речь в шести языках [1964] // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Функциональная 1985: Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Хаймс 1975: Хаймс Д. Этнография речи [1962] // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Хауген 1972: Хауген Э. Языковой контакт [1957] // Там же. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.

Хелимский 1987: Хелимский Е. А. «Русский говорка место казать будем»: (таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабоч. совещ. М., 1987.

Цейтлин 2000: Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000.

Швейцер 1971: Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. Л., 1971.

Швейцер 1976: Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, методы, проблемы. М., 1976.

Швейцер, Никольский 1978: Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.

Шмелёв 1996: Шмелёв А. Д. Апелляция к реальности как демагогический прием // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2.

Шмелёв 1997: Шмелёв А. Д. Приемы языковой демагогии: Апелляция к реальности как демагогический прием // Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Шор 1926: Шор Р. О. Язык и общество. М., 1926.

Шпет 1996: Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996.

Щерба 1974: Щерба Л. В. Язык и речевая деятельность. Л., 1974.

Язык в контексте 1994: Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Язык и личность 1989: Язык и личность. М., 1989.

Язык и моделирование 1987: Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Язык и общество 1968: Язык и общество. Л., 1968.

Язык, культура 1994: Язык, культура, этнос. М., 1994.

Язык: система 1990: Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова. М., 1990.

Языки народов России 2002: Языки народов России: Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.

Языковая ситуация 1992: Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.

Языковые проблемы 1994: Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. Т. 1.

Якобсон 1972: Якобсон Р. О. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Якобсон 1985: Якобсон Р. О. О теории фонологических союзов между языками [1938] // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.

Яковлев 1932: Яковлев Н. Ф. Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР // Революция и письменность. 1932. № 4–5.

Якубинский 1986: Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

Advances 1972: Advances in the Sociology of Language / Ed. by J. A. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1972. 2 vols.

Agryle et al. 1972: Agryle M., Salter V., Nicholson H. Williams M., Burgess P. The Communication of Inferior and Superior Attitudes by Verbal and Nonverbal Signals // The Psychology of Language / Ed. by S. Moscovici. Chicago: Markham, 1972.

Aikio 1986: Aikio M. Some Issues in the Study of Language Shift in the Northern Calotte // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1986. Vol. 7, N 5.

Allard, Laudry 1986: Allard R., Laudry R. Subjective Ethnolinguistic Vitality Viewed as a Belief System // Ibid.

Anthropology of Ethnicity 1994: The Anthropology of Ethnicity: Beyond «Ethnic Groups and Boundaries» / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994.

Appel, Muysken 1987: Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. London, etc.: Arnold, 1987.

Approaches 1998: Approaches to Media Discourse / Ed. by A. Bell, P. Garrett. Oxford: Blackwell, 1998.

Arends 1995: Arends J. The Socio-Historical Background of Creoles // Pidgins and Creoles: An Introduction / Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995.

Austerlitz 1982: Austerlitz R. Three Thoughts on Dr. Kreindler's Thoughts // International Journal of American Linguistics. 1982. Vol. 33.

Bakker 1995: Bakker P. Pidgins // Pidgins and Creoles: An Introduction / Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995.

Bakker 1997: Bakker P. A Language of Our Own: The Genesis of Michif, the Mixed Cree-French Language of the Canadian Métis. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.

Bakker 1998: Bakker P. Para-Romani Languages versus Secret Languages: Differences in Origin, Structure and Use // The Romani Element in Non-Standars Speech / Ed. by Y. Matras. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1998.

Bakker 1999: Bakker P. Rapid Language Change: Creolization, Intertwining, Convergence // The Depth in Historical Linguistics / Ed. by C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 1999.

Barth 1996: Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference [1969] // Theories of Ethnicity: A classical reader / Ed. by W. Sollors. London, etc.: MacMillan Press, 1996.

Bauman, Sherzer 1975: Bauman R., Sherzer J. The Ethnography of Speaking // Annual Review of Anthropology. 1975. Vol. 4.

Bayles, Kaszniak 1987: Bayles K. A., Kaszniak A. W. Communication and Cognition in Normal Afing and Dementia. London: Taylor and Francis, 1987.

Bell 1976: Bell R. T. Sociolinguistics: Goals, Approaches and Problems. London: Batsford, 1976.

Bickerton 1975: Bickerton D. Dynamics of a Creole System. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1975.

Bickerton 1981: Bickerton D. Roots of Language. Ann Arbor: Karoma, 1981.

Bickerton 1984: Bickerton D. The Language Bioprogram Hypothesis // The Behavioral and Brain Science. 1984. N 7.

Bilingualism Reader 2000: The Bilingualism Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 2000.

Bolinger 1980: Bolinger D. Language — The Loaded Weapon. The Use and Abuse of Language Today. London; New York: Longman, 1980.

Bourdieu 1991: Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MA: Polity Press in association with Blackwell, 1991.

Bourhis et al. 1981: Bourhis R., Giles H., Rosenthal D. Notes on the Construction of a «Subjective Vitality Questionnaire» for Ethnolinguistic Groups // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1981. Vol. 2.

Bright 1966: Bright W. Sociolinguistics. The Hague: Mouton de Gruyter, 1966.

Brown 1980: Brown P. How and Why are Women More Polite: Some Evidence from a Mayan Community // Women and Language in Literature and Society / Ed. by S. McCounell-Ginet, R. Borker, N. Furman. New York: Praeger, 1980.

Brown, Ford 1964: Brown R., Ford M. Address in American English // Language in Culture and Society / Ed. by D. Hymes. New York: Harper and Row, 1964.

Brown, Gilman 1972: Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social Context: Selected Readings / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin, 1972.

Brown, Levinson 1987: Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

Brown, Yule 1983: Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

Campbell 1994: Campbell L. Language Death // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by R. E. Asher. Oxford: Pergamon Press, 1994. Vol. 4.

Candlin 1997: Candlin C. N. General Editor's Preface // The Construction of Professional Discourse / Ed. by B.-L. Gunnarson, P. Linell, B. Nordberg. London: Longman, 1997.

Carranza, Ryan 1975: Carranza M., Ryan E. B. Evaluative Reactions of Bilingual Anglo and Mexican American Adolescents towards Speakers of English and Spanish // International Journal of the Sociology of Language. 1975. Vol. 6, N 83.

Chafe 1998: Chafe W. Do Speakers of Different Languages Think Differently? // Languages of the North Pacific Rim / Ed. by O. Miyaoka, M. Oshima. Gdaruate School of Letters. Kyoto: Kyoto Univ., 1998. Vol. 4.

Chambers 1998: Chambers J. K. Myth 15: TV Makes People Sound the Same // Language Myths / Ed. by L. Bauer, P. Trudgill. Harmondsworth: Penguin Books, 1998.

Chomsky 1957: Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton de Gruyter, 1957. (Русский перевод: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2).

Chomsky 1965: Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge; MA.: MIT Press, 1965. (Русский перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972).

Chomsky 1966: Chomsky N. Cartesian Linguistics. New York: Harper and Row, 1966.

Cooper, Fishman 1974: Cooper R., Fishman J. The Study of Language Attitudes // International Journal of the Sociology of Language. 1974. Vol. 3.

Cortiade 1991: Cortiade M. Romani versus ParaRomani // In the Margin of Romani: Gypsy Languages in Contact / Ed. by P. Bakker, M. Cortiade. Amsterdam: Institut voor algemene taalwetenschap, 1991.

Coulmas 1997: Coulmas F. Introduction // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford UK; Cambridge US: Blackwell, 1997.

Coupland et al. 1991: Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, Society and the Elderly: Discourse, Identity and Aging. Oxford UK; Cambridge US: Blackwell, 1991.

Crystal 1997: Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

d'Anglejan, Tucker 1973: d'Anglejan A., Tucker G. R. Sociolinguistic Correlates of Speech Style in Quebec // Language Attitudes: Current Trends and Prospects / Ed. by R. Shuy, R. Fasold. Washington DC: Georgetown Univ. Press, 1973.

Darnell 1971: Darnell R. The Bilingual Speech Community: A Cree Example // Linguistic diversity in Canadian society / Ed. by R. Darnell. Edmonton, Champaign: Linguistic Research, Inc., 1971.

Davis 1990: Davis L. M. Statistics in Dialectology. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press, 1990.

deKlerk, Bosch 1995: deKlerk V., Bosch B. Linguistic Stereotypes: Nice Accent — Nice Person? // International Journal of the Sociology of Language. 1995. Vol. 116.

Denison 1977: Denison N. Language Death or Language Suicide? // Ibid. Vol. 12. Language Death. 1977.

Discourse Reader 1999: The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999.

Dixon 1991: Dixon R. M. W. The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania // Endangered Languages / Ed. by R. H. Robins, E. M. Uhlenbeck. Oxford; New York: Berg, 1991.

Dorian 1981: Dorian N. Language Death: The life cycle of a Scottish Gaelic dialect. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981.

Dorian 1982: Dorian N. Language Loss and Maintenance in Language Contact Situations // The Loss of Language Skills / Ed. by R. D. Lambert, B. F. Freed. London, etc.: Rowley, MA.: Newbury House, 1982.

Downes 1984: Downes W. Language and Society. Oxford: Blackwell, 1984.

Dunn 2000: Dunn M. Chukchi Women's Language: A Historical-Comparative Perspective // Anthropological Linguistics. 2000. Vol. 42, N 3.

Duranti 1998: Duranti A. Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

El-Dash, Tucker 1975: El-Dash L., Tucker G. R. Subjective Reactions to Various Speech Styles in Egypt // International Journal of the Sociology of Language. 1975. Vol. 6.

Fairclough 1992: Fairclough N. Introduction // Critical Language Awareness / Ed. by N. Fairclough. London: Longman, 1992.

Fasold 1995: Fasold R. The Sociolinguistics of Society: Introduction to Sociolinguistics. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1995 [1984]. Vol. 1.

Fasold 1996: Fasold R. The Sociolinguistics of Language: Introduction to Sociolinguistics. Oxford: Blackwell, 1996 [1990]. Vol. 2.

Ferguson 1959: Ferguson C. A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15.

Ferguson 1978: Ferguson C. A. Talking to Children: A Search for Universals // Universals of Human Languages / Ed. by J. H. Greenberg. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1978. Vol. 1.

Ferguson 1996: Ferguson C. A. Language Development [1968] // Ferguson C. A. Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959–1994 / Ed. by J. Huebner. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

Fishman 1965: Fishman J. A. The Relationship between Micro- and Macro-Sociolinguistics in the Study of Who Speaks What Language to Whom and When // Linguistics. 1965. Vol. 2.

Fishman 1968: Fishman J. A. Varieties of Ethnicity and Varieties of Language Consciousness // Georgetown University Round Table: Selected Papers on Linguistics, 1961–1965. Washington DC: Georgetown Univ. Press, 1968.

Fishman 1971: Fishman J. A. Sociolinguistics: A Brief Introduction. Rowley, MA.: Newbury House, 1971.

Fishman 1972a: Fishman J. A. The Sociology of Language // Advances in the Sociology of Language / Ed. by J. A. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1972.

Fishman 1972b: Fishman J. A. The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley, MA.: Newbury House, 1972.

Fishman 1972c: Fishman J. A. Language and Nationalism: Two Integrative Essays. Rowley, MA.: Newbury House, 1972.

Fishman 1991: Fishman J. A. Reversing Language Shift. London: Lightning Source Inc., 1991. (Multilingual Matters; Vol. 76).

Fishman 1994: Fishman J. A. Critique of Language Planning: A Minority Language Perspective // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1994. Vol. 15, N 2–3.

Fishman et al. 1985: Fishman J. A. et al. The Rise and Fall of Ethnic Revival: Perspective on Language and Ethnicity. Berlin: Mouton de Gruyter, 1985.

Foley 1997: Foley W. A. Anthropological Linguistics: An introduction. Oxford: Blackwell, 1997.

Fowler 1981: Fowler R. Literature as Social Discourse: The Practice of Linguistic Criticism. London: Batsford, 1981.

Gal 1978a: Gal S. Variation and Change in Patterns of Speaking: Language shift in Austria // Linguistic Variation: Models and Methods / Ed. by D. Sankoff. New York: Academic Press, 1978.

Gal 1978b: Gal S. Peasant Men Can't Get Wives: Language Change and Roles in a Bilingual Community // Language in Society. 1978. Vol. 7, N 1. (См. также перепечатку в сокращенном виде: Sociolinguistics 1997).

Gal 1979: Gal S. Lanugage Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria. New York: Academic Press, 1979.

Gal 1989: Gal S. Language and Political Economy // Annual Review of Anthropology. 1989. N 18.

Garfinkel 1967: Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.

Garfinkel 1974: Garfinkel H. On the origins of the term «ethnomethodology» // Ethnomethodology / Ed. by R. Turner. Harmondswoth: Penguin Books, 1974.

Garret, Bell 1998: Garret P., Bell A. Media and Discourse: A Critical Overview // Approaches to Media Discourse / Ed. by A. Bell, P. Garret. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1998.

Garzon 1992: Garzon S. The Process of Language Death in a Mayan Community in Southern Mexico // [Special issue of] International Journal of the Sociology of Language. Language Obsolescence, Shift, and Death in Several Native American Communities. 1992. Vol. 93.

Gee 1998: Gee J. P. Two Styles of Narrative Construction and their Linguistic and Educational Implications [1989] // The Sociolinguistics Reader / Ed. by J. Cheshire, P. Trudgill. London, etc.: Arnold, 1998.

Gee 1999: Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and method. London; New York: Routledge, 1999.

Giles 1977: Giles H. Language, Ethnicity, and Intergroup Relations. London: Academic Press, 1977.

Giles et al. 1977: Giles H., Bourhis R., Taylor D. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations // Language, Ethnicity, and Intergroup Relations / Ed. by H. Giles. London: Academic Press, 1977.

Giles, Powesland 1997: Giles H., Powesland P. Accommodation Theory // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997.

Giles, StClair 1979: Giles H., StClair R. Language and Social Psychology. Oxford: Blackwell, 1979.

Goffman 1961: Goffman E. Enconters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961.

Goffman 1967: Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Interaction. Garolen City; New York: Anchor: Doubleday, 1967.

Goffman 1972: Goffman E. The Neglected Situation [1964] // Language and Social Context / Ed. by P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.

Goffman 1974: Goffman E. Frame Analysis. New York: Harper and Row, 1974.

Goffman 1983: Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review. 1983. N 48.

Goffman 1999: Goffman E. On Face Work [1967] // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999.

Golovko 1994: Golovko E. V. Mednij Aleut: A Russian-Aleut Mixed Language // Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining / Ed. by P. Bakker, M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994.

Golovko 1996: Golovko E. V. A Case of Nongenetic Development in the Arctic Area: The Contribution of Aleut and Russian to the Formation of Copper Island Aleut // Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages / Ed. by E. H. Jahr, I. Broch. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.

Golovko 2004: Golovko E. V. Language Contact and Group Identity: The Role of «Folk» Linguistic Engineering // The Mixed Language Debate: Theoretical and Empirical Advances / Ed. by Y. Matras, P. Bakker. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004.

Golovko, Vakhtin 1990: Golovko E. V., Vakhtin N. B. Aleut in Contact: The CIA Enigma // Acta Linguistica Hafniensia. 1990. Vol. 22.

Good 1975: Good C. H. Die deutsche Sprache und die kommunistische Ideologie. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1975.

Greenfield 1970: Greenfield L. Situational Measures of Normative Language Views in Relation to Person, Place and Topic among Puerto Rican Bilinguals // Antropos. 1970. Vol. 65.

Grimes 1995: Grimes J. E. Language Endangerment in the Pacific // Oceanic Linguistics. 1995. Vol. 34, N 1.

Grosjean 1982: Grosjean F. Life with Two Languages: An Introduction to Bilingualism. Cambridge, Mass.; London: Harvard Univ. Press, 1982.

Gumperz 1968: Gumperz J. The Speech Community // International Encyclopedia of the Social Sciences. Macmillan, 1968. (См. также перепечатку этой работы: Language and Social Context: Selected Readings / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1972).

Gumperz 1982: Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1982.

Gumperz 1997: Gumperz J. J. Communicative Competence // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997.

Haas 1964: Haas M. Men's and Women's Speech in Koasati // Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology / Ed. by D. Hymes. New York: Harper and Row, 1964.

Halliday 1972: Halliday M. A. K. Sociological Aspects of Semantic Change // Proceedings of the 11th International Congress of Linguists. Bologna: il Mulino, 1972.

Halliday 1978: Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Arnold, 1978.

Harris 1982: Harris T. Reasons for Decline of Judeo-Spanish // International Journal of the Sociology of Language. 1982. Vol. 37.

Haugen 1971: Haugen E. Instrumentalism in Language Planning // Can Language be Planned? Sociolinguistic Theory and Practice for

Developing Nations / Ed. by J. Rubin, B. Jernudd. Honolulu: The Univ. Press of Hawaii, 1971.

Herman 1968: Herman S. Explorations in the Social Psychology of the Language Choice // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1968.

Hesbacher, Fishman 1965: Hesbacher P., Fishman J. Language Loyalty: Its Functions and Concomitants in Two Bilingual Communities // Lingua. 1965. Vol. 13, N 2.

Hewstone, Giles 1997: Hewstone M., Giles H. Social Groups and Social Stereotypes // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997.

Hoff 1994: Hoff B. J. Island Carib // Mixed Languages: 15 Case Studies in Language intertwining / Ed. by P. Bakker, M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994.

Hock 1986: Hock H. H. Principles of Historical Linguistics. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1986.

Holmes 1992: Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London: Longman, 1992.

Hudson 1990: Hudson R. A. Sociolinguistics. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990 [1980].

Hymes 1972a: Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics: Selected Readings / Ed. by J. Pride, J. Holmes. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.

Hymes 1972b: Hymes D. Towards Ethnographies of Communication: The Analysis of Communicative Events [1964] // Language and Social Context / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.

Hymes 1972c: Hymes D. Models of the Interactions of Language and Social Life // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication / Ed. by J. Gumperz, D. Hymes. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.

Hymes 1973: Hymes D. Speech and Language: On the Origins and Foundations of Inequality among Speakers // Language as a Human Problem / Ed. by N. Bloomfield, E. Haugen. New York: W. W. Norton and Co., 1973.

Hymes 1997: Hymes D. The Scope of Sociolinguistics // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997.

Inglehart, Woodward 1982: Inglehart R., Woodward M. Language Conflicts and the Political Community // Language and Social Context: Selected Readings / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1982.

Investigating 1989: Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death / Ed. by N. Dorian. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.

Irvine 1985: Irvine J. Status and Style in Language // Annual Review of Anthropology. 1985. Vol. 14.

Jakobson 1955: Jakobson R. Aphasia as a Linguistic Problem // Psycholinguistics: A Book of Readings / Ed. by S. Saporta, J. Bastian. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1961.

Jakobson 1962: Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und Allgemeine Lautgesetze // Jakobson R. Selected Writings. New York; Paris: Mouton de Gruyter, 1962. Vol. 1.

Jaworski, Coupland 1999: Jaworski A., Coupland N. Introduction: Perspectives on Discourse Analysis // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999.

Jenkins 1994: Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17, N 2.

Jenkins 1997: Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations. London, etc.: Sage, 1997.

Kalmar et al. 1987: Kalmar I., Zhong Yong, Xiao Hong. Language Attitudes in Guangzhou, China // Language in Society. 1987. Vol. 16, N 4.

Keenan 1976: Keenan E. The Universality of Conversational Postulates // Ibid. 1976. Vol. 5.

Keenan, Ochs 1979: Keenan E., Ochs E. Becoming a Competent Speaker of Malagasy // Languages and Their Speakers / Ed. by T. Shopen. Cambridge, MA.: Winthrop, 1979.

Kibrik 1991: Kibrik A. E. The Problem of Endangered Languages of the USSR // Endangered Languages / Ed. by R. H. Robins, E. M. Uhlenbeck. New York; Oxford: Berg, 1991.

Kimple 1968: Kimple J. Language Shift and the Interpretation of Conversations // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1968.

Krauss 1991: Krauss M. The World Languages in Crisis // Paper presented to Symposium «Endangered Languages and Their Preservation». Meeting of the Linguistic Society of America. Chicago, January 1991.

Krauss 1992: Krauss M. The World's Languages in Crisis // Language. 1992. Vol. 68, N 1.

Kreindler 1984: Kreindler I. T. The Non-Russian Languages and the Challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future / Ed. by I. T. Kreindler. Berlin, etc.:

Mouton de Gruyter, 1984. (Contributions to the Sociology of Language; Vol. 40).

Kulick 1992: Kulick D. Language Shift and Cultural Reproduction: Socialization, Self, and Syncretism in a Papua New Guinean Village. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.

Labov 1966: Labov W. The Social Stratification of English in New York City. Washington DC: Center for Applied Linguistics, 1966.

Labov 1972: Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: Univ. of Philadelphia Press, 1972.

Lakoff 1975: Lakoff R. T. Language and Woman's Place. New York: Harper and Row. 1975.

Lakoff 1987: Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

Lakoff 1990: Lakoff R. T. Talking Power: The Politics of Language. Basic Books, 1990.

Lakoff 1991: Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. Paper read at University of California Berkeley on January 30, 1991. (См. также: http://lists.village.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html).

Lakoff 2000: Lakoff R. T. The Language War. Berkeley, etc.: Univ. of California Press, 2000.

Lambert et al. 1968: Lambert W., Gardner R., Olton R., Tunstall K. A Study of the Roles, Attitudes and Motivation in Second-Language Learning // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague: Mouton de Gruyter, 1968.

Language and Social Context 1972: Language and Social Context: Selected Readings / Ed. by P. P. Giglioli. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.

Language Death 1992: Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa / Ed. by M. Brenzinger. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.

Le Page 1997: The Evolution of A Sociolinguistic Theory of Language // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford UK; Cambridge US: Blackwell, 1997.

Le Page 1998: Le Page R. B. «You Can Never Tell Where a Word Comes From»: Language Contact in a Diffuse Setting // The Sociolinguistics Reader. Vol. 1. Multilingualism and Variation / Ed. by P. Trudgill, J. Cheshire. London, etc.: Arnold, 1998. (Originally published in: Language Contact: Theoretical and Empirical Studies / Ed. by E. H. Jahr. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992).

Le Page, Tabouret-Keller 1985: Le Page R. B., Tabouret-Keller A. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.

Linguistics 1995: Linguistics: The Cambridge Survey. IV / Ed. by F. Newmeyer. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995 [1988].

Luhman 1990: Luhman R. Appalachian English Stereotypes: Language Attitudes in Kentucky // Language in Society. 1990. Vol. 19, N 3.

Matsumoto 1988: Matsumoto Y. Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics. 1988. Vol. 11.

McConell 1996: McConell G. D. A Model of Language Development and Vitality // Indian Journal of Applied linguistics. 1996. Vol. 22, N 1.

Mesthrie et al. 2000: Mesthrie R., Swann J., Deumert A., Leap W. L. Introducing Sociolinguistics. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2000.

Metaphor 1996: Metaphor and Thought. 2nd ed. / Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996 [1979].

Mixed Languages 1994: Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining / Ed. by P. Bakker, M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994.

Montgomery 1986: Montgomery M. An Introduction to Language and Society. London; New York: Methuen, 1986.

Murray 1998: Murray S. O. American Sociolinguistics: Theorists and Theory Groups. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1998.

Myers-Scotton 1993: Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa. Oxford: Oxford Univ. Press, 1993.

Nelde 1987: Nelde P. H. Research on Language Conflict // Sociolinguistics/Soziolinguistik: An International Handbook of the Science of Language and Society / Ed. by U. Ammon, N. Dittmer, J. K. Mattheier. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1987. Vol. 1.

Ochs 1999: Ochs E. Transcription as Theory [1979] // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999.

Ornstein-Galicia 1987: Ornstein-Galicia. Ethnic/Linguistic Minorities: Selected Situations and Research Perspectives // Sociolinguistics/Soziolinguistik: An International Handbook of the Science of Language and Society / Ed. by U. Ammon, N. Dittmer, J. K. Mattheier. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1987. Vol. 1.

Osgood 1953: Osgood Ch. E. Method and Theory in Experimental Psychology. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1953.

Philips 1980: Philips S. U. Sex Differences and Language // Annual Review of Anthropology. 1980. Vol. 9.

Pipes 1975: Pipes R. Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union // Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D. P. Moynihan. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1975.

Pratkanis 1991: Pratkanis A. R., Aronson E. Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion. New York: W. H. Freeman, 1991.

Romaine 1988: Romaine S. Pidgin and Creole Languages. London; New York: Longman, 1988.

Romaine 1994: Romaine S. Language in Society: An Introduction to Sociolinguistics. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994.

Romaine 1999: Romaine S. Communicating Gender. Mahwah, NJ; London: Erlbaum, 1999.

Sacks 1992: Sacks H. Lectures on Conversation. Oxford: Blackwell, 1992.

Schieffelin, Ochs 1986: Schieffelin B., Ochs E. Language Socialization // Annual Review of Anthropology. 1986. Vol. 15.

Schiffrin 1994: Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell, 1994.

Schiffrin 1996: Schiffrin D. Interactional Sociolinguistics // Sociolinguistics and Language Teaching / Ed. by S. L. Mckay, N. H. Hornberger. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

Seriot 1985: Seriot P. Analyse du discours politique Soviétique. Paris: Institut d'études slaves, 1985.

Sherzer 1995: Sherzer J. A Diversity of Voices: Men's and Women's Speech in Ethnographic Perspective [1987] // Language, Gender and Sex in Comparative Perspective / Ed. by S. V. Phillips, S. Steele, C. Tanz. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.

Shifting patterns 1994: Shifting Patterns of Language Use in Borneo / Ed. by P. Martin. Williamsburg: Borneo Research Council, 1994.

Shrank 1994: Shrank J. The Language of Advertising Claims // Language Awareness. 6th ed. / Ed. by P. Escholz, A. Rsa, V. Clerk. New York: St. Martin's Press, 1994.

Sifianou 1992: Sifianou M. Politeness Phenomena in England and Greece: A Cross-cultural Approach. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.

Smith 1995: Smith N. An Annotated List of Creoles, Pidgins, and Mixed Languages // Pidgins and Creoles: An Introduction / Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995.

Smout 1988: Smout K. D. A missionary English from Japan // American Speech. 1988. Vol. 63, N 2.

Sociolinguistics Handbook 1997: The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell, 1997.

Sociolinguistics 1972: Sociolinguistics: Selected Readings / Ed. by J. Pride, J. Holmes. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.

Sociolinguistics 1997: Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997.

Sociolinguistics Reader 1998: The Sociolinguistics Reader. Vol. 2. Gender and Discourse / Ed. by J. Cheshire, P. Trudgill. London, etc.: Arnold, 1998.

Solchanyk 1984: Solchanyk R. Language Politics in the Ukraine // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future / Ed by I. T. Kreindler. Berlin: Mouton de Gruyter, 1984.

Stewart 1968: Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris: Mouton de Gruyter, 1968.

Stubbs 1983: Stubbs M. Discourse Analysis. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983.

Tabouret-Keller 1997: Tabouret-Keller A. Language and Identity // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell, 1997.

Tannen 1982: Tannen D. Ethnic Style in Male-Female Conversation // Language and Social Identity / Ed. by J. Gumperz. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.

Tannen, Wallat 1999: Tannen D., Wallat C. Interactive Frames and Knowledge Schemas in Interaction: Examples from a medical examination/interview [1987] // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworski, N. Coupland. London; New York: Routledge, 1999.

Tauli 1968: Tauli V. Introduction to a Theory of Language Planning. Uppsala: Uppsala Univ. Press, 1968.

Thom 1989: Thom F. The Language of Soviet Communism (La langue de bois). London; Lexington: The Claridge Press, 1989.

Thomason 1997: Thomason S. G. On Mechanisms of Interference // Language and Its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen / Ed. by S. Eliasson, E. H. Jahr. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997.

Thomason, Kaufman 1988: Thomason S. G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley, etc.: Univ. of California Press, 1988.

Trudgill 1974: Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.

Trudgill 1995: Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1995 [1974].

van Dijk 1981: van Dijk T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1981.

van Dijk 1998: van Dijk T. A. Principles of Critical Discourse Analysis // The Sociolinguistics Reader. Vol. 2. Gender and Discourse / Ed. by J. Cheshire, P. Trudgill. London, etc.: Arnold, 1998.

van Dijk, Kintsch 1983: van Dijk T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York, etc.: Academic Press, 1983.

Wald 1974: Wald B. Bilingualism // Annual Review of Anthropology. 1974. Vol. 3.

Wald 1985: Wald B. Vernacular and Standard Swahili as Seen by Members of the Mombassa Swahili Speech Community // Languages of Inequality / Ed. by N. Wolfson, J. Manes. Berlin, etc.: Mouton de Gruyter, 1985.

Wardhaugh 1992: Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. Oxford: Blackwell, 1992.

Wieder, Pratt 1990a: Wieder D. L., Pratt S. On Being a Recognizable Indian Among Indians // Cultural Communication and Intercultural Contact / Ed. by D. Carbough. Hillside, NJ: Erlbaum, 1990.

Wieder, Pratt 1990b: Wieder D. L., Pratt S. On the Occasioned and Situated Character of Members' Questions and Answers: Reflections on the Question «Is he or she a real Indian?» // Ibid.

Willemyus et al. 1993: Willemyus M., Pittam J., Gallois C. Perceived Ethnolinguistic Vitality of Vietnamese and English in Australia: A Confirmatory Factor Analysis // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1993. Vol. 14, N 6.

Williams 1974: Williams F. The Identification of Linguistic Attitudes // Linguistics. 1974. Vol. 136.

Williams et al. 1976: Williams F. et al. Explorations of the Linguistic Attitudes of Teachers. Rowley, MA.: Newbury House, 1976.

Wolfram, Fasold 1997: Wolfram W., Fasold R. Field Methods in the Study of Social Dialects // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997.

Wurm 1991: Wurm S. A. Language Death and Disappearance: Causes and circumstances // Endangered Languages / Ed. by R. H. Robins, E. M. Uhlenbeck. Oxford; New York: Berg, 1991.

Young 1991: Young J. W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Communist Antecedents. Charlottesville; London: Univ. of Virginia Press, 1991.

Указатель имен[1]

Аасен И. (Aasen I.) 165
Абельс Х. (Abels H.) 252
Аврорин В. А. 9
Агаев А. Г. 48
Алпатов В. М. 9–10, 22, 31–32, 182–183, 194, 205
Аничков И. Е. 32
Арендт Х. (Arendt H.) 208
Аустерлиц Р. (Austerlitz R.) 115

Багичева Н. В. 80
Баккер П. (Bakker P.) 149, 154–156, 160–161
Баранов А. Н. 10, 200, 202, 211, 217, 224–225, 274
Барт Р. (Barthes R.) 256
Барт Ф. (Barth F.) 34–36, 48
Бахтин М. М. 21, 270
Бейтсон Г. (Bateson G.) 268
Беликов В. И. 10, 46, 62, 141, 145, 159–160, 198
Белл Р. (Bell R. T.) 12, 15, 31
Бенвенист Э. (Benveniste E.) 253
Бен-Егуда Э. (Eliezer Ben Yehuda) 165
Бернштейн С. Б. 32
Бикертон Д. (Bickerton D.) 144, 146
Блакар Р. (Blakar R. M.) 201, 224
Бок Ф. К. (Bock F. K.) 84
Болинджер Д. (Bolinger D.) 199
Бонч-Осмоловская А. 224
Борисова Е. Г. 202
Брайт У. (Bright W.) 16, 31
Браун П. (Brown P.) 198, 231–232, 234–235, 242–243, 245–247, 251–252, 254, 271
Брежнев Л. И. 209, 211–212, 222–223
Брок И. (Broch I.) 141
Брунер Дж. (Bruner J.) 80, 85
Булыгина Т. В. 225
Бурдьё П. (Bourdieu P.) 199, 225

Вайнрайх У. (Weinreich U.) 12, 43, 48, 160
Вайскопф М. 10
Ван Дейк Т. А. (van Dijk T. A.) 12, 200, 203–204, 224–225, 254, 256–259, 267–269, 274–275
Вебстер Н. (Webster N.) 164
Вежбицка А. (Wierzbicka A.) 12, 222, 225
Видер Д. (Wieder D.) 262
Винер Б. Е. 36

[1] Иностранные имена приведены в указателе только латиницей, если они упомянуты в тексте лишь в такой форме. Если в тексте представлен только их кириллический вариант или и кириллический и латинский, то приводятся оба варианта: сначала кириллицей, а в скобках — латиницей.

Виноградов В. А. 9
Винокур Т. Г. 10
Волошинов В. Н. 8, 20–21

Гаврилова Т. О. 80
Галич А. А. 206
Гамперц Дж. (Gumperz J.) 15, 27–30, 32, 38, 101, 226, 238, 240–242, 251, 257
Гарсон С. (Garzon S.) 119–120
Геллнер Э. (Gellner E.) 162
Гердер И. (Herder J. G. , von) 26
Герман С. (Herman S.) 103
Гивон Т. (Givón T.) 258
Горбачёв М. С. 223–224
Гофман И. (Goffman E.) 198, 226–230, 238, 246, 251–252, 268
Граймс Дж. (Grimes J. E.) 114–115
Грайс Г. П. (Grice H. P.) 231, 235, 237–238, 247, 251, 257
Грановская Л. М. 10, 77–78, 85
Греймас А. (Greimas A.) 256
Гэл С. (Gal S.) 74, 105–107, 199

Данеш Ф. (Danesh F.) 133
де Богранд Р. (de Beaugrand R.) 258
Декарт Р. (Descarte R.) 26
Демьянков В. З. 255
де Соссюр Ф. (de Saussure F.) 22, 195
Джайлс Х. (Giles H.) 84, 103–104, 110, 125
Джи Дж. (Gee J. P.) 255, 261–262, 265, 268, 273, 276
Джонсон С. (Johnson S.) 164
Джонсон М. (Johnson M.) 204
Джугашвили И. В. 221
Диксон Р. (Dixon R. M. W.) 118, 133
Дориан Н. (Dorian N.) 112, 133–134
Дресслер В. (Dressler W.) 258
Дьячков М. В. 10–11, 160
Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 226

Екатерина II 181
Елоева Ф. А. 11

Жирмунский В. М. 199
Журавлёв В. К. 10

Земская Е. А. 9, 11, 72, 77, 84
Зиммель Г. (Simmel G.) 226

Иохельсон В. И. 128
Иссерс О. С. 252

Казакевич О. А. 133
Карасик В. И. 73, 100, 252
Карри Х. (Currie H.) 13
Карцевский С. И. 8, 20, 32
Касевич В. Б. 201, 269
Кастрен М. (Castren M. A.) 127
Кёстлер А. (Koestler A.) 221
Кибрик А. Е. (Kibrik A. E.) 115
Кинч У. (Kintsch W.) 256
Кинэн Э. (Keenan E.) 247, 250
Кирилл и Мефодий 180
Китайгородская М. В. 84
Клайн М. (Clyne M.) 273–274
Клемперер В. (Klemperer V.) 12, 209, 215
Ключевский В. О. 179
Кнудсен К. (Knudsen K.) 165
Кобозева И. М. 201
Коваль А. И. 9
Кодзасов С. В. 204
Краусс М. (Krauss M.) 113, 123–124
Крейдлин Г. Е. 85
Кристалл Д. (Crystal D.) 12, 112, 115, 120

Кристева Ю. (Kristeva J.) 256
Кронгауз М. А. 24, 201
Крысин Л. П. 10, 24, 46, 48, 78, 84, 109, 133, 198
Кукушкина Е. Ю. 110
Купер Р. (Cooper R.) 88, 92, 109
Купина Н. А. 11
Кэрролл Л. (Carroll L.) 158

Лабов У. (Labov W.) 15–16, 18, 52–53, 55–57, 64, 67, 84
Лакофф Дж. (Lakoff G.) 199, 204
Лакофф Р. (Lakoff R. T.) 69, 197, 199, 204
Ланж Д. (Lange D.) 271–272
Ларин Б. А. 8–9
Левин Ю. И. 205–208, 224
Левинсон С. (Levinson S.) 198, 231–235, 242–243, 245–247, 251–252, 271
Леви-Строс К. (Levi-Strauss C.) 256
Ленин В. И. 182, 215, 223
Леонтьев А. А. 32
Ле Паж Р. (Le Page R. B.) 14, 48, 146, 161
Лепская Н. И. 79–80, 85

Майдель Г. (Maydell G.) 128
Майерс-Скоттон К. (Myers-Scotton C.) 101
Макаров М. Л. 275
Макдэвид Р. И. (McDavid R. I., Jr.) 50, 84
Макки У. Ф. 194
Маленков Г. М. 215
Малиновский Б. (Malinowski B.) 252, 270
Маркс К. (Marx K.) 181
Марр Н. Я. 23, 204–205
Маслова Е. С. 128
Мацумото Й. (Matsumoto Y.) 245–246
Мейбин Дж. 72
Меновщиков Г. А. 151
Мечковская Н. Б. 11, 167
Минский М. (Minski M.) 269
Михальченко В. Ю. 195
Молотов В. М. 218

Наумова Т. Н. 80, 85
Нецкий Г. О. 9
Николаева Т. М. 202
Никольский Л. Б. 10

Ожегов С. И. 218
Оруэлл Дж. (Orwell J.) 208, 220–221
Осгуд Ч. (Osgood C. E.) 92–93
Остин Дж. (Austin J. L.) 257

Падучева Е. В. 237, 252
Пайпс Р. (Pipes R.) 162, 179, 195
Панов М. В. 11, 84
Панькин В. М. 11
Паршин П. Б. 217, 224–225
Петров В. В. 12
Пирогова Ю. К. 202, 225
Поливанов Е. Д. 9, 20, 22, 31–32, 77
Порхомовский А. И. 9
Пратт С. (Pratt S.) 262
Пушкин А. С. 158

Рабинович Е. Г. 11, 204, 221
Радек К. 217
Рейтынбарг Д. И. 9
Розанова Н. Н. 84
Розенцвейг В. Ю. 10
Ромейн С. (Romaine S.) 15, 85, 140, 271–272
Русаков А. Ю. 11

Сакс Х. (Sacks H.) 268
Селищев А. М. 9, 20–21, 77
Сепир Э. (Sapir E.) 24, 49, 95

Серио П. (Seriot P.) 48, 209–213, 225
Сёрль Дж. (Searle J. R.) 257
Сигуан М. (Siguan M.) 194
Сифиану М. (Sifianou M.) 244
Скворцов Н. Г. 37, 163, 195
Солженицын А. И. 216
Сомоса А. (Somosa A.) 220
Сперанский М. М. 181
Степанов Ю. С. 211, 213

Табуре-Келлер А. (Tabouret-Keller A.) 48, 146–147, 161
Тишков В. А. 46
Тодоров Ц. (Todorov T.) 256
Традгил П. (Trudgill P.) 5, 41, 51–52, 67–68, 73, 84, 161, 225
Троцкий Л. Д. 221
Трубецкой Н. С. 136
Туманян Э. Г. 195
Тынянов Ю. Н. 215

Уорф Б. (Whorf B. L.) 24
Ушаков Д. Н. 218

Фёдорова К. С. 105
Фергюсон Ч. (Ferguson C.) 15, 27–28, 80, 172, 195
Фишман Дж. (Fishman J. A.) 15–17, 26–27, 29–31, 38–40, 48, 88, 92, 100–101, 109–110, 129, 176, 180, 195
Фоули У. (Foley W. A.) 5, 85, 197–198, 244–245, 247, 250–251
Фрейденберг О. М. 32
Фуко М. (Foucault M.) 199

Хабермас Ю. (Habermas J.) 199
Хадсон Р. (Hudson R. A.) 5, 16, 32, 84
Хаймс Д. (Hymes D.) 15, 26, 32, 46, 49, 199, 242, 247, 257
Халлидей М. (Halliday M. A. K.) 17, 45, 222
Хауген Э. (Haugen E.) 160, 168–169
Хелимский Е. А. 142
Холмс Дж. (Holmes J.) 15, 252, 270–271
Хомский Н. (Chomsky N.) 25–26
Хрущёв Н. С. 184, 212

Цейтлин С. Н. 79

Чамберз Дж. (Chambers J. K.) 118
Черненко К. У. 215, 223
Чикобава А. С. 32
Чмейркова С. 133

Швейцер А. Д. 10, 194
Шенгрен (Schoengren) 127
Шерцер Дж. (Sherzer J.) 49, 69, 74
Шмелёв А. Д. 202, 225
Шмелёв Д. Н. 9
Шор Р. О. 9, 20
Шпет Г. Г. 35
Шпильрейн Н. Н. 9, 53
Шпринцин А. Г. 141, 145

Щерба Л. В. 158

Эко У. (Eco U.) 256
Энгельс Ф. (Engels F.) 220

Якобсон Р. О. (Jakobson R.) 79–80, 83, 136, 270
Яковлев Н. Ф. 182
Якубинский Л. П. 20, 22, 195
Янг Дж. (Young J. W.) 209, 214, 217, 219, 225

Agryle M. 100
Aikio M. 133
Allard R. 127
Ammon U. 195–196
Anderson B. 36
Appel R. 5, 194
Arends J. 160
Aronson E. 217
Asher R. E. 133

Bauman R. 49
Bayles 83
Bell A. 276
Bosch B. 96
Bourhis R. 126
Brenzinger M. 134
Brown G. 254
Brown R. 199

Campbell L. 133
Candlin C. N. 255
Carranza M. 95–96
Chafe W. 133
Cheshire J. 161, 225
Clerk V. 225
Cortiade M. 154
Coulmas F. 13, 160
Coupland J. 84
Coupland N. 77, 80, 83–85, 110, 251, 253, 256, 276

d'Anglejan A. 95
Darnell R. 120
deKlerk V. 96
Denison N. 113
Dittmer N. 195–196
Downes W. 15
Duranti A. 247

El-Dash L. 96
Escholz P. 225

Fairclough N. 254
Fasold R. 5, 32, 48, 109, 194, 253
Ford M. 199
Fowler R. 254

Garfinkel H. 17
Garrett P. 276
Giglioli P. P. 194, 252
Gilman A. 199
Glazer N. 196
Good C. H. 209
Greenfield L. 102
Grosjean F. 115

Harris T. 113
Hesbacher P. 110
Hewstone M. 110
Hock H. H. 160
Hornberger N. H. 252
Huebner T. 195

Inglehart R. 194

Jahr E. H. 161
Jaworski A. 85, 110, 251, 253, 256, 276
Jenkins R. 48

Kalmar I. 110
Kaszniak 83
Kaufman T. 149, 161
Kendon N. 252
Kimple J. 94
Kreindler I. T. 180, 194, 196
Kress G. 252
Kulick D. 134, 155

Lambert W. 92, 98
Laudry R. 127
Lazarus M. 35
Luhman R. 110

Martin P. 134
Matras Y. 160
Mattheier J. K. 195–196
Mckay S. L. 252

McMahon A. 161
Mesthrie R. 15, 148
Miyaoka O. 133
Montgomery M. 15
Mous M. 161
Moynihan D. P. 196
Murray S. O. 24
Muysken P. 5, 160, 194

Nelde P. H. 195

Ochs E. 80, 250–251
Ornstein-Galicia 195
Oshima M. 133

Philips S. U. 70
Powesland P. 110
Pratkanis A. R. 217

Renfrew C. 161
Robins R. H. 133
Rsa A. 225
Ryan E. B. 95–96

Schieffelin B. 80
Schiffrin D. 228–229, 240, 252–253, 276
Shils E. 36
Shrank J. 202, 225
Smith N. 160
Smout K. D. 156
Solchanyk R. 196
Sollors W. 48
StClair R. 103
Steinthal H. 35
Stewart W. A. 48
Stubbs M. 254, 274

Tannen D. 73, 95, 252, 268
Tauli V. 168
Thom F. 209, 222, 225
Thomason S. G. 149, 161
Tucker G. R. 95–96

Uhlenbeck E. M. 133

van Leeuwen T. 252

Wald B. 38, 90
Wallat C. 252, 268
Wardhaugh R. 15
Willemyus M. 127
Williams F. 87, 99–100
Wolfram W. 85
Woodward M. 194
Wurm S. A. 113, 133

Xiao Hong 110

Yule G. 254

Zhong Yong 110

Указатель географических названий, народов и языков[1]

аборигены Австралии 118
Австралия 118–120, 124, 128, 138, 259
Австрия 74, 106
Адыгея 185
азербайджанский 22
Азия 114, 124, 154
Албания 42
албанский 136
алеутский 156
алеуты 132
Алтай 185
Аляска 54, 121
Америка Северная (Южная) 114, 120, 124, 128, 138, 145, 153–154, 166, 277
американцы 73–74, 96–97, 103, 240
амхарский 173, 175
английский 43, 52, 71, 75, 95–96, 102, 105, 118, 120–121, 125, 137–138, 140, 146, 150, 156–157, 163–164, 166, 170, 172–174, 187, 191, 193, 243, 273–274
англичане 244
Англия (Великобритания) 13, 50, 52, 62, 67, 81, 119, 169, 219, 244, 259
Анюй (Большой и Малый), реки 128
арабский 27–28, 88, 125, 174
арабы 88
аравак 70
Атлантический океан 137
Афганистан 215
Африка 90, 114, 124, 128, 138, 154
африкаанс 96, 150

Балканский языковой союз 136
Балтия 181
Бангалор 51
банту 173
бастерс 154
баха-индонезийский 167, 173
Башкирия 183
Белиз (Британский Гондурас) 146
Белоруссия 185
Бельгия 42, 177
Берлин 234
Бирма 124
Ближний Восток 124
Болгария 42
болгарский 136
британцы 240
буряты 184

[1] В указателе не учтены сочетания типа «по-английски», «на русском языке», «по-испански» и т. п. Географические названия, входящие в библиографические описания цитируемой литературы (место издания), в указатель также не включены. Названия языков и языковых групп даны без слова «язык» («языки») — албанский, банту, индоевропейские, медновский и т. п.

Ванкувер 139
Венгрия 42, 175
венгерский 74, 106–107, 172
венгры 219
Вологда 60
Восточная Европа 179

Гаити 28
гаитянский креол 27
Гарлем 67
Гвинея-Биссау 148
Германия 50, 175, 209, 215, 218–219
говóрка *см.* таймырский пиджин
голландский 100, 137–138
греки 73
Греция 42, 73, 244
греческий *см.* (ново)греческий
гриквас *см.* бастерс

Дагестанские 181
Дания 42
Дхарвар 51

Европа 13, 114, 124, 189, 217, 258, 277
Енисей 127

Заир 124
зулусский 71

Ибо 173
иврит 88, 165, 171
идиш 150
Израиль 88, 103, 165
индейцы США 262–265
Индийский океан 137
Индия 26, 43, 51, 124, 139, 163, 187, 243
индоевропейские 136
индонезийский *см.* баха-индонезийский
Индонезия 124, 167, 173
испанский 96–97, 102, 119, 121, 125, 137, 147, 154, 166, 170, 187, 191, 193
Италия 42
итальянский 43, 186

Йоркширский диалект английского языка 43
йоруба 173

Казахи 181
казахский 181
Казахстан 42
калахуайа 154–155
Калифорния 191, 193
Калмыкия 185
Камерун 124
Канада 54, 120, 139
канадцы 105
карелы 184
Карибский бассейн 146
карибы 70–71, 154
каталанский 178
Квебек 193
Кения 90, 120, 169
кечуа 154, 170
кикуйу 120
Китай 124, 245
коасати 49, 70
коми 181
Коморские острова 247
Корея 215
Крайний Север (России) 120, 128, 181–182
креолы 153
креольские языки 143–149
кри 120, 153
кройо 154
ксоза 96
Куба 187
куна 75
кушитские 175
кяхтинский *см.* русско-китайский пиджин

Латвия 173–174
латыши 174
лингва франка 143, 173
Лондон 169

Маа 154
Мадагаскар 247
маймачинский *см.* русско-китайский пиджин
Македония 42
македонский 136
малагасийский (мальгашский) 247–251
Малайзия 26, 124, 173
малайцы 173
Малаккский пролив 173
Малые Антильские острова 70
марийцы 180, 184
мбугу *см.* маа
медиа ленгва 154–155
медновский 132, 151–155
Медный, остров 132, 151–153
Мексика 119, 124, 243
мексиканцы 95–97
мичиф 153, 155
Мозамбик 167
Молдова 42
Момбаса 90
мордва 184
мордовский 182

немецкий 42–43, 74, 106–107, 138, 176, 273–274
Непал 124
Нигерия 124, 139, 172
Никарагуа 220
(ново)греческий 27–28, 42, 136, 169
новозеландский английский 270
Новые Гебриды 124
норвежский 138, 165
Норидж 67
нутка 49
Нью-Йорк 55, 67

Оберварт 106–107
Обь 127
оромо 175

Палестина 165
Панама 75
Папуа–Новая Гвинея 124, 145, 149, 155
пара-романи 154–155
Персия 219
Петербург 60, 277
печу *см.* кройо
пиджины 136–143
пилипино 171–172
польский 181
Польша 42, 76, 181
португальский 125, 137, 167
пуэрто-риканцы 102
Пуэрто-Рико 26

Редвуд-Сити 191
ретороманский 43
романи (цыганский) 154
романские 136
Россия, Российская Федерация 19, 25, 42, 49, 124, 179–187, 197, 259, 266, 277
Румыния 42, 175
румынский 136
руссенорск 138, 140–141
Русская Америка 153
русский 71–72, 77, 80, 105, 121, 132, 138, 140, 151, 157–158, 172–174, 179–186, 209–222
русско-китайский пиджин 141–142, 145

саамский 138
сабир *см.* лингва франка
Сардиния 186
сардский 186
сдамские 175
Сейшельские острова 247
Сенегал 148

сенкйосиго (Senkyoshigo) 157–158
Сербия 42
сербохорватский 136
Сибирь 127, 181
славянские 136
Словения 42
смешанные языки 149–159
Средиземноморье 143
СССР 23, 78, 143, 170, 179–186, 203, 207
суахили 90–91, 169, 173
Судан 124, 174
Суматра 173
США 13–14, 24–25, 52, 60, 62–63, 86, 119, 176, 215, 256, 259, 266, 277–278

тагалог 171–172
таджикский 174
таймырский пиджин 141–143
тайский 71
тамильский 243
Танзания 26, 124, 169, 173
Татария 183
татары 181, 184
тектитеко 119–120
Тихий океан 114, 124, 137, 146
ток-писин 145, 149
Трансильвания 175
Тува 185
турецкий 42, 169
Турция 42

удмурты 184
узбекский 22, 174
Украина 42
украинский 181

Филиппины 26, 171
Финляндия 181
финны 186, 219
финский 71
фламандский 100
Флорида 187
Франция 13, 42, 75, 178, 219, 259
французский 43, 71, 95, 100, 105, 125, 137, 153, 166, 193

хауса 173
хинди 163, 187
хири-моту 149

цельталь 243
Центрально-Африканская Республика 124
цыгане 156
цыганский (романи) 156

Чад 124
Чехия 42
Чехословакия 216
чинукский жаргон 139, 145
чуваши 181, 183
Чувашия 185
чувашский 182
чукотский 76

шведский 138, 186
Швейцария 28, 43, 177
швейцарско-немецкий 27
Швеция 186
шелта 154–155

Эквадор 154, 170
Эльзас-Лотарингия 175, 177
эскимосский 192
эскимосский пиджин 139
Эфиопия 124, 169, 175

Южный Тироль 177
юкагирский 128
юкагиры 128

Якутия (Саха) 128
якутский 22
якуты 184
Япония 156–157, 245
японский 156–157, 245–246

Указатель основных терминов и понятий

Аббревиатура 221
Аборигенные языки 118 *см. также* Языки коренного населения
Аборигены, аборигенный 54, 118 *см. также* Коренные народы
Автостереотип 90
Автохтонный язык 167
Агенс 203
Адаптация иностранных слов 171–172
Адресат 202, 213
Аккомодация 110
Акролект 148
Актор 34, 228(сн.)
Акустические признаки 82
Акцент 52, 67, 105, 151
Алфавит 22, 165, 167, 170, 174, 182–183
Американская антропологическая ассоциация 14
Американское лингвистическое общество 123
Анализ дискурса *см.* Дискурсный анализ
Анонимность источника информации 53, 55
Антропология 13, 53, 55, 101, 105, 256, 267
— лингвистическая 197
Арго *см.* Жаргон
Ассерция 202 *см. также* Утверждение
Ассимиляционистская политика 118, 123, 167, 176–177, 181, 193
Афазия 80

Базилект 148
Балканизм 136
Бесписьменный язык 165–166, 182
Билингвизм 31, 82, 135, 150, 194 *см. также* Двуязычие
Биография 83
— лингвистическая 89
Биология 112–113, 124–125

Бихевиоризм 86–87
Будущее время 151

Вариант языка:
женский 69–70, 72–76, 84, 278
мужской 69–70, 72–76, 84, 278
Вариативность языковая *см.* Языковой вариант
Вариационистская социолингвистика 269
Вежливость 69, 71, 231–232, 242–246, 251, 271
Вежливые формы *см.* Вежливость
Взаимодействие:
лицом к лицу 227
несфокусированное 238
сфокусированное 239
языковое 107
Взаимопонятность 43
Вид (грамматическая категория) 145–146
Владение языком 48, 122
Властная иерархия *см.* Власть
Властные отношения *см.* Власть
Власть 48, 63, 197, 199–200, 222(сн.), 224(сн.), 230, 254, 278
Внутригрупповое общение 150, 153, 156
Возраст 37, 49, 55–58, 60, 62, 65, 67, 77, 79, 82–85, 122, 128, 130, 197
Возрастные нарушения речи 81–83
Вопрос 58, 69, 73, 83, 91
Вопросник 89, 91–92, 99, 127
Воспроизводство культуры 134 *см. также* Передача культуры
— языка 116 *см. также* Передача языка от поколения к поколению
Время (грамматическое) 140, 145–146, 151
Вторичный регистр общения с детьми 83–84
Выбор языка индивидуальный 19, 29, 30, 86, 100–101, 104–107, 109, 278
— — коллективный 111, 135
— языкового варианта *см.* Выбор языка индивидуальный
Выборка 59, 60(сн.), 64, 66–67
— представительная (репрезентативная) 60(сн.), 64–65
— случайная 64–65
— структурированная сознательная 64, 67
Вырождение языка 113 *см. также* Исчезновение языка; Языковая смерть

Гендер 69–77, 85 *см. также* Пол
Гендерные исследования 243
Генетическая близость языков 173
Гипербола 237
Гиперкоррекция 57, 69
Гиперсемиотизация 207
Гипотеза о биологической программе 146(сн.)
Гипотеза Сепира–Уорфа 24 *см. также* Лингвистическая относительность
Глагол 51, 151, 210–211, 213
Гласный звук 68, 82
Глоттофагия 177
Говор 29, 47
Говорящий 22, 24, 45, 56, 68, 84, 87, 90, 99, 104, 139, 199, 229, 233–234, 241–242
Гонорифический 219
«Государственность» 39–40 *см. также* Национизм
Государственный язык 13, 42, 107, 117, 121–122, 125, 163, 165, 167, 169, 171, 173, 182, 185–186, 190
Государство 37, 39, 40–42, 45, 50, 119, 125, 163–164, 166–167, 170, 173–179, 182, 185, 189, 218 *см. также* Нация
— многонациональное 38–39, 179
Грамматика 20, 27, 50, 52, 57, 70, 76, 79–80, 82, 139, 145(сн.), 150, 154, 156–158, 167–168, 212, 223, 224(сн.), 239
Грамматикализация 271
Грамматическое описание 44
Грамотность 174, 190
Группа:
контрольная 96
моноэтничная 115
социальная 20, 29, 33, 35–36, 50–51, 53(сн.), 61–63, 71, 79, 94, 98, 106–107, 153, 199, 222, 241, 243, 277
социокультурная 39, 95, 105
этническая 33–39, 41, 48, 50, 62, 74, 90, 94, 119, 127, 137(сн.), 153, 155, 170

Двуязычие 15, 18–19, 37, 41, 48, 74, 78, 81, 88–90, 92–94, 96, 101, 103, 106–107, 111–112, 115, 121, 154, 156, 158, 177, 186, 190–194, 277 *см. также* Билингвизм
Деколонизация 13, 166
Декреолизация 148

Демография 17, 81, 114, 123, 126, 172
Деривация 171
Десемантизация 205, 211
Диалект (территориальный) 27–29, 43–45, 47, 49, 50, 52, 76, 118, 124, 151, 170, 183, 190, 223
Диалектная цепь *см.* Диалектный континуум
Диалектный континуум 44, 148
«Диалектология города» *см.* Социальная диалектология
Диалектология (территориальная) 52, 148
Диалог 73, 152, 226, 257, 272
Дивергенция 104
Диглоссия 17, 26, 28, 31, 37, 48, 94–96, 98, 102, 121
Дизъюнкция 255
Диктор 92–93, 96
Дискурс 200(сн.), 201, 205–212, 224, 251–253, 256–257, 259, 260–261, 264–267, 269–270, 273–275
Дискурсивное событие текста 268
Дискурсный анализ 200, 204, 253, 256–259, 267–272, 274–276
Долгота гласного 151
Домейн 31, 101–102 *см. также* Коммуникативная область языкового варианта
Домен *см.* Домейн
Доминирование 163, 175–176

Жаргон (арго) 78–79, 222
— (контактный язык) 136(сн.)

Заимствование 132, 136, 150, 156, 158–159, 166
Знак 22, 28, 168, 256–257

Идентичность 35, 37, 48, 135, 146, 155, 160–161, 188–189, 227, 241, 252, 254, 260–264, 272–273 *см. также* Этническая идентичность
Идеология 21–22, 163, 200, 203, 223, 242, 254, 258
Идиолект 148
Идиом 47
Избыточность 140, 168
Извинение 234, 244–245, 271
Иммиграция 37, 115, 126, 174
Императив 151, 229
Импликатура 201, 237
Имплицитность 201–203

Имя 71, 151
Индекс статусной характеристики 62
Индивидуализм 245, 249
Инновация 50, 55, 76, 78–79
Институциональная поддержка 125–126
— практика 254
Институциональный контекст 101, 274
Инструментальный подход (в языковом планировании) 168
Интеракционизм 269
Интеракционная социолингвистика 226, 252, 259 *см. также* Социолингвистика речевого взаимодействия
Интервью 54–55, 58, 67, 89–92
— групповое 58
— спонтанное 57
— структурированное 57
Интердискурсивный 210
Интерпретативный подход к межличностному общению 239
Интерференция 135, 150
Интонация 72, 240–241
Интрадискурсивный 210
Инфинитив 51, 151
Информант 53–54, 58, 66
Ирония 237
Искусственный интеллект 257, 269(сн.)
Испытуемый 67, 96 *см. также* Респондент
История 40, 147, 258
Исчезновение языка 122, 131 *см. также* Вырождение языка; Языковая смерть

Каламбур 237
Кириллизация 174, 183
Кодификация 44–45, 170
Колониализм 41, 166, 176, 179
Коммунизм 24
Коммуникативная задача 109 *см. также* Коммуникативная установка; Коммуникативное намерение
— максима *см.* Коммуникативный постулат
— неудача 239
— область языкового варианта 47, 101 *см. также* Домейн
— пригодность языка 47
— ситуация 27, 30, 45, 68, 101, 111, 201, 250, 272

— установка 201 *см. также* Коммуникативная задача; Коммуникативное намерение
Коммуникативное намерение 203, 235 *см. также* Коммуникативная задача; Коммуникативная установка
Коммуникативный постулат 234–238, 247–250
Коммуникационный конфликт 138
Коммуникация 18, 45, 81–82, 101, 131, 150
— межкультурная 226, 239, 242, 273–274
— межличностная 199(сн.), 226, 253
— невербальная (неречевая) 100
— письменная 68, 274
— устная 68
Компетенция:
коммуникативная 18, 31, 80, 241 *см. также* Языковое поведение
языковая 13, 24–25, 80, 82, 130–131, 242(сн.)
Конвергентное развитие языков 136, 154
Конвергенция (уподобление своей речи речи собеседника) 104
Конституция РФ 42
Конструктивизм 36
Контекстуализирующая зацепка 240–241
Контрастивное самосознание 40
Конъюнкция 255
Коренное население *см.* Коренной народ
Коренной народ 54, 117, 127–128, 137(сн.), 141(сн.), 181 *см. также* Малочисленный народ
Креолизация 18, 161
Креолы 48, 153,
Критический анализ дискурса 200, 204, 253, 274
Культура 25–26, 34, 40, 72–73, 105–106, 122, 128, 131–132, 155, 162, 175, 177–178, 182, 188–189, 198, 239, 243, 247, 249–250, 257, 264, 272–273
«Культура речи» 23
Культурная антропология *см.* Антропология
Культурные знания *см.* Культура
— нормы *см.* Культура
— практики *см.* Культура
— традиции *см.* Культура
— ценности *см.* Культура

Латинизация 174, 183
«Легенда» исследователя 53

Лексика 52, 57, 70, 72, 79, 135, 137, 145, 150–151, 156–158, 204, 217, 222, 240, 269
Лингвистика:
дескриптивная 20, 24
корпусная 274
прикладная 20, 224
структурная 13, 16–17, 21, 23, 26, 31, 53, 123, 226, 256–257, 259
текста 18, 204, 258
Лингвистическая относительность 18, 24, 247 *см. также* Гипотеза Сепира–Уорфа
Лингва франка 136(сн.), 143, 173
«Лингвацид» 113
Лингвистический этикет *см.* Вежливость
Лингвогеография 17
Линейность речи 272
Литературоведение 267
Литота 237
Лицо (грамматическое) 140, 151
«Лицо» (face) 198(сн.), 227–235, 242–246, 247(сн.), 248

Магнитофонная запись 53, 58–59
Макросоциолингвистика 18–19, 226, 241
Макросоциология языка 17
Макроструктура 204, 258 *см. также* Организация текста
Малочисленные народы 133, 181, 184, 195 *см. также* Коренные народы
Манихейство 219
Марксизм 21, 23–24, 32, 181–182, 184, 215
Марризм 32 *см. также* «Новое учение о языке»
Математические методы 60(сн.), 89, 99
Междометие 73
Межличностный ритуал 228, 231
Межнациональный брак 116 *см. также* Смешанный брак
Межэтнические контакты 136–162
Мейозис *см.* Литота
Ментализм 86–87
Местоимение:
личное 71, 75–77, 234
субъектное 151
указательное 151
Метатеза 157

Метафора 20, 78, 112, 199(сн.), 204, 237, 269
Методы (методики) социолингвистики 31, 52–53, 55, 84, 86–110, 278
методика «парных масок» 92–95, 99
— семантических дифференциалов 89, 91–92, 99–100
методики прямые 87, 92
— непрямые 87–88, 92
методы качественные 89–90, 269, 275
— количественные 76, 89, 270, 275
Метрополия 41, 179
Миграция 177
Микросоциолингвистика 18–19, 226–227, 241, 257
Микросоциология 257, 259
Миноритарный язык *см.* Язык меньшинства
Миссионер 118, 156, 180
Многодиалектность 18
Многоязычие 17–18, 33, 38, 40–42, 48, 74, 80, 89–90, 115(сн.), 121, 177, 186
Множественное число 229, 234
Модальность 69, 145–146, 201, 233
Модернизация языка 171–173
Монолог 58
Морфология 23, 70, 72, 135, 140
— флективная 139, 145(сн.)
Морфонология 56

Наблюдение 89–92, 129
— включенное 105
Навязывание пресуппозиции 202
Наречие 151
Национализм 39–41, 163
Национальное движение 48
Национальность 33, 35, 38–40, 43, 58, 61, 65, 121 *см. также* Этничность
Национальный конфликт 163
Национизм 39 *см. также* «Государственность»
Нация 38–40, 179, 185 *см. также* Государство
— многоэтничная 39
Невербальное поведение 240, 263, 265
Негенетическое развитие языка 150
Неологизм 79
Непрямое дополнение 203

«Новое учение о языке» 23 *см. также* Марризм
Номинализация 209–213, 234

Обработка данных 53, 91
Образование 18, 28, 37, 39, 41–42, 45, 50, 55, 62, 65–66, 83, 93, 98, 101, 113, 117, 126, 164–165, 167, 171–172, 181–195
Общество:
кастовое, каста, 51, 243
неиндустриальное 63
эгалитарное 243, 248
Община (community) 54–55, 63–64, 105, 130, 132, 162
Общность:
речевая 50
этническая 54, 132, 135, 147, 163, 266
языковая 16, 26, 28–32, 53, 61, 71, 111, 115, 125, 167, 241 *см. также* Языковой коллектив
Одноязычие 38, 40–41, 48, 106–107, 115(сн.), 177, 193
Онтогенез 80
Описательная социолингвистика 30–31
Оптимизация языка 224
Организация текста 204 *см. также* Макроструктура
Орфография 166–167, 170, 182
Отбор языка 166, 169, 172
— языкового варианта 44
Ответ 73, 91, 93
Отглагольное существительное 210–211
Отношение к языку 18, 29, 86–90, 93, 95–96, 98, 109, 169, 173, 278
Отрицание 151, 202
Отталкивание (друг от друга по манере речи) 57
Оценка 47, 69, 93–95, 97–100, 102, 130
— аффективная 93, 95 *см. также* Шкала солидарности
— данных 91
— состояния языка 129
— статусная 93, 95
— субъективная 61, 63

Падеж 140, 167
«Парадокс наблюдателя» 57
Параметры социолингвистического исследования 61
Партиципант *см.* Участник ситуации; Семантический актант
Пассивный залог 203

Пациенс 203
Пейоративный 216
Передача культуры 18 *см. также* Воспроизводство культуры
— языка от поколения к поколению 113, 116, 177 *см. также* Воспроизводство языка
Переключение кодов 18, 30, 38, 101, 105–107, 109, 111, 118, 154, 158
Перепись населения 46
«Переплетение языков» 149, 154, 157–158, 160
Переразложение 151
Пиджин 135–140, 143–146, 154, 159, 160
— диагностические признаки 139
— морской 138
— плантационный 138
— расширенный 145, 149(сн.)
— торговый 138, 140(сн.)
Пиджинизация 18
Письменная форма языка 166, 190, 254, 260–261
Письменность 117, 149, 170, 174, 180, 182, 274
Письмо *см.* Письменность
Племя 128
Поведение 16–17, 28, 30, 33, 86, 104–105, 147, 227, 229
Повтор 83, 94, 205
Подавление языка 117, 177
Подлежащее 203
Подстраивание (друг под друга по манере речи) 57
Позитивизм 86(сн.)
Поколение 37, 50, 78–79, 119, 122, 129–131, 143, 154, 156
Поколенческие различия *см.* Поколение
Пол 37, 49, 58, 60, 67, 69, 71, 73, 75–77, 197 *см. также* Гендер
Полевое исследование 26, 53, 55, 85, 127–128, 152, 165, 250
Политика 43–44, 79, 112, 126, 163, 174, 176–178, 181, 184–185, 189, 194, 197, 202, 209–223, 224(сн.), 258
Политология 226–267
Полуязычие 122
Порядок слов 145
Послелог 150
Посткреольский континуум 148
Поэтика 256
Правоведение 258
Прагматика 258
Предикация 209–210

Предложение 24, 255, 257
Предустановка на восприятие 239
Прерывание собеседника 72–73
Престиж (языка, варианта) 13, 43–44, 47, 73, 93, 117, 119–120, 126, 156, 159, 186
Престижность *см.* Престиж
Пресуппозиция 201–202, 213, 240
Префикс 216
Приверженность языку *см.* Языковая лояльность
Приказ 244, 250 *см. также* Просьба
Прилагательное 69, 99
Приложение 214
Примордиализм 36
Принцип кооперации 231(сн.), 234–235, 247
Причастие 51
Произношение 20, 52, 55–57, 59, 65, 68, 73, 82, 104, 136(сн.), 222
Пропаганда 202, 217, 220
Пропозиция 201, 255
Прослушивание текстов (записей) 88, 92–94, 96, 99–100
Просодика 204
Просьба 244, 250 *см. также* Приказ
Профессия 37, 62, 65
Психиатрия 226
Психолингвистика 79
Психология 105, 257, 259, 267
— когнитивная 269(сн.)
— социальная 13, 86, 101, 103, 173, 226

Рабовладельческая плантация 137–138, 146
Развернутый ответ 58
Разрушение речи пожилых 81–83
Раса 50, 162, 175, 240
Расизм 23, 275
Распространение языка 46–47, 112
Расшифровка полевых записей 59
Реакция 86(сн.), 87, 91, 104
Регистр:
общения с детьми 80, 84
— с иностранцами 137
языковой 18, 45
Редупликация 145
Реклама 202, 225
Рекреолизация 148

Релексификация 158–159
Религия 29, 40, 50, 60, 88, 145(сн.), 165, 174–176, 180
Рема 201
Репиджинизация 147
Респондент 64–67, 91, 94, 100, 102 *см. также* Испытуемый
Речевая стратегия 95
Речевое поведение 60, 71–72, 75, 109, 138, 158, 229, 234, 239, 241–242, 246
Речевой акт 85, 146(сн.), 228, 232, 250, 257, 269, 271, 275
— портрет 109
— прототип 76
— сдвиг 31
— стиль 20, 72
— этикет 80 *см. также* Вежливость
Речь 58, 67–68, 166
— детская 79–80, 83–85
— косвенная 271–272
— непрямая 75
— неформальная 59
— прямая 75
— разговорная 69
— ритуализованная 205–207
— стилистически нейтральная 58
— формальная 59
Ритм 240
Риторика 204, 214, 223, 256, 269
Ритуальный текст 205–206
Род (грамматический) 140, 151
Родственные языки 47
Родство 71, 197
Русификация 181–184

Самоназвание 162
Самоидентификация 79, 95, 101, 132, 147, 150, 155(сн.), 157, 253
— контрастивная 95
Сбор полевых данных 53, 55–57, 146(сн.)
Свертывание предикации 209
Семантика 23, 237, 240
Семантическая роль 203 *см. также* Семантический актант; Участник ситуации
Семантический актант 210 *см. также* Участник ситуации
Семиотика 256, 269 *см. также* Социосемиотика
Семья 29

Сигнальный механизм 240
Синонимия 109(сн.), 212
Синтаксис 23–24, 72, 83, 135, 150–151, 203, 209, 212, 240
Ситуативный вывод 240
Ситуационизм 36
Ситуационная модель 267–268
Сказуемое 211, 213
Словарь (свод лексики) 44–45, 163–165, 173, 218
— (словарный состав) 20, 77, 139, 171, 219
Словоизменение 150
Словообразование 171
Словосложение 171
Слушающий 18, 22, 24, 84, 93, 104–105, 233
Смена темы разговора 72
Смешанный брак 107, 153, 155 *см. также* Межнациональный брак
— язык 135, 149, 150–151, 152(сн.), 154–158
Смешение кодов 101, 158, 159 *см. также* Переключение кодов
Смысловой блок 268 *см. также* Стансы
Советский язык *см.* Язык советской эпохи
Совокупность (элементов объекта исследования) 59, 60(сн.), 62
Согласие информанта 54–55
Согласный звук 56, 65, 68, 76
Сознание 86
Сознательное изменение языка 22, 155–156, 158–159
Солидарность 73, 199, 232, 243
Сохранение языка 111, 113, 115, 117, 119, 125, 129
Социализация 18, 80, 85
Социальная антропология *см.* Антропология
— граница 50
— диалектология 18, 52–53, 55, 278
— дифференциация 21, 199(сн.), 272
— идентичность *см.* Идентичность
— иерархия 197–198
— категория 35, 103, 268
— мобильность 148
— норма 16, 106
— организация 17, 22, 30–31, 254
— практика 48, 254
— роль 63, 75, 198(сн.), 227
— стратификация 51, 62, 198, 277
— структура 60–61, 79, 198–199
— характеристика 51, 61
Социально-демографическая категория 76–77, 172

Социальное положение 49, 198
— различие 20, 242
— расстояние 50–51
Социальные изменения 22
Социальный вариант языка *см.* Языковой вариант
— диалект 8, 18, 22, 32, 49, 50, 66–67, 84–85, 87, 199(сн.), 277 *см. также* Социолект; Языковой вариант
— институт 227, 229, 260–261, 265, 274
— класс 20, 29, 37, 50–52, 57, 60–61, 63, 68, 198, 199(сн.), 243
— статус 45, 55–56, 58, 60–61, 67, 100, 117, 126, 137–138, 153, 198, 240–241, 252, 260
Социолект 50 *см. также* Социальный диалект; Языковой вариант
Социолингвистика речевого взаимодействия 200 *см. также* Интеракционистская социолингвистика
Социолингвистическая ситуация 28 *см. также* Языковая ситуация
Социолингвистический перенос 239, 274
— подход (в языковом планировании) 168
Социологический опрос 202
Социология 13, 16–17, 26, 28–30, 48, 60(сн.), 63, 86(сн.), 101, 226–227, 230, 252, 259, 267, 268(сн.), 278
Социосемиотика 17
Социоцентричность 245–246, 249
Социум 18, 72–73, 135, 148–149
Сочинение 209, 211–213
Союз 151
Спонтанность речи 57
Сравнительно-историческое языкознание 137(сн.)
Средства массовой информации 42, 90, 118, 121, 123, 126, 149, 176, 203–204, 206, 224, 276
Стандартизация языка 13, 18, 90, 163–164, 166, 169
Стансы 268(сн.) *см. также* Смысловой блок
Статистика 59, 64, 72, 89, 211
Статус языка 18, 42, 52, 119, 149, 179, 185
Стереотип 69, 73, 75, 83, 85, 100, 110, 240
Стилистика 18, 204
Стимул 86(сн.), 87, 91
Субстратный язык 137
Судопроизводство 42
Суперстратный язык 137
Суффикс 215

Таблица случайных чисел 64
Табу 70–71

Тавтология 237
Тайный язык 155(сн.), 157, 222(сн.)
Тембр 76
Темп 240
Теория вербальной коммуникации 226, 238–239
— воздействия 200
Терминологическая система 45, 116, 164, 166–167, 171–172
Территория распространения языка 46–47
Типологическая близость языков 47, 137
Типология:
культур 243
лингвистическая 23
социолингвистических ситуаций 48
языковых ситуаций 47
Тоталитаризм 204–224
Традиционная хозяйственная деятельность 116, 121
Традиция 33, 36, 130, 132, 175, 180
— языковая 121–122
Транскрипция 251
Трансформация культуры 131–132
Умирающий язык 123, 131 *см. также* Исчезающие языки; Языки, находящиеся в опасности
Упрощение:
коммуникации 84
языка 137, 139
Усвоение языка 80, 89, 131, 137, 141, 144, 177
Усилительная форма 69
Устная форма языка 165–167, 170, 222, 248, 254, 260–261, 273
Утверждение 69, 202 *см. также* Ассерция
Участник ситуации 203 *см. также* Семантический актант; Семантическая роль

Факторный анализ 99
Фигура речи 237
Философия 13, 21, 31, 258
Фокус 201
Фонема 151, 157
Фонетика 22, 32, 50, 56–57, 70, 72, 135, 150, 157, 168, 204, 224(сн.), 240
Фонологический союз 136(сн.)
Фонология 23, 59, 151, 240
Французский структурализм 256

Фрейм 268, 275
Функции языка 48, 119, 140, 144, 145(сн.), 254, 269–272
— — в государстве 45, 171, 185, 272
Функция языка:
— аффективная 270–271
— коммуникативная 24, 270
— ритуальная 119, 207
— экспрессивная 78–79

Целевая аудитория 202(сн.)
Цель социолингвистического исследования 53, 58, 109

Частица 151
Частотность употребления 72
Численность (носителей языка) 137
Число 140
Чтение 59, 67–69

Широкомасштабный опрос 63
Шкала солидарности 95–97, 99–100 *см. также* Оценка аффективная
— статуса *см. также* Оценка статусная 95–97, 99–100
Школа 41, 62, 69, 90, 96, 117–119, 121, 149, 164–165, 167, 172, 174, 181–187, 190–193, 195 *см. также* Образование
Школа-интернат 118, 121

Эвфемизм 217 *см. также* Эзопов язык
Эгоцентричность 245–246
Эзопов язык 217 *см. также* Эвфемизм
Экология 113
Экономика 43, 50–51, 91, 112, 117, 119, 123, 126, 176–177, 183–184, 190, 194
Эксперимент 56, 66, 73, 83–84, 89, 92, 94, 96–98, 102–103
Эксплицитность 201, 235
Эмиграция 126, 158, 187
Эндогамия 126
Эстетическая ценность языка 47
Этика социолингвистических исследований 53, 54, 55
Этническая граница 34–35, 48
— идентичность 33–34, 40, 48 *см. также* Идентичность
— категоризация 48

— категория 34–35
— самобытность 178
Этнический конфликт 163
— маркер 153, 155, 163
— признак 48
— язык 41, 121
Этническое самоопределение 34–35, 40 *см. также* Этническая идентичность; Этническое самоотождествление; Этническое самосознание
— самосознание 33, 37, 40, 91, 163 *см. также* Этническая идентичность; Этническое самоотождествление; Этническое самоопределение
— самоотождествление 37 *см. также* Этническая идентичность; Этническое самоопределение; Этническое самоотождествление
Этничность 33–34, 36–39, 48, 60–61, 99–100, 103, 146, 155, 159, 175, 177, 180, 196, 240 *см. также* Национальность
Этнография 127, 131 *см. также* Антропология; Этнология
— коммуникации 14, 17, 49, 257, 278
— речи 18, 26, 32, 199, 255, 257
Этнолингвистика 17, 24, 197 *см. также* Антропология лингвистическая
Этнология 64, 256 *см. также* Антропология; Этнография
Этнометодология 17, 18, 269(сн.)
Этнос 33, 48
Этноязыковая жизнеспособность 125, 126 *см. также* Языковая жизнеспособность

«Я» (self) 227–229
Язык:
афроамериканцев 13, 62, 96
белого населения США 96
большинства 188–193
второй 141, 179, 184
в противопоставлении диалекту 43–44, 47–48, 124, 183
глобальный 112
доминирующий 47, 112, 119, 122, 130, 159, 178, 185–186, 190
естественный 168
-источник 150, 156
исчезающий 123–125, 127–128 *см. также* Умирающие языки; Языки, находящиеся в опасности

контактный 136
коренного населения 54, 117
креольский 135, 143–149, 154, 159–160
-лексификатор 137–139, 140(сн.), 148
литературный 44, 166, 190
«малый» 23
материнский 46, 188
международный 112
меньшинства 113, 167, 177, 184–193
находящийся в опасности 112–115, 123, 133
национальный (общенациональный) 40, 42, 45, 49
неродственный 47
новый 135, 154, 168
официальный 42, 112, 117, 149, 163–164, 173–174, 185
первый 46, 114, 117
племенной 13
-посредник 150
поэзии 91, 119
родной 24, 27–28, 40–41, 46, 104, 106, 116–117, 122–123, 129–131, 137, 139, 144, 147–148, 154, 156–157, 177, 182–183, 187–188, 192, 239
советской эпохи 204–225
стандартный 27–28, 44–45, 78–90, 170
титульный 42, 117, 119, 122, 185
Языки народов СССР 23
Языковая жизнеспособность 125–127 *см. также* Сохранение языка; Этноязыковая жизнеспособность
Языковая игра 78, 158–159, 222
— лояльность (приверженность языку) 29, 40, 47, 104, 110
— норма 30, 75, 78, 81, 164, 222(сн.)
— политика 22, 117, 125, 163–196
— переменная 46, 61, 65, 68, 76, 83, 87, 126, 277
— ситуация 8, 19, 28, 30–31, 46–47, 115, 122, 133 *см. также* Социолингвистическая ситуация
— — гармоническая 47
— — дисгармоничная 47
— — многополюсная 47
— — многоязычная 47
— — неравновесная 47
— — однополюсная 47
— — одноязычная 47

— — равновесная 47
— — экзоглоссная 47
— — эндоглоссная 47
— смерть 112–113, 115, 129, 133, 167 *см. также* Вырождение языка; Исчезновение языка
— устойчивость 125, 127, 129
— формула 75, 205
Языковое варьирование 201, 217
— воздействие на сознание 201, 204, 217, 224 *см. также* Языковое манипулирование
— манипулирование 200, 204 *см. также* Языковое воздействие на сознание
— меньшинство 41, 113–114, 118, 169, 174, 175–177, 182, 186–195
— окружение 115
— планирование 15, 17–19, 30, 159(сн.), 163–166, 167(сн.), 168–171
— поведение 27, 30–31, 92, 104–106, 109 *см. также* Коммуникативная компетенция
— развитие детей 18
— сопротивление 222
— строительство 17–19, 22, 163, 167, 170, 182, 194
Языковой вариант 16, 18–19, 27, 29–31, 37–38, 44–45, 47, 49–50, 52, 73, 81, 90, 101, 104, 113, 148, 201, 277 *см. также* Социальный диалект; Социолекты
— коллектив 16, 33, 47, 122, 130, 159, 226 *см. также* Языковая общность
— конфликт 13, 19, 30, 176–179, 184, 189, 194–195
— репертуар 18, 29–30
— сдвиг 111–112, 114, 116–117, 119–120, 122, 125, 129–130, 133–134, 177, 184, 193, 278
— союз 136, 154
Языковые изменения 16, 18–22, 50, 76–78, 131–132, 156, 160–161, 168, 272
— контакты 8, 19, 48, 111, 115, 135–161, 194, 278
— права 181–182

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Основные публикации по социолингвистике на русском языке .. 8

Введение 13
Краткий обзор существующей литературы 14
Определения социолингвистики 15
Предметные области социолингвистики 17
История развития социолингвистики 19
Этапы становления социолингвистики в России 19
Развитие социолингвистики в США 24
Рекомендуемая литература 31

Глава 1. Язык и общество 33
Понятие этничности. Этническая группа 33
Понятие социальной идентичности. Языковые варианты 37
Национальность и нация: Многонациональные государства и многоэтничные нации 38
Национализм. Государственность. Язык 39
Многоязычие 40
Государственный, официальный, титульный языки. Статус языка 42
Язык и диалект 43
Стандартный литературный язык 44
Диалект и регистр 45
Материнский язык. Родной язык. Первый язык 46
Понятие языковой ситуации 46
Рекомендуемая литература 48

Глава 2. Социальные диалекты 49
Социальная и языковая дифференциация 49
Методы изучения социальных диалектов 52
Этические принципы полевой работы 53
Методики сбора полевых данных 55
Методика анонимного интервью 55
Методика структурированных интервью 57
Чтение 59

Выборка ... 59
Объективные измерения ... 61
Субъективная оценка ... 63
Разновидности выборки ... 64
Гендерные различия в языке ... 69
Язык и возраст ... 77
Рекомендуемая литература ... 84

Глава 3. Отношение к языку. Индивидуальный выбор языка ... 86
Отношение к языку ... 86
Методы изучения отношения к языку ... 87
Прямые и непрямые методики ... 87
Количественные и качественные методы ... 89
Вопросники, интервью, наблюдения ... 91
Экспериментальные методы: методика «парных масок» ... 92
Области применения описанных методик ... 94
Самоидентификация группы (group identity) ... 95
Изучение двуязычия (диглоссии) ... 96
Образование ... 98
Выбор языка ... 100
Социологический подход ... 101
Социально-психологический подход ... 103
Культурно-антропологический подход ... 105
Рекомендуемая литература ... 109

Глава 4. Коллективный выбор языка: языковой сдвиг и сохранение языка ... 111
Языковой сдвиг ... 111
Причины и условия языкового сдвига ... 111
Темпы языкового сдвига ... 119
Разрыв языковой традиции ... 121
Исчезающие языки в масштабах планеты ... 123
Языковая жизнеспособность. Сохранение языка ... 125
Языковая устойчивость ... 127
Причины языковой устойчивости ... 129
Рекомендуемая литература ... 133

Глава 5. Коллективный выбор языка: новые языки и конструирование новых идентичностей ... 135
Неэкстремальные ситуации языковых контактов ... 135
Экстремальные ситуации языковых контактов ... 136
Пиджины ... 136
Диагностические признаки пиджина ... 139

Руссенорск ... 141
Русско-китайский пиджин ... 141
Таймырский пиджин (говóрка) ... 142
Креольские языки ... 143
Формирование креольских языков ... 144
Пути развития креольских языков ... 147
Смешанные языки ... 149
Язык алеутов острова Медный ... 151
Формирование смешанного языка ... 155
Рекомендуемая литература ... 159

Глава 6. Языковая политика. Языковые меньшинства. Двуязычное образование ... 162
Языковая политика и языковое планирование ... 163
Индивидуальное языковое планирование ... 164
Государственное языковое планирование ... 166
Последовательность шагов при языковом планировании ... 169
Факторы, влияющие на выбор языка при языковом планировании ... 172
Языковые меньшинства ... 174
Языковые конфликты ... 176
Следствия языковых конфликтов. Нейтрализация языковых конфликтов ... 177
Языковая политика в дореволюционной России и на территории бывшего СССР ... 179
Российская империя и СССР — полиэтничные государства 179
Две традиции в области языковой политики в дореволюционной России ... 180
Советская власть и две традиции ... 181
Языковая политика в Российской Федерации после 1991 года ... 184
Двуязычие и образование ... 186
Преподавание языков меньшинств в школе ... 187
Типы программ двуязычного образования ... 190
Рекомендуемая литература ... 194

Глава 7. Язык и власть ... 197
Язык как инструмент власти ... 197
Отражение социальной иерархии общества в лингвистических практиках ... 197
Языковое варьирование как источник имплицитного воздействия на сознание ... 201
Язык советской эпохи ... 204
Тоталитарный дискурс ... 205

Лингвистические особенности официального языка советского периода ... 209
Языковое сопротивление ... 222
Рекомендуемая литература ... 224

Глава 8. Межличностная коммуникация. Межкультурная коммуникация ... 226
Межличностная коммуникация. Анализ речевого взаимодействия ... 226
«Социологическая драматургия» И. Гофмана ... 227
Теория «лингвистической вежливости» П. Браун и С. Левинсона ... 230
Принцип кооперации. Коммуникативные постулаты Г. П. Грайса ... 234
Теория вербальной коммуникации Дж. Гамперца ... 238
Проблемы межкультурной коммуникации ... 242
Межкультурные различия в представлениях о вежливости и *face* ... 242
Универсален ли принцип кооперации? ... 247
Рекомендуемая литература ... 251

Глава 9. Дискурс и дискурсный анализ ... 253
Что такое дискурс? ... 253
Истоки дискурсного анализа ... 256
Трактовка понятия «дискурс» в современных работах ... 259
«Способы существования» дискурсов ... 265
Процедура дискурсного анализа ... 267
Рекомендуемая литература ... 275

Вместо заключения ... 277

Литература ... 279

Указатель имен ... 303
Указатель географических названий, народов и языков ... 309
Указатель основных терминов и понятий ... 313

По всем вопросам, связанным с приобретением этой и других книг ИЦ «Гуманитарная Академия», обращаться в
Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

Санкт-Петербург:
Отдел реализации и оптовый склад —
Наб. Черной Речки, д. 18 (ст. метро «Черная Речка»),
тел. (812) 430-94-94.

Internet-продажи: магазин «ОЗОН»
http://www.ozon.ru

Москва:
Волоколамское шоссе, д. 3 (ст. метро «Сокол»),
тел. (095) 937-67-44.

E-mail: humak@hotbox.ru; gumak@mail.ru
Сайт: www.humak.ru

Николай Борисович Вахтин
Евгений Васильевич Головко

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Учебное пособие

Утверждено к печати Ученым советом Европейского университета в Санкт-Петербурге

Ответственный редактор *Ю. С. Довженко*
Редактор *Е. И. Васьковская*
Художник *П. П. Лосев*
Компьютерная верстка *А. Б. Левкина*

Лицензия № 03435 от 05.12.2000 г.
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге,
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
194044, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 18

ISBN 5-93762-044-5

Подписано в печать 21.10.2004. Формат 84x108 1/32.
Бумага типографская. Гарнитура JournalC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 14,21. Тираж 1500 экз. Заказ № 3623

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография "Наука"»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12.